СБОРНИКЪ 1914

СБОРНИКЪ

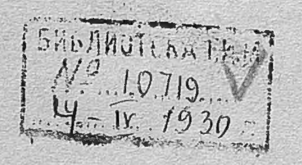
1914 годъ.

Стихи: И. А. Бунина, Ю. Балтрушайтиса, Ады Чумаченко, Ив. Бѣлоусова, Юр. Веселовскаго, С. Головачевскаго, С. Парнокъ, Семена Ѳомина.
Беллетристика: Н. А. Крашенинниковъ, Н. Д. Телешовъ, Б. Зайцевъ, Ш. ванъ-Лербергъ, Екатерина Экъ, Францъ Элленсъ (бельгiйскiй писатель).
Статьи: Марiи Веселовской, Б. И. Сыромятникова, Вл. М. Фриче, Я. Тугендхольда, Вас. Карякина.

Обложка и рисунки художника
Вас. Денисова.

Подъ редакцiей
С. А. Лопашова.

отпечатано въ типо-литографіи
русскаго товарищества печат-
наго и издательскаго дѣла, въ
москвѣ, чистые пруды, мыль-
никовъ пер., соб. домъ. начато
14 и окончено 29 ноября 1914 г.

Предлагая вниманію читателя сборникъ „1914 годъ“, редакція хотѣла бы подчеркнуть цѣль изданія.

Семьи запасныхъ непосредственно испытываютъ на себѣ всю тяжесть войны, лишаясь, однѣ—на время, другія—навсегда своихъ самыхъ дорогихъ, близкихъ... единственныхъ, кто отдавалъ имъ свою заботу, трудъ и любовь.

Придти къ нимъ съ матеріальной поддержкой, сдѣлать существованіе ихъ сноснымъ обязанъ каждый изъ насъ.

Оказать такую помощь семьямъ нашихъ воиновъ было желаніемъ жертвователей—авторовъ и художника, предоставившихъ редакціи свои новыя произведенія.

Доходъ со сборника поступаетъ на оказаніе помощи семьямъ лицъ, призванныхъ на войну, забота о которыхъ лежитъ на Комитетѣ Великой Княгини Елисаветы Θеодоровны.

Редакція.

НОЧЛЕГЪ.

Міръ—лѣсъ, ночной пріютъ птицы.

Брамины.

Въ вечерній часъ тепло во маракѣ лѣса
И въ теплыхъ водахъ меркнетъ свѣтъ зари.
Пади во мракъ зеленаго навѣса—
И, пріютясь, замри.

А раннимъ утромъ, бѣлымъ и росистымъ,
Взмахни крыломъ, среди листвы шурша,
И растворись, исчезни въ небѣ чистомъ—
Вернись на родину, душа!

Индійскій океанъ.
Мартъ 1910 г.

НИЩІЙ.

Возноси хвалы при захожденіи звѣздъ.
Коранъ.

Всѣ сады въ росѣ, но теплы гнѣзды—
Сладокъ птичій лепетъ, полусонъ.
Возноси хвалы—уходятъ звѣзды—
И гляди на розовый Гермонъ.

А потомъ, счастливый, босоногій,
Съ чашкой сядь подъ ивовый плетень.
Миръ идущимъ пыльною дорогой!
Славьте, братья, новый Божій день!

Дамаскъ.
Весна 1907 г.

Ив. Бунинъ.

1. СВѢТЪ ПОЮЩІЙ.

Въ тревогахъ жизни, въ часъ непрочный,
Свой жаръ лишь вешнимъ снамъ предавъ,
Молись, душа, тропѣ восточной
И шелесту разсвѣтныхъ травъ...

Дышать заботой перемѣнной
Всему, что входитъ въ явь, дано,
И все, что было, — колосъ тлѣнный,
Отдавшій Пахарю зерно...

И судъ вѣковъ замыслилъ строго,
Чтобъ былъ лишь мигомъ бѣглый мигъ
И билось сердце у порога
Свершеній и надеждъ своихъ...

Но Зодчій дней, въ любви суровой,
Торопитъ каждый взмахъ крыла,
Чтобъ мука смерти жизнью новой
И новой юностью была...

И вѣчно — вѣчно свѣтъ поющій
Вѣнчаетъ скорбь проявшихъ прахъ —
Молись, душа, зарѣ грядущей,
Сверкающей въ людскихъ слезахъ!

2. ЖЕРТВЕННИКЪ.

Весь смертный жаръ — отъ первыхъ дѣтскихъ слёзъ—
Весь трудъ часовъ — отъ дѣтскихъ малыхъ силъ —
Я въ храмъ земной тоскующе принесъ,
На жертвенникъ суровый возложилъ.....

И вся борьба, завѣщанная мнѣ
Средь смѣны дней, умолкшихъ безъ слѣда,
Цвѣла лишь съ тѣмъ, чтобъ былъ мой духъ въ огнѣ,
Пока пройдетъ земная череда.....

Но на кострѣ, гдѣ сердце сожжено,
Сквозь пламя жертвы понялъ я не разъ,
Что долгъ огня — единое звено,
Въ ткань вѣчности вплетающее насъ.....

Вотъ почему, прозрѣвъ въ людскомъ бреду,
Свой каждый мигъ наставшій, какъ былой,
На жертвенникъ суровый я кладу,
Чтобъ сталъ мой жребій дымомъ и золой!

3. ОГНЕННЫЙ НЕВОДЪ.

Учись у пламени живого,
Какъ въ часъ ущерба вспыхнуть снова,
И въ граняхъ полноты замѣть,
Какъ въ пеплѣ часа должно тлѣть.

Чтобъ было въ мірѣ время ало,
Исполни жребій искры малой
И, павъ на трутъ, обманешь тѣнь,
И вспыхнетъ утро, вспыхнетъ день.....

И въ сонныхъ граняхъ тьмы полночной,
Когда приспѣетъ часъ урочный,
Змѣись къ дубравѣ въ тишинѣ,
И встанетъ дерево въ огнѣ!

И съ дикимъ воемъ, въ бѣгѣ меткомъ,
Обвивъ стволы, струясь по вѣткамъ,
Какъ месть тоскѣ твоихъ оковъ,
Ты расцвѣтешь до облаковъ.

И дрогнувъ вдругъ, надъ сномъ и тѣнью,
Въ просторѣ, преданномъ смятенью,
Повѣдаетъ сердцамъ набатъ,
Какъ ты всесиленъ и богатъ!

Ю. Балтрушайтисъ.

За низкою оградой слѣпящая дорога,
Слѣды отаръ прошедшихъ и грязный водопой,—
И море—море видно съ высокаго порога,—
Зеленый мысъ—и дальше, у сѣрыхъ скалъ, прибой.
Весь виноградникъ залитъ колючимъ, острымъ зноемъ,
На синихъ липкихъ гроздьяхъ съ шоссе налипла пыль.
Жужжатъ, жужжатъ на солнцѣ и вьются мухи роемъ.
И звонокъ яркій полдень, и свѣтелъ въ морѣ штиль.
Но въ бѣломъ домѣ — пусто. Дрожащимъ цѣпкимъ бликомъ
Горитъ въ полдневномъ блескѣ закрытое окно.
Въ тѣни крыльца ребенокъ надрывнымъ тонкимъ крикомъ
Изъ кучи пестрыхъ тряпокъ зоветъ къ себѣ давно.
Ни пѣсенъ, ни улыбокъ у сборщицъ винограда,
На строгихъ смуглыхъ лицахъ лежитъ сегодня тѣнь,—
Какъ-будто что-то вспомнить, понять имъ что-то надо,—
Какъ-будто пустъ и жутокъ горячій длинный день.
— „Какъ тяжелы сегодня высокія корзины....“
— „Какъ нестерпимо-остро блеститъ вдали вода....“
— „Какъ давятъ нынче сердце зеленыя вершины....“
— „Мой мужъ уходитъ завтра,—а твой, а твой — когда?“

Ада Чумаченко.

Василій Денисовъ.

Въ царскомъ теремѣ...
„Къ Золотому Пѣтушку".

Н. А. КРАШЕНИННИКОВЪ.

СКАЗКА О СОЛНЦѢ.

ДРАМА-СКАЗКА
ВЪ 4 КАРТИНАХЪ.

КЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЮ ДОЗВОЛЕНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

БОЯРИНЪ СИЛА, Воевода. 80 лѣтъ.
ЛАДА, (Лидія), его дочь, 15 лѣтъ.
КРИСТИ, (Христофоръ), сынъ, 16 лѣтъ.
ВАССА, кормилица дѣтей, 50 лѣтъ.
ИГОРЬ, изъ челяди воеводы, 80 лѣтъ.
ХОРИВЪ, 20 лѣтъ.
ТѢНЬ РОКСАНЫ, первой жены боярина.
ВОТЧИННЫЕ ЛЮДИ воеводы, посланные люди.

О ДѢЙСТВУЮЩИХЪ.

ВОЕВОДА. Нездорово-тучный, съ много продумавшимъ взглядомъ, блещущимъ угрюмо-лихорадочно. Разсудокъ его потрясенъ какъ пережитымъ грѣхомъ, такъ и постоянно напряженнымъ страхомъ рушенія его маніи воспитать безсмертіе въ дѣтяхъ. Съ ними онъ еще преображается въ своей необычайной любви. Безъ нихъ—его манія овладѣваетъ имъ всецѣло, увеличиваясь открывающимися воспоминаніями бывшаго.

ЛАДА. Тонкая, нѣжная, хрупкая, наивно-красивая и больше всего чистотой невѣдѣнія. При странномъ, сказочномъ незнаніи жизни—чрезвычайно пытливый умъ ищущій отгадокъ, подчасъ съ дѣтскимъ лукавствомъ. Волосы золотисто-бѣлокурые. Голосъ звенящій, трепетный. Тайная привлекательность въ его наивномъ вздрагиваніи при вопросахъ.

КРИСТИ. Смуглый, черноволосый, въ общемъ походитъ на сестру, но съ яркой примѣсью мужского характера, при всей его наивной мечтательности.

ИГОРЬ. Сгорбленный, угрюмый, не забывшій былого, оставшагося въ немъ навсегда тѣнью безумія.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Просторная комната въ старомъ теремѣ воеводы. Бревенчатыя стѣны, расписной потолокъ, стрѣльчатыя окна съ цвѣтными стеклами, широкая дверь справа на балконъ, за которой вблизи виднѣются ветлы и остроконечный заборъ-тынъ, а вдали,—покрытыя синью рощи, рѣка, равнины. Обстановка богатая, но все выглядитъ давно не жилымъ и отъ этого темнымъ и сумрачнымъ. У стѣны слѣва подъ балдахиномъ близко одна отъ другой двѣ старинныхъ темныхъ кровати. Тутъ же разрисованная печь, дальше—входная дверь. Посрединѣ—столъ, крытый парчею; около скамьи и табуреты. По угламъ темные, кованые, запыленые сундуки съ большими висячими ржавыми замками. По стѣнамъ кое-гдѣ висятъ кольчуги, шлемы, мечи, скрещенныя аллебарды и копья, луки, колчаны. Тутъ же въ старинныхъ рамкахъ древнія красочныя изображенія Страшнаго Суда и воскрешенія Лазаря, въ которыхъ работа красками перемежается мозаичною клейкой стекляруса, горнаго хрусталя, аметистовъ и цвѣтныхъ осколковъ. Дверь на балконъ и окна раскрыты. Весна. Масса солнца, хотя оно уже на склонѣ; отъ хрусталя и стекла кое-гдѣ на темныхъ стѣнахъ радужные блики солнечнаго спектра. Чуть доносится крикливое движенье птицъ въ домашнемъ саду. Особенностью комнаты является то, что крыша надъ нею вся стеклянная куполомъ, и видно, что этотъ куполъ устроенъ только что. Пролетающія вверху птицы отражаются въ ней черными пятнами.

I.

ВАССА, ИГОРЬ, ХОРИВЪ.

Васса (*прибираетъ вмѣстѣ съ Хоривомъ комнату, мететъ пыль, провѣтриваетъ ткани, временами выходя на балконъ. Игорь сидитъ въ темномъ углу на сундукѣ, понуривъ голову*). Ну, торопись, старикъ. Пріѣдетъ воевода—не обрадуешься его гнѣву. (*Игорь не двинулся*). Эй, старый,—все думаешь?

Игорь. Думаю. (*Помолчалъ*) Все думаю.

Васса. Успѣешь еще надуматься, какъ залѣзешь на печку. А теперь—некогда. Я и то диву даюсь, —отчего не ѣдутъ. (*Молчаніе*) Ты, Хоривъ... Посмотри-ка съ башни... (*Тотъ выходитъ*)

Игорь. Когда я вхожу въ этотъ покой, мнѣ, Васса... дѣлается страшно. Знаешь ли ты, что было въ этомъ покоѣ?

Васса (*отмахиваясь*). Ну, опять про давнее... будетъ, старый: поди, ужъ полвѣка прошло...

Игорь (*угрюмо*). Да, полвѣка. (*Помолчалъ*) Полвѣка и пять лѣтъ... А оно стоитъ тутъ, какъ живое. (*Смотритъ на постели, опускаетъ голову, голосъ хрипитъ и сбивается, точно ворчитъ*). Здѣсь... умерла...

Роксана. (Долго молчитъ). Онъ затянулъ ей на шеѣ шелковый шнурокъ и тогда вышелъ и сказалъ: „Смотри, Игорь: она больше къ тебѣ ужъ не придетъ“. Полвѣка и пять лѣтъ этому... Въ тотъ день побѣлѣла моя голова.

Васса. Перестань. Что хорошаго. Вспоминаешь, вспоминаешь... Думай про себя на своей печкѣ, а то все норовишь — людямъ. Помѣшался ты на этомъ. Иди же, пособи.

Игорь (встряхивая головой). Да, я помѣшался. Я знаю.

Васса. Воевода строгій, всѣмъ вѣдомо. Ну, да вѣдь и она была виновна... Ты знаешь...

Игорь (вскинулъ голову, сощурилъ глаза; протяжно усмѣхается беззубымъ ртомъ. Потомъ снова опустилъ голову). Полвѣка и пять лѣтъ, какъ опустѣли эти комнаты. Взялъ, отнялъ, убилъ и уѣхалъ. И все.

Васса (вышла на балконъ). Смотри. Никакъ кони показались? Колымага... скачутъ верховые... (Радостно). Выкормыши мои ѣдутъ! Шутка ли: только какъ кормила и видѣла! (Хориву). Ну—они?

Хоривъ (вбѣгая). Ѣдетъ бояринъ! (Оба уходятъ).

Игорь (медленно поднявшись, не взглянувъ въ окно, идетъ къ двери. Передъ уходомъ снова бросилъ взглядъ на постели. Слышенъ стукъ конскихъ копытъ; голоса челяди. Скрипятъ старыя ворота. Въѣзжаетъ во дворъ колымага. Любопытные дѣтскіе вскрики и суровый повелительный голосъ воеводы).

ВОЕВОДА, ЛАДА, КРИСТИ, СЛУГИ.

Воевода (нездорово-полный, согнутый, съ угрюмымъ отекшимъ лицомъ, съ блуждающимъ взглядомъ провалившихся глазъ, съ узкой сѣроватой бородой съ просѣдью, съ сѣдыми волосами, стриженными въ скобку, виднѣющимися изъ-подъ темной маленькой полукруглой дорожной шапочки, съ кольцомъ въ ухѣ, въ темномъ кафтанѣ,—медленно вводитъ, положивъ каждому руку на плечи, Ладу и Кристи, идущихъ робко-пугливо и смущенно. Войдя, воевода невольно бросилъ взглядъ на постели и отвернулся. Въ дверяхъ остановились, столпившись, радостная Васса, угрюмый Игорь, молодой Хоривъ и двое-трое изъ пріѣхавшей съ бояриномъ челяди. Внесли сундуки дѣтей и нѣкоторыя вещи. Остановились и смотрятъ, пятясь подъ случайнымъ взглядомъ воеводы. Неподвиженъ одинъ только Хоривъ, не сводящій изумленнаго взгляда съ Лады). Ну, вотъ, дѣти. Мы—дома.

Лада (робко осматриваясь по стѣнамъ и потолку). Какъ здѣсь страшно!.. и непривѣтно.

Кристи (негромко). Какъ мрачно.

Воевода (съ внезапнымъ безпокойствомъ, глаза сощурились, подрагиваютъ мускулы лица). Ну,—«страшно». На свѣтѣ ничего нѣтъ страшнаго.

Лада (нѣсколько разъ оглядывавшаяся на Хорива). Кто этотъ человѣкъ?

Воевода (ему грубо). Ты?.. Что тебѣ надо? (Хоривъ медленно отступаетъ, не сводя съ Лады взгляда, смѣшивается въ толпѣ, но и оттуда смотритъ восхищеннымъ взоромъ, чуть улыбаясь. Лада снова повернула голову къ нему. Воевода, говорившій сыну, нахмурился). Ступайте всѣ. (Остаются лишь Игорь, Васса и Хоривъ).

Хоривъ (выдвигаясь). Какія приказанія дастъ бояринъ? (Смотритъ на Ладу, улыбаясь).

Воевода. Мои приказанія не до тебя. Ступай. (Тотъ уходитъ).

Лада. Отецъ, кто онъ?

Воевода. Сынъ сторожа.

Лада. Онъ такъ на меня смотрѣлъ непонятно!

Воевода. Ну, есть о чемъ говорить...

Лада (полувопросомъ). Это наша комната?

Воевода. Ваша. А что?

Кристи. А гдѣ будешь спать ты?

Воевода. Я тамъ... рядомъ.

Лада. А не здѣсь?

Воевода (чуть вздрогнулъ, покосился). Не здѣсь.

Лада. Но почему ты не съ нами?

Воевода (улыбаясь). Развѣ въ теремѣ такъ тѣсно?

Лада. Намъ будетъ жутко. Мы привыкли быть близко отъ тебя! (Берется за его руку).

Воевода (смотритъ на нее съ невыразимой нѣжностью и въ то же время говоритъ сурово). Я буду близко.

Кристи. Отецъ. Тамъ, гдѣ жили мы раньше... всю жизнь... ты не пускалъ насъ никогда за ограду дома и мы не видѣли никого, кромѣ кормилицы и слугъ... А здѣсь? — ты будешь насъ пускать бродить по саду?

Воевода. Да, вы будете ходить по саду... въ оградѣ терема.

Кристи. А дальше — и здѣсь нельзя? (Воевода нахмурился).

Лада (простодушно, своимъ звенящимъ голосомъ). Но почему, отецъ, намъ никогда нельзя выходить за ограду?

Воевода (смотритъ на нее долго—задумчиво, хочетъ сказать, но сдерживается и ведетъ обоихъ на балконъ). Смотрите. Развѣ мало вамъ мѣста?

Лада и Кристи (свѣшиваясь надъ перилами). Нѣтъ, не мало. Здѣсь хорошо.

Воевода (безпокойно). Осторожно, вы!

Кристи. А туда, за ограду, вонъ къ той рѣчкѣ, нельзя?

Воевода. Я сказалъ.

Лада (наивно). И тамъ нельзя, вонъ за тѣ елочки?

Воевода (опять взглядываетъ, борется съ собой. Сурово). Сказалъ. (Ведетъ дѣтей назадъ въ комнату. Подъ его суровымъ разсѣяннымъ взглядомъ

появившаяся вновь челядь то пятится за двери, то вновь выступаетъ и толпится; опять вышелъ Хоривъ и снова смотритъ на Ладу).

Кристи (подошелъ къ постелямъ). Мы будемъ спать здѣсь, отецъ?

Воевода (говорившій что-то Ладѣ, вскинулъ лицо, поблѣднѣлъ, сталъ задыхаться). Эй, люди!.. Гдѣ вы,—Игорь, плетей!.. (Дѣти, вдругъ поблѣднѣвъ, кинулись другъ къ другу, и онъ сдерживается). Велѣлъ я унести эти постели? (Наступаетъ на упавшаго на колѣни Игоря). Ты слышалъ, песъ?

Игорь (вставая, угрюмо и какъ будто злорадно). Повелишь, государь? (Хочетъ взяться за постели съ другими изъ челяди).

Воевода (внезапно, что-то надумавъ). Нѣтъ. Оставьте. (Тѣ не понимая, трогаютъ постели). Оставьте, говорю я! (Поднялъ голову). Такъ лучше. (Тѣ отступаютъ. Онъ махнулъ рукой. Всѣ, кромѣ Игоря, ушли). Лучше, сказалъ я. (Молчаніе. Погружается въ задумчивость). Полвѣка и пять лѣтъ.

Игорь (не сводя съ него воспаленнаго взгляда, чуть слышно). Полвѣка и пять лѣтъ.

Воевода (повернулся къ нему, смотритъ тяжкимъ взглядомъ. Игорь медленно пятится за дверь. Воевода, сѣвъ на сундукъ, задумался).

Кристи (обнявшись съ Ладой, съ балкона). А самъ ты давно не пріѣзжалъ сюда, отецъ?

Воевода (въ задумчивости, не поднимая головы). Полвѣка и пять лѣтъ...

Кристи (быстро подошелъ). Что ты сказалъ?

Воевода (все еще безсознательно, гладя его волосы). Полвѣка и пять... (Всталъ, быстро). Давно. (Отошелъ, но взглядъ противъ воли метнулся въ уголъ). Теперь я пойду къ себѣ.

Лада и Кристи (двинувшись, повисли на его рукахъ). И мы съ тобою!

Воевода (освобождается съ своей показной суровостью, внутренне-мягко) Нѣтъ! сначала разберите свои вещи.

Лада и Кристи (все еще держась за него, улыбаются). А теперь—мы не боимся.

Воевода (самъ усмѣхнулся и—по лицу пробѣжала тѣнь). Да, страха нѣтъ. (Смотритъ на нихъ съ благодарностью). Страха нѣтъ, говорю я! (Какъ бы про себя). Вы—чистые! (Помолчалъ). Это даже хорошо, что вы здѣсь...

Лада (ласкаясь). Почему?

Воевода (угрюмо). Н-ну... (Молчаніе). Вѣдь правда, вы знаете только то, что говорилъ вамъ я? (Смотритъ съ болѣзненной подозрительностью).

Кристи. Да. А развѣ еще есть—другое?

Воевода. Нѣтъ. Больше нѣтъ ничего. (Идетъ).

Лада (кидаясь къ нему). А ты скоро?

Воевода. Скоро. (Смотритъ на Ладу, поблѣднѣвъ, касается ея руки, точно цѣлуя, и уходитъ).

Лада (не поняла и испугалась). Что это онъ сдѣлалъ, Кристи?

Кристи (видѣвшій это). Знаешь, Лада. Онъ боленъ.

Лада (отрицаетъ). Что ты: ты посмотри. Онъ—толстый. (Подумавъ). А что такое болѣзнь?

Кристи (смущаясь). Не знаю. Онъ не говорилъ объ этомъ. Я только такъ... чувствую. Я часто такъ: бываетъ—что-то мелькнетъ—и я говорю... (Задумался). А что это,—что означаетъ.—Я... какъ-то не знаю, Лада (Внезапно весело). Давай разбирать наши вещи.

Лада. Давай! (Оба, быстро схвативъ, тащутъ свой сундукъ на середину комнаты). У кого ключикъ?

Кристи. У тебя.

Лада. Ахъ, да. (Снимаетъ съ шеи золотой ключикъ на цѣпочкѣ. Раскрываютъ сундукъ. Лада достаетъ старинный глобусъ). Вотъ, глобусъ! (Ставитъ его на столъ, садится, задумчиво облокотившись одною рукою и положивъ на нее лицо. Другою вертитъ шаръ. Смеркается). Ты знаешь, что это?

Кристи (увѣренно). Еще бы! Это—земля.

Лада. А гдѣ здѣсь мы?

Кристи. Не знаю. (Молчаніе).

Лада (пытливо). Но гдѣ-нибудь мы... здѣсь? (Тревожно). И гдѣ-нибудь здѣсь—отецъ? (Молчаніе). А гдѣ наша мать, Кристи? Она ушла отъ насъ, какъ мы только родились. Недавно я спросила отца: Гдѣ мама? Онъ сказалъ: «уѣхала за море».—Зачѣмъ?—«Къ своему отцу»... Но гдѣ она здѣсь за моремъ, Кристи? (Вертитъ глобусъ). Видитъ ли она насъ? (Печально). Все это непонятно... (Съ внезапной веселостью, про глобусъ). Но все-таки—я его люблю. (Уже съ дѣтской шаловливостью цѣлуетъ его). Милый глобусъ! (Помолчавъ, къ глобусу). Скажи: гдѣ мы?

Кристи (досталъ большую старую книгу съ странными рисунками). А это—Книга Звѣздъ.

Лада. А что есть звѣзды? (Темнѣетъ).

Кристи. Не знаю.

Лада. А тебя тянетъ къ звѣздамъ?

Кристи. Да. (Обнялъ ее).

Лада (сердечно и невинно). И меня. (Сидятъ молча, обнявшись). А вечеромъ мы и здѣсь будемъ смотрѣть на звѣзды?

Кристи (убѣжденно). Конечно! И теперь—скоро. (Сѣлъ на окно).

Лада (радостно). Да! Скоро! скоро! (Печально). Смотри: солнце погасло!

Кристи. Что зовемъ: Солнце?

Лада. Солнце—ты! (Внезапно и порывисто прижалась къ нему. Сидятъ на подоконникѣ молча, въ волненьи).

Кристи. Такъ ты меня любишь, Лада?

Лада (просто и невинно, звенящимъ голосомъ). Такъ люблю!

Кристи (помолчавъ). Говорятъ, мы родились вмѣстѣ. Мы жили, видя только другъ друга и отца... Мы жили съ тобою вдвоемъ, вмѣстѣ... Такъ вмѣстѣ (лицо вспыхнуло) и умремъ?

Лада (вслушиваясь). Что такое сказалъ ты?

Кристи (ищетъ слово). Я... ужъ не могу. Вотъ, я говорилъ... такъ бываетъ со мною. Что-то нахлынетъ, освѣтитъ,—и пропало. Я ужъ не знаю самъ, что я сказалъ. Вотъ, вотъ... (Растерянно печально) Не помню!

Лада (тихо). Что-то было странное!... Сдѣлалось у меня тутъ.... больно. (Смеркается. Небо въ тучахъ. Васса вноситъ восковыя свѣчи и уходитъ неслышно. Они ее не замѣтили. Оба думаютъ. Чуть вѣетъ вѣтеръ въ балконную дверь).

Кристи. Какъ я люблю тебя, Лада! Такъ люблю! (Вздрогнувъ радостно). Вотъ,—вспомнилъ. Я сказалъ: умремъ!...

Лада. А что это значитъ?

Кристи (подумавъ). Не знаю. Отецъ не говорилъ.

Лада. Я не понимаю, но стало страшно. (Оба—въ инстинктивномъ предчувствіи знанія. Сидятъ робко-безпомощно. Въ дверяхъ—воевода).

III.

ВОЕВОДА.

Воевода (входитъ со свѣчею). «Страшно?» Отчего?

Лада (бросаясь къ нему). Кристи сказалъ: «мы умремъ!»

Воевода (уронилъ подсвѣчникъ, отступаетъ въ величайшемъ волненіи, задыхается). «Умремъ!» Что это значитъ? Откуда это слово? (кричитъ, бѣшено осматриваясь по сторонамъ). Кто сказалъ?!...

Кристи (медленно подходитъ). Никто не говорилъ, отецъ. У меня самого... какъ-то такъ... внезапно.

Лада. И онъ самъ не знаетъ, отецъ... и я.

Воевода (склонившись къ нему, молча всматривается въ глаза. Переводитъ взглядъ на Ладу, руки дрожатъ).

Лада. А развѣ здѣсь есть что-то страшное?

Воевода (овладѣвая собой). «Страшное?» Почему ты такъ думаешь?

Лада. Потому что ты разсердился.

Воевода (овладѣлъ собой, улыбается). Ну, вотъ... Ничего не было... Какъ ты сказалъ, Кристи?

Кристи (вспоминаетъ, опечалился). Я... ужъ не помню.

Лада (растерянно). Я—тоже!...

Воевода. Не забыли вы... (улыбается медленно). А просто ничего нѣтъ.

Лада (пытливо). Но отчего ты такъ поблѣднѣлъ, отецъ?

Воевода. Я? Поблѣднѣлъ? Развѣ есть что, чего боится воевода? (улыбается, гладитъ ее по головѣ). Нѣтъ, я усталъ съ дороги. Въ этомъ и все... Ну вотъ, я у васъ. Что вы здѣсь дѣлали?

Лада (трепещущимъ, восторженнымъ голосомъ). Отецъ! посмотри, какъ глубоко небо! (Порывисто подалась къ двери балкона).

Воевода (подошелъ, смотритъ на нихъ). Да.

Кристи. И вездѣ жизнь?...

Воевода. Вездѣ жизнь. Только жизнь,—смерти нѣтъ.

Лада (вслушиваясь). Какъ ты сказалъ?

Воевода (вздрогнулъ). Только жизнь. И жизнь — безконечна. (Отошелъ). А вотъ—я вижу—вы привезли съ собою глобусъ. Завтра, съ солнцемъ я пойду къ вамъ и опять буду разсказывать про жизнь неба и свѣтилъ... про ихъ вѣчное движенье къ радости...

Кристи (прижимаясь къ нему). Ты и здѣсь будешь учить насъ самъ?

Воевода. И здѣсь. Кто же иначе? Развѣ я позволю, чтобы кто-нибудь чужой подходилъ къ вамъ?

Лада. Но почему ты къ намъ не допускаешь никого?

Воевода. Почему? (Молчанiе). Да больше всего потому, что хочу самъ быть съ вами.

Лада (пытливо). А еще почему?

Воевода (ласкаетъ ее). О, моя хитрая лисичка. Съ тобой надо взвѣшивать каждое слово. Тебѣ — все знать, все вывѣдать. Ты слѣдишь за каждымъ моимъ движеньемъ... Но смотри: будешь знать про многое,—твои золотыя кудри побѣлѣютъ, какъ облако.

Лада (простодушно). А ты посѣдѣлъ отъ этого?

Воевода (вздрогнулъ, инстинктивно покосился въ уголъ, овладѣлъ собой). Да. Отъ этого. (Молчанiе). Крѣпнетъ вѣтеръ! Разбѣгаются тучи и скоро покажутся звѣзды и луна, а вы все еще не спите. Ну,—по постелямъ. (Тучи ушли, вѣтеръ стихъ и все небо заискрилось). Смотрите, какую крышу велѣлъ я сдѣлать въ вашей комнатѣ! Здѣсь — все небо съ его луною и звѣздами. И это для того, чтобы видѣли вы—только небо!

Кристи и Лада (восторженно). О! что это? Все небо! Какiя звѣзды! (смотрятъ, указывая другъ другу). Смотри: зеленая! Смотри!

Воевода. Звѣзды будутъ всегда надъ вами. А какъ станутъ уходитъ утромъ,—васъ возьметъ подъ защиту солнце! Ну, спите.

Кристи. Отчего ты насъ не крестишь, какъ Васса?

Воевода (губы дрогнули). Завтра я разбужу васъ—съ солнцемъ. Я постучу къ вамъ,—будьте готовы. А теперь спать. (Изъ-за горизонта выплываетъ красная луна. Она стоитъ невысоко, заглядывая въ дверь и окна).

Лада и Кристи (хитро переглянувшись). Да. Мы будемъ спать.

Воевода (осмотрѣвъ ихъ еще разъ). До завтра. До солнца. (Тѣ начинаютъ раздѣваться, все посматривая на засыпанный звѣздами потолокъ, который, чудится, дрожитъ отъ огней. Они сняли обувь, Лада успѣла снять и верхнее платье. Отецъ ушелъ, затворивъ двери. Оба разомъ прекращаютъ раздѣванiе и въ чемъ были, босые, швырнувъ чулки, подбѣгаютъ къ окну, распахиваютъ его настежъ и смотрятъ на луну. Кристи вспрыгнулъ на подоконникъ, Лада прижалась къ нему).

Кристи (смотритъ на луну, голосъ дрогнулъ). Лада, сестра моя милая! (Молчанiе). Мы одни. (Молчанiе). Отчего такъ хорошо звучитъ слово «сестра» и также хорошо звенитъ: «Лада», и отчего хочется повторять «Лада, Лада»... Тысячу разъ? Садись ко мнѣ, Лада, тысячу разъ моя милая сестра! Сядь такъ, какъ садились съ тобою мы въ городѣ. Никто не увидитъ. (Перебираетъ въ рукахъ ея косы). О, какъ золото горятъ твои косы! Ты навѣрно красивая, Лада?

Лада (стыдливо)). Не знаю.

Кристи (смотритъ на нее). Да. Ты красивая. У тебя голубые глаза. Глаза у тебя какъ камни, что носитъ отецъ въ кольцѣ на рукѣ. Ты видѣла?

Лада. Видѣла.

Кристи. Такiе у тебя глаза. (Молчанiе). О, если бы ночь никогда не прекращалась и мы сидѣли бы, такъ обнявшись, всегда! посмотри, какъ темно тамъ въ лѣсу! Отчего ты вздрогнула? Ты помнишь, какъ старая нянька, ушедшая отъ насъ, разсказывала намъ о черномъ зломъ духѣ?

Лада. Помню. А куда ушла наша нянька? (Смотритъ на стеклянный потолокъ, протягиваетъ руки къ звѣздамъ).

Кристи. Не знаю. Нѣсколько дней она не выходила изъ своей комнаты, а потомъ ушла. Такъ сказалъ отецъ.

Лада. И не простилась съ нами.

Кристи. Не простилась. Мы ее такъ любили! Я спрашивалъ отца: куда она ушла? Онъ сказалъ; уѣхала за море, къ своему отцу. Больше мы ее никогда не видѣли... Ай, кто то идетъ! (Мгновенно, закрывъ окно, бросаются къ постелямъ и залѣзаютъ подъ одѣяла. Скрипнула дверь. Входитъ со свѣчею воевода).

IV.

ВОЕВОДА.

Воевода. Не спится. Все слышу разговоры. Точно ходитъ кто-то по темному дому и все шепчетъ и зоветъ. (Медленно подходитъ къ дѣтямъ и угрюмо всматривается въ ихъ лица. Потомъ видитъ на полу чулки, лицо засвѣтилось. Порывисто, осмотрѣвшись, цѣлуетъ чулки и бережно кладетъ). Спятъ... О, какъ спокойно мнѣ съ ними!... и какъ страшно одному!... (Отходитъ, садится на сундукъ около, поставивъ рядомъ свѣчу). Мнѣ душно и страшно. Полвѣка и пять лѣтъ не заглядывалъ я въ этотъ старый теремъ. (Смотритъ на полъ). Здѣсь полъ былъ красенъ. Я до утра отчищалъ его ножомъ. (Опустилъ голову на руки). Бурею несутся мысли, и одна другой быстрѣе, и одна перегоняетъ другую, и всѣ разомъ обрушиваются на душу и давятъ ее. (Задыхается). О, какъ страшно! Вотъ этими руками, которыми я—на радость Солнцу!—ращу безсмертную жизнь (смотритъ на дѣтей). Я... Спите, мои чистые! Вы—незнающіе! Слова «умеръ» и «смерть» не коснутся вашего сознанія, пока живу. А тамъ вы будете безсмертны, только взращу я бѣлый, невинный цвѣтокъ... (Молчитъ, задумавшись). Тогда снимется съ меня извѣчная клятва! (Выпрямился, точно сбросилъ съ плечъ тягу). Я, познавшій смерть, видѣвшій ее и ее призвавшій,—я уберу отъ васъ ея страшное лицо—и его вы не увидите никогда! (Тихо восторженно смѣется, потомъ оборачивается къ дѣтямъ). Ну, у васъ ясные сны. (Медленно уходитъ).

Кристи (поднимая голову). Что онъ говорилъ?

Лада. Я не поняла ничего, Кристи. (Оба вскакиваютъ съ постелей, бѣгутъ къ окну и вспрыгиваютъ на подоконникъ).

Кристи. Смотри: луна уже обогнула полъ неба! Уже задымились верхушки деревьевъ и тонкій паръ идетъ отъ земли. А куда уходитъ луна?

Лада. Я забыла. Отецъ говорилъ. (Смотритъ на стеклянный потолокъ). О, сколько звѣздъ! Цѣлое небо смотритъ на насъ своими глазами! (Внезапно опустила глаза внизъ, голосъ потускнѣлъ, дрогнулъ отъ печальнаго удивленія). Смотри: тотъ юноша стоитъ въ саду и все смотритъ сюда...

Кристи. Пусть. Вотъ ты, Лада, сказала о лунѣ...

Лада. Но онъ смотритъ, Кристи! Что ему надо отъ насъ?

Кристи. Подожди. Я открою окно. (Распахнулъ). Что тебѣ надо? Зачѣмъ ты стоишь здѣсь?

Голосъ Хорива. Я сторожу васъ этою ночью.

Лада (печально). Насъ не надо сторожить. Мы не боимся. Ты не боишься, Кристи?

Кристи. Нѣтъ.

Лада (про себя). А я—боюсь... Кристи, отчего у меня стало холодно здѣсь?

Кристи. Ночная свѣжесть доходитъ до тебя черезъ окно. (Слышна тихая пѣснь Хорива). Что это?

Лада (залѣзшая подъ одѣяло). Что это онъ поетъ, Кристи, такое тоскливое? (Слушаютъ, оба сидя на постеляхъ). Вотъ, пересталъ. Словно оборвалось что-то... Идетъ отецъ! (Оба легли).

V.

ВОЕВОДА.

Воевода. Странно. Я слышалъ и топотъ ногъ. Кто, босой, ходитъ въ ихъ комнатѣ?... А можетъ-быть мнѣ все чудится? О, если бы я могъ спать по ночамъ какъ всѣ!.... (Снова подходитъ къ дѣтямъ). Неужели они? (улыбается). Отъ нихъ станетъ. Нѣтъ, не движатся эти хитрые мышата! (Отходитъ). Если они, я ихъ выслѣжу. (Улыбаясь, идетъ къ двери и счастливую улыбку внезапно перечеркиваетъ воспоминанiе). О, какъ мнѣ радостно вмѣстѣ съ ними! (Сталъ у двери).

Кристи (вскидывая отъ подушки голову). Ушелъ?

Лада. Ушелъ. (Оба бросаются къ окну и садятся, не видя, что на нихъ смотритъ отецъ. Воевода подходитъ. Они смутились, хотятъ спрыгнуть, слабо вскрикнули).

Воевода (удерживаетъ ихъ, мягко). Мои хитрыя мыши!.. Я понялъ, наконецъ, что это шепчетесь вы. Сидите, сидите... (беретъ табуретъ и садится около). Вамъ не спится на новомъ мѣстѣ? Ну, что же: не сплю и я. Хотите, я вамъ буду разсказывать?

Лада и Кристи (смущенно и радостно, подрагивая отъ предутренней свѣжести). Да, да... Говори!

Воевода (начинаетъ съ тихой улыбкой). И вотъ, среди всѣхъ созданныхъ мiровъ самымъ прекраснымъ было создано Солнце. Чистое и извѣчно ясное, вѣчное навсегда, появилось оно передъ взглядомъ Отца Отцовъ и Онъ сказалъ: «Пребудь такимъ, милое Солнце, и отъ тебя изойдетъ вѣчная жизнь планетъ и существъ, никогда не помрачаемая, отъ вѣка не угасающая, не знающая тлѣнья и мрака... И когда...

ЗАНАВѢСЪ МЕДЛЕННО ОПУСКАЕТСЯ и сейчасъ же ПОДНИМАЕТСЯ.

Та же комната. Лада и Кристи спятъ въ своихъ постеляхъ. Воевода сидитъ около на табуретѣ, со свѣчею въ рукахъ, говоритъ нѣсколько фразъ: «...тогда Солнце сказало: если я буду горѣть безконечно, сгоритъ ли горе земли?» И Онъ отвѣтилъ: «твое пламя неугасаемо, и все темное... все темное... все темное!.. (встаетъ и тихо идетъ къ двери, оглядываясь) все темное растопится на землѣ въ неощущаемый паръ». (Ушелъ. Тишина).

VI.

ХОРИВЪ.

Хоривъ (медленно поднимается по лѣстницѣ къ балкону, становится на него и приникаетъ къ стекламъ двери. Смотритъ. Затѣмъ тихо стучитъ по стеклу. Лада вскидываетъ голову, прислушивается. Еще нѣсколько тонкихъ звуковъ стекла).

Лада (садится на постели, смотритъ на луну). Кто-то меня позвалъ. Кристи, ты спишь?—Спитъ. (Слышитъ звонъ стекла, поворачиваетъ голову, смотритъ, встаетъ, не одѣваясь, и босая подходитъ къ окну). Кто здѣсь?

Хоривъ. Я, госпожа. Открой окно.

Лада (открыла, простодушно). Ну? (Тотъ молчитъ и смотритъ на нее взглядомъ восхищеннаго изумленія). Это все ты?

Хоривъ. Все я.

Лада. Зачѣмъ ты постучалъ? Что тебѣ надо?

Хоривъ. Тише... Смотрѣть на тебя.

Лада. Чего же на меня смотрѣть!

Хоривъ (послѣ молчанія). Какая ты красивая!

Лада (удивленно). Я—красивая?

Хоривъ. Конечно. Ты самая красивая изъ дѣвушекъ.

Лада (еще болѣе удивленная). Это я—дѣвушка?

Хоривъ. А кто же ты иначе?

Лада (задумчиво). Я не знала, что я дѣвушка... Мнѣ объ этомъ не говорили...

Хоривъ. Какъ же ты думала: кто ты?

Лада (затрудняясь). Я—это я... Лада. Больше ничего.

Хоривъ. Нѣтъ, ты дѣвушка. Посмотри на мои и на твои руки: какія онѣ у тебя нѣжныя и маленькія. Посмотри на свои волосы и на мои: какіе они у тебя длинные! Коснись моихъ губъ своими губами и ты увидишь...

Лада (касаясь его губами). Ну? И что же?

Хоривъ. Ты не понимаешь? (Сѣвъ на окнѣ, обнимаетъ ее).

Лада (освобождаясь). Зачѣмъ ты сжалъ меня своей рукою? Мнѣ такъ неудобно.

Хоривъ. Такъ ты совсѣмъ не знаешь жизни?

Лада. Какой жизни?

Хоривъ. Какъ любятъ, растутъ и радуются люди. Гдѣ же росла ты, такая странная?

Лада. Я росла съ Кристи.

Хоривъ. И онъ никогда не цѣловалъ тебя?

Лада. А что значитъ: цѣловалъ?

Хоривъ (цѣлуетъ ее). Смотри. Развѣ не хорошо?

Лада. Это опять? (Задумчиво). Нѣтъ... какъ-то одинаково. (Вздрогнула). Мнѣ холодно.

Хоривъ (смотритъ). Это потому, что ты въ одной рубашкѣ.

Лада. Да, я въ одной рубашкѣ... Но что ты такъ смотришь на меня? Я пойду. Ты ступай.

Хоривъ. Ты не говори, что я приходилъ къ тебѣ.

Лада. Почему?

Хоривъ. Не должны знать. Меня прогонятъ отсюда, и я буду несчастенъ.

Лада. Я не скажу. (Помолчавъ). И даже Кристи?

Хоривъ. И ему. Ему больше всего.

Лада. Прощай. (Онъ хочетъ поцѣловать ее). Нѣтъ, не надо. (Отходитъ). Мнѣ не нравится. (Идетъ, оглядываясь на него, залѣзаетъ подъ одѣяло и, поднявъ голову, смотритъ. Хоривъ тоже смотритъ, Лада опускаетъ голову).

Хоривъ (закрывая окно снаружи). Прощай. Завтра приходи также.

Лада. Нѣтъ. (Хоривъ исчезаетъ. Лада опускаетъ голову на подушку Потомъ поднимается, смотритъ на Кристи). Кристи. Кристи... Нѣтъ, ты спи. (Тихо плачетъ).

Занавѣсъ.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Дворъ и садъ при теремѣ воеводы, обнесенный высокимъ остроконечнымъ «тыномъ». Съ лѣвой стороны тупымъ угломъ выступаютъ двѣ стѣны двухъэтажнаго зданія терема. Въ ближней стѣнѣ, внизу, желѣзная ржавая овальная дверь на тяжелыхъ петляхъ. Она раскрыта и показываетъ идущія вверхъ каменныя ступени лѣстницы. На внутренней сторонѣ двери на пробоѣ виситъ старый пудовый замокъ, ниже—крючья запора. Надъ дверью, во второмъ этажѣ—балконъ и окна комнаты дѣтей воеводы. На балконѣ въ вазахъ два странныхъ бѣлыхъ цвѣтка.

Вокругъ тына рѣдко насажены древнія угрюмыя ветлы. Нѣсколько кустовъ. Передній планъ—до угла терема—собственно дворъ. Когда-то онъ былъ вымощенъ бревнами, теперь бревна погнили, кое-гдѣ камни и песокъ; мѣстами пробивается подорожникъ. Напротивъ входной двери—въ тынѣ ворота, тоже желѣзныя, очень крѣпкія съ проржавленнымъ громаднымъ замкомъ и засовомъ.

Заднiй планъ отъ остраго угла стѣнъ дома занятъ собственно садомъ. Грядками и рядами насажены цвѣты. Правая сторона вся сплошь красная; кучками пестрѣютъ розовые и бѣлые, но подавляющая масса цвѣтовъ — красныхъ. Всѣ цвѣты крупные, необычайные, невиданной формы. Садъ, видимо, содержится очень заботливо. У каждаго цвѣтка тычинка, аллейки межъ грядками чисто подметены, земля полита. На иныхъ грядахъ цвѣты накрыты отъ ночной свѣжести тонкими сѣтками и холстами. Двѣ небольшихъ скамьи стоятъ на дорожкахъ.

За угломъ дома, къ авансценѣ, у стѣны, лежитъ, невидимый для находящихся въ саду, трупъ стараго сторожа (кукла). Онъ въ полусидячемъ положенiи; сѣдая бородатая голова полусклонена на грудь, лицо посинѣвшее, окаменѣлое, застывшее, съ прiоткрытымъ ртомъ, глаза широко раскрыты

и остеклянѣли, посинѣвшія руки скрючены; ноги, въ лаптяхъ, разставлены. Подлѣ валяется сучковатая палка и сторожевая колотушка. Солнце только-что встаетъ. На цвѣтахъ и зелени роса. Дымится за оградой кудрявый утренній туманъ. Взлетываютъ просыпающіяся птицы. Надъ грядами цвѣтовъ видна согнутая фигура воеводы.

I.

ВОЕВОДА.

Воевода (въ простомъ темномъ суконномъ домашнемъ кафтанѣ, съ маленькой полукруглой шапочкой на сѣдыхъ волосахъ, нагибается надъ закутаннымъ на ночь цвѣтникомъ и приподнимаетъ надъ цвѣтами холсты. Подлѣ на землѣ лежитъ лопатка для окучиванья. Подъ снятымъ холстомъ виднѣются нѣжные блѣднорозовые цвѣты. Воевода считаетъ ихъ также красными, какъ и все вокругъ). Опять! (Бросилъ холстъ). Снова—красные. Извѣчное проклятіе грѣха стоитъ надо мною. (Молчитъ, какъ бы провѣряя взглядъ). Они красны, какъ только что пролитая кровь. (Отходитъ, сѣлъ на скамью). Вотъ уже полвѣка, какъ я ежегодно, въ городѣ и деревнѣ, отъ весны до осени — взращиваю цвѣты,—и всѣ они родятся красными! (Смотритъ вверхъ). Полвѣка и пять лѣтъ ты мой каждый цвѣтокъ обращаешь въ кровавый. Ты мстишь мнѣ, но я выращу блѣдный! (Тихо, загадочно смѣется). Я выращу... (Поднимаетъ другой холстъ, снова блѣдные цвѣты). Такъ: опять. (Еще поднялъ). Опять. Конечно... И пусть вездѣ кровь—къ чему касаются эти руки! (Съ внезапнымъ гнѣвомъ, лицо побагровѣло). Ты, проклятая земля! (Топчетъ ее ногами). Ты тоже противъ меня: что я ни сдѣлаю—ты сейчасъ же тянешь изъ давней могилы кровь ея и пропитываешь всѣ мои жертвы! О, подлая земля, о подлая! Развѣ я не бросилъ богатства и власть и не ушелъ въ эти лѣса— чтобы принести очистительную жертву. Но я заставлю тебя родить мнѣ чистые цвѣты, какъ заставилъ ту, родившую мнѣ ихъ. (Указываетъ въ сторону комнаты дѣтей).

II.

Посланные люди (показываются изъ глубины сада).

Воевода (вздрогнувъ). Вы? Какъ вы нашли меня здѣсь? (Посланные низко кланяются). Зачѣмъ пришли?

Посланные. Возвратись къ намъ, государь.

Воевода. Нѣтъ. Я ушелъ безвозвратно.

Посланные. Государь, помилуй. Что причинили мы тебѣ злого, что ты бросилъ насъ?

Воевода. Я ушелъ, потому что узналъ. Я былъ слѣпымъ и въ ослѣпленіи думалъ, что дѣлалъ нужное. И много лѣтъ плыло

такъ, пока я не прозрѣлъ. Я увидѣлъ, что жилъ неправильно... что не счастье, не благость, не добро шли отъ меня, а съ каждымъ часомъ жизни... я ушелъ. Сказано.

Старикъ (выступая). Государь, въ странѣ вспыхнули волненія, народъ ищетъ тебя, въ городѣ шепчутся, что мы тебя извели. Великая опасность стоитъ надъ землею.

Воевода. Я ушелъ безвозвратно.

Второй старикъ. Князь-бояринъ. И съ сѣвера и съ юга тѣснятъ насъ иноплеменные народы. Наша страна осталась безъ повелителя. Вспыхнули отъ мятежныхъ людей распри и въ ней самой... Чѣмъ занялся ты такъ въ своей пустынной вотчинѣ, что тайно покинулъ народъ свой?

Воевода. Вамъ не понять этого. Я ушелъ для того, чтобы быть чистымъ. Въ моей власти не было чистоты и я ушелъ отъ васъ, чтобы сдѣлать высшее, что должно спасти землю. (Странно). Я хочу воспитать безсмертіе.—Слышите: воспитать безсмертіе. Для всѣхъ черезъ двухъ. (Смѣется). Вы думаете: старикъ лишился ума,—нѣтъ. (Смѣется). Никогда еще разсудокъ мой не былъ такъ ясенъ. Я знаю, что мнѣ дѣлать. Идите.

Старикъ. Такъ ты отказываешь намъ? ты желаешь, чтобы погибли городъ и люди? Желаешь, чтобы враги зажгли возведенныя предками святыни и сравняли съ землею городскіе дома? Ты хочешь, чтобы были уведены въ рабыни дѣти и жены твоего народа?

Воевода. Я хочу воспитать безсмертіе.

Второй старикъ. Но погибнутъ люди!

Воевода. Все равно. (Молчаніе). Все равно, говорю я. Одинъ или сто, тысяча или восемь тысячъ, но смертные люди будутъ—все равно умирать, пока я не создамъ безсмертныхъ. (Странно смѣется, посланные переглядываются). О, я вижу, вы смотрите на меня со страхомъ, но я свершу свое дѣло. Клянусь вамъ, радость взойдетъ. «Воспитать безсмертіе». Какъ это странно звучитъ въ вашемъ тупомъ слухѣ. Но теперь, когда бывшее безсмертіе отошло отъ насъ,—теперь его можно только — воспитать, взростить, какъ цвѣтокъ, смотрите вотъ,—(указываетъ) въ неусыпной заботѣ. Поздно, но я все же понялъ, что власть отъ насилія. И я—отказался отъ власти. (Тихо смѣется). Въ то время, какъ вы, ничего не подозрѣвая, спокойно спали со своими женами и дѣтьми,—я тайно посадилъ въ колымагу двухъ своихъ и выѣхалъ изъ города. Какъ удивился городъ, когда узналъ, что остался безъ головы. У города есть лицо, и я видѣлъ, какъ оно вытягивалось и блѣднѣло, когда пронеслась вѣсть о моемъ уходѣ. У власти красныя руки,—говорю я,—а мои

руки должны быть бѣлыми. Ступайте. Сколько ни просите, я не пойду съ вами.

Старикъ (вспыхнувъ). Такъ. Теперь мы тебя поняли. Ты испугался того, что на землю идутъ враги. Ты побоялся за свою жизнь и за жизнь дѣтей и бросилъ насъ, надѣясь спрятаться въ этихъ непроходимыхъ лѣсахъ. Ты испугался за свою жизнь, воевода, вотъ тебѣ твое безсмертіе.

Воевода (въ продолженіе рѣчи слушавшій съ гнѣвомъ, двинувшійся было, обрываетъ себя, тихо улыбается). Да, ты... (Склонившись, смотритъ презрительно въ глаза) понялъ.

Второй. Ты не смѣешь покидать города. Народъ избралъ тебя править имъ, и ты обязанъ править, какъ мы обязаны тебѣ служить. А тебѣ твои двое дороже тысячи? Двое дороже народа?

Воевода (также сдерживаясь). Да, дороже. (Волненіе среди пословъ). Что мнѣ народъ, что, боясь, ненавидѣлъ мена. Что мнѣ вы, избранные, державшіе меня изъ-за своихъ выгодъ. Я ушелъ потому,—что среди васъ—смерть, а эти двое безсмертные.

Старикъ (усмѣхаясь). Безсмертные.

Воевода (поблѣднѣвъ, бросился къ нему, схватилъ за руки, потомъ отступаетъ, овладѣвая собою). Ну?...—Впрочемъ, иди, другъ... я отпускаю тебѣ твою дерзость. Идите. Вамъ не будетъ вреда. Но больше не приходите. Скажите народу: онъ ушелъ навсегда. Скажите: онъ боленъ. Скажите: онъ дастъ безсмертіе. (Отпускаетъ ихъ жестомъ руки и медленно садится на скамью, точно прислушиваясь къ землѣ. Тѣ ушли). (Усмѣхается). Они невинные, ихъ души прозрачны, какъ вода родника, и не только нѣтъ на сердцѣ ихъ крови, но нѣтъ даже знанія о крови,—и объ этомъ позаботился я! Да и не только объ этомъ (Тихо, странно смѣется). Я позаботился больше всего о томъ, чтобы они не узнали о смерти!... А не зная о смерти, они будутъ безсмертны,—они—не умрутъ. (Мрачно задумывается, сидя на скамьѣ). Что?

III.

ВАССА.

Васса (тихо выходитъ слѣва изъ глубины сада). Государь...

Воевода (вздрогнувъ, думаетъ, что говоритъ съ нимъ земля, склоняется, слушаетъ). А! Что ты говоришь мнѣ?

Васса (подходитъ). Государь, это я.

Воевода (снова вздроднулъ). А! Ну—что тебѣ? Вѣдь я же запретилъ вамъ ходить по моему саду? Зачѣмъ пришла?

Васса. Дѣти проснулисЬ (воевода всталЪ), пришли вЪ твою комнату и спрашиваютЪ тебя. Лада увидала твою постелЬ несмятой и спросила: развѢ отецЪ не спитЪ по ночамЪ?

Воевода (быстро придвинулся, пытливо смотритЪ). Ну... и что ты сказала?

Васса. Я сказала, что ты всталЪ до восхода и я уже убрала твою комнату.

Воевода. ТакЪ. Хорошо. Ты, Васса, одна здѣсЬ, которой я вѣрю. (безпокойно осматривается). Ты знаешЬ: я окруженЪ измѣнниками! (Васса отрицаетЪ молча). Эта подлая челядЬ толЬко и смотритЪ, какЪ бы...

Васса. Полно, государЬ. Твой разсудокЪ утомленЪ безсонницей.

Воевода (подозрителЬно). Ну-у,—я-то не боюсЬ. Еще естЬ сила вЪ моей рукѢ и душа моя не вѣдаетЪ жалости. (Внезапно лицо двинулосЬ). Но ты понимаешЬ, о комЪ я говорю?

Васса (опустивЪ глаза). Понимаю.

Воевода (мягко). Васса, ты вскормила ихЪ... Ты, значитЪ, хочешЬ, чтобы они жили?

Васса. Хочу ли я?—Да я умру за нихЪ, государЬ.

Воевода (присталЬно смотритЪ вЪ глаза, улыбается, медленно). Да. Умри, Васса... ВЪ самомЪ дѣлѢ, ты умри за нихЪ... если нужно... (Вздрогнулъ, нахмурился). НѣтЪ! Ты живи!... Кто жЪ тогда останется сЪ ними? НѣтЪ, ты живи всегда.. (ПодумавЪ). А какЪ ты думаешЬ, скольКо мнѣ лѣтЪ?

Васса (удивленно). Считаю: восемЬдесятЪ, государЬ.

Воевода. Да. ВосемдесятЪ. А думаешЬ ли ты, что я проживу еще долго?

Васса. ГосударЬ....

Воевода. Мой отецЪ жилЪ долѣе ста. А потомЪ останешЬся сЪ ними ты, Васса. Я умру,—ты скажешЬ: (умоляя) «ушелЪ»! ВпрочемЪ, тогда они ужЪ будутЪ безсмертны. (Васса вЪ волненЬи что-то хочетЪ сказатЬ). Ну да, я вѣрю тебѣ. (Хмуро, глаза блуждаютЪ). Больше—никому! Я знаю: всѣ желаютЪ смерти дѣтей... Еще потому я и ушелЪ. Мнѣ всѣ ненавистны... (Вассѣ). Но вѣдЬ мы ихЪ не выдадимЪ? ПослѢ того, какЪ прошло полвѣка (Лицо захмурилосЬ). Неужели ужЪ не забудется вина? (СмотритЪ вопросителЬно-испытующе).

Васса. Ты ужЪ искупилЪ ее, государЬ. Ты отдалЪ нищимЪ все свое достоянїе вЪ городѣ, ты построилЪ двѣнадцатЪ церквей и ходилЪ вЪ рубищѣ вЪ столЬный городЪ... РазвѢ не сказалЪ тебѣ святой пещерникЪ, когда ты пришелЪ кЪ нему босой на покаянЬе?

Воевода (подозрительно). Но отчего же тогда умерла вторая?... ихъ мать? Отчего, каждый день умираетъ у меня одинъ изъ челяди? (Тише). Отчего наконецъ, у меня родятся только красные цвѣты?... (Уныло и безпомощно, указывая на открытые блѣдные и бѣлые цвѣты). Смотри: это все—кровь Роксаны!

Васса (смотритъ на цвѣты, съ изумленіемъ). Они бѣлые, государь!

Воевода (на мгновенье повѣривъ, усмѣхнулся и сейчасъ же все лицо почернѣло). Бѣлые? (Подозрительно). Я знаю: ты говоришь, чтобы меня успокоить. (Сорвалъ бѣлый цвѣтокъ). Скажи, развѣ онъ не красенъ, какъ кровь рта удушеннаго? (Васса смотритъ испуганно). Развѣ не алъ онъ, какъ кровь, убѣгающая отъ сердца? (Мнетъ цвѣты въ рукахъ и показываетъ руки). Смотри: мои руки обагрились, точно я... снова...

Васса. Государь, ты бы позвалъ молельщика. Онъ бы отпустилъ отъ тебя молитвой эти видѣнья!

Воевода (гнѣвно). Молельщика?... (Смѣется презрительно). Нѣтъ, я не позову молельщика, Васса! Ихъ глаза тверды, какъ серебро, и холодны, какъ камни (Съ внезапной яростью топчетъ бѣлые цвѣты). Я самъ вырву себѣ отпущеніе! Я добьюсь, что эта проклятая земля родитъ мнѣ бѣлые цвѣты! Я заставлю тебя,—о, молчаливая! О, подлая!...

Васса. Государь, ты такъ кричишь, что я боюсь, услышатъ дѣти. (Воевода стихъ. Васса уходитъ въ домъ по глубинѣ сада).

Воевода (ей вслѣдъ). Ты говоришь: «бѣлые»! А почему этотъ.... Игорь!... говоритъ, что вездѣ—кровь? Почему онъ говоритъ, что—красные?... (Увидѣлъ Игоря, вздрогнулъ отъ страха и отвращенія). Вотъ Игорь.

IV.

ИГОРЬ.

Игорь (медленнно выходитъ, еле двигая ногами, изъ глубины сада. Лицо у него еще болѣе посинѣло, осунулось, голова качается, опущена, опирается на костыль). Здоровье... боярину.

Воевода (съ отвращеніемъ). Ты!... Смотри. (Сорвалъ бѣлый цвѣтокъ). Бѣлый онъ или красный?

Игорь (мрачно и медленно поднимаетъ голову). Красный.

Воевода. А этотъ? Этотъ?

Игорь (медленно). Красный. Всѣ красные, какъ кровь.

Воевода (вздрогнувъ, поднялъ надъ нимъ руку). О! Еслибъ я могъ еще убивать!

Игорь (глаза сощурились). Ты—могъ!

Воевода (отступилъ). Подлый! Вѣдь полвѣка!..

Игорь. Да. Полвѣка и пять лѣтъ. (Опустивъ голову, сѣлъ на скамью воеводы).

Воевода (смотритъ на него въ бѣшенствѣ, потомъ лицо двинулось болью, вѣки глазъ задрожали). Кирѣичъ!... (Тотъ не двинулся). Больше полвѣка сажаю я ихъ, а они все—алые! (Тотъ, не глядя, кивнулъ головой). Ты знаешь, я отдалъ все имѣніе нищимъ. Я молился въ пещерахъ... Я ходилъ на поклоненіе босой, въ рубищѣ смерда... Не слышишь ли ты, что говоритъ земля?

Игорь. Слышу.

Воевода. Что?

Игорь (медленно). Всѣ красные! (Воевода бросается какъ бы съ тѣмъ, чтобы его задушить. Внезапно всѣ бѣлые цвѣты сада превращаются въ красные). Что жъ? Души. Тебѣ не впервой. Такъ—я раньше тебя приду къ Роксанѣ.

Воевода. О проклятый... (Видитъ превращеніе цвѣтовъ и въ паническомъ ужасѣ отступаетъ). О! Они брызжутся! (Стираетъ что-то съ рукъ и одежды и отступаетъ въ глубь сада). О! Что это льется?... (Смотритъ на ноги, цвѣты плывутъ кровавой массой, онъ встаетъ, какъ бы спасаясь, на другую скамью и потомъ быстро уходитъ, ступая словно по жидкости. Хоривъ медленно выходитъ изъ глубины сада и смотритъ на балконъ).

V.

ЛАДА. КРИСТИ.

Лада и Кристи выходятъ на балконъ. Всѣ цвѣты сада и на балконѣ мгновенно превращаются въ бѣлые.

Лада. Смотри, какъ ясно! (Поблѣднѣла). Опять внизу этотъ человѣкъ. Опять онъ смотритъ, Кристи.

Кристи. Что ему надо?

Лада (отвернулась). Я не знаю. (Хориву). Ты... уйди!

Кристи. Отчего ты поблѣднѣла?

Лада. Мнѣ стало страшно. (Хоривъ все смотритъ неподвижнымъ взглядомъ). Уйди. (Тотъ медленно уходитъ). Вотъ. Снова хорошо. Солнце уже надъ лѣсомъ. (Печально). Ну, засмѣйся же, Кристи!

Игорь (медленно поднялся со скамьи, идетъ къ входной двери, видитъ трупъ сторожа, усмѣхается). А! Еще одинъ. Такъ. Кто-то умретъ завтра?

Кристи. Что онъ тамъ говоритъ, Лада?

Лада (невинно-весело, склонясь надъ перилами балкона). Что ты говоришь, Кирѣичъ?

Игоръ (не вскинувъ головы). Я говорю, что онъ—умеръ. (Сѣлъ къ нимъ спиной).

Кристи. Вотъ,—опять то же странное слово!

Лада (свѣшиваясь). Что значитъ—умеръ?

Игоръ. Умеръ—значитъ—умеръ.

Лада. Не понимаю. (Молчанiе. Къ мертвому). Дѣдушка-сторожъ, ты что молчишь? Ты заснулъ? Кристи, онъ заснулъ?

Игоръ. Да. И—не проснется.

Лада. Какъ, «не проснется»? (Вдругъ вся захватывается смутнымъ безпокойствомъ предчувствiя, вздрагиваетъ, въ голосѣ слезы). Дѣдушка-сторожъ, ты не спи. Ужъ утро, дѣдушка. (Къ Кристи). Ты ему крикни.

Игоръ. Нѣтъ: онъ ужъ не услышитъ.

Лада. Почему—не услышитъ?

Игоръ. Потому что его—нѣтъ.

Кристи (вспыливъ). Что ты лжешь? Какъ «нѣтъ»?

Игоръ. Какъ не бываетъ.

Кристи. Ты обманываешь насъ. Развѣ я не вижу. Я вотъ скажу батюшкѣ.

Игоръ. Скажи.

Лада. Онъ разсердится на тебя за это... (Кричитъ). Дѣдушка!

Игоръ. Онъ здѣсь—и его нѣтъ. (Тѣ переглянулись недоумѣвая. Онъ все сидитъ спиною къ нимъ). И вотъ это значитъ, что онъ—умеръ.

Лада (смутно—инстинктивно повѣривъ, плачетъ). Бѣдный дѣдушка...

Игоръ (повернувъ голову). Мы всѣ—бѣдные.

Лада. Нѣтъ: мы богатые!

Игоръ (упрямо и жестко). Мы всѣ—бѣдные!... (Трогаетъ мертваго). Посмотри, какой онъ синiй, окостенѣлый. (Усмѣхается, вскинувъ глаза). И точно такою лежать будешь—ты! (Всталъ).

Лада (вздрогнувъ, вскрикнула, плачетъ). Я?! Ни за что не буду.

Игоръ. Н-нѣтъ,—будешь!

Лада (рыдаетъ). Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! (Кристи держитъ ее въ объятiяхъ).

Игоръ (толкнулъ мертвеца ногою, тотъ повалился на бокъ, скрюченный).

Лада (плача). Ай! Онъ сдѣлалъ ему больно!..

Игоръ. Нѣтъ, ему не больно. И вотъ такъ... (Протянулъ къ Ладѣ дрожащiя руки съ судорожно двигающимися пальцами, тихо смѣется изступленнымъ смѣхомъ)... такъ... на землѣ... будете лежать вы... Вы оба!

Лада (бьется въ объятiяхъ Кристи). О, какъ мнѣ страшно! Страшно! (Изъ-за угла выбѣгаетъ съ помертвѣвшимъ лицомъ Воевода. Съ нимъ нѣсколько изъ челяди).

VI.

ВОЕВОДА. ЧЕЛЯДЬ.

Воевода (бросается на Игоря. Цвѣты мгновенно всѣ превратились въ красные). О, гадина!.. Задушить его передо мною!.. (Люди бросаются на старика. Лада и Кристи вскакиваютъ, чуть не бросились съ балкона, бѣгутъ внизъ, къ двери. Воевода увидѣлъ, опомнился). Оставьте! Бросьте его въ самую глубокую яму! Въ самое душное подземелье!

Игорь (ему крутятъ поясами руки). Все. Совершилось. Моя месть пришла. Слышишь, Роксана? (Тихо смѣется). Мнѣ не страшны теперь самыя глубокія ямы,—завтра я умру. (Воеводѣ, усмѣхаясь). Но они—знаютъ! (Его уводятъ. Воевода, нѣсколько разъ порывавшійся броситься на него, все осматривается на дверь выхода, и, какъ только появляются дѣти, заслоняетъ собою входъ, отталкиваетъ обоихъ, захлопываетъ дверь, прислоняясь къ ней спиной, раскинувъ за собою руки. Лицо покрылось блѣдностью, голова опущена. Задыхается).

Голоса Кристи и Лады (изъ-за двери). Отецъ... Пусти же насъ... Зачѣмъ заперъ ты дверь?.. Мы хотимъ выйти, видѣть... Пусти...

Воевода (не двинулся). Что видѣть?

Голоса. Видѣть его... Старика... Что было.

Воевода (дѣлая усилія притти въ себя). Ничего не было.

Голоса. Намъ сказали, что онъ умеръ.

Воевода (лицо покрылось смертельной блѣдностью). Умеръ? Что такое: умеръ? Не понимаю я.

Голоса. Мы тоже... Но что-то случилось...

Воевода. Ничего не случилось. Идите къ себѣ наверхъ. Иду къ вамъ я. (Идетъ). Сейчасъ буду говорить вамъ о вѣчномъ, (улыбается) нескончаемомъ источникѣ жизни, никогда не угасающемъ солнцѣ! (Тяжко поднимается по каменнымъ плитамъ лѣстницы).

(ТЕМНѢЕТЪ).

Обстановка первой картины. Ночь. Луна. Лада и Кристи спятъ въ своихъ постеляхъ. Тихо. Въ стеклянную дверь балкона видно, какъ по лѣстницѣ поднимается Хоривъ и приникаетъ къ стеклу. Осторожно стучитъ въ стекло.

Лада (начинаетъ тихо стонать во снѣ и поднимаетъ голову). О, какъ мнѣ страшно! Кто-то наступилъ на меня и точно ногою сдавилъ мнѣ сердце!.. О, кто здѣсь ходитъ? (Схватывается за голову). Мнѣ душно! Кристи, Кристи, а ты все спишь... Нѣтъ, ты спи. (Тихо плачетъ).

Занавѣсъ.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Обстановка второй картины. Также, при поднятіи занавѣса, виднѣется согнутая надъ цвѣтами фигура воеводы, но на мѣстѣ умершаго сторожа лежитъ теперь въ томъ же положеніи старый Игорь. Лицо его посинѣло, окостенѣли скрюченные пальцы рукъ, но глаза закрыты и лицо въ общемъ спокойно. Вечеръ. Жаркое лѣтнее солнце лежитъ бликами, рисуя красивыя синеватыя тѣни.

I.

ВОЕВОДА.

Воевода (еще болѣе осунувшійся, пожелтѣвшій, бросаетъ лопатку). Нѣтъ. Я не могу спокойно работать. Я повсюду окруженъ измѣнниками. И напрасно я, по настоянію дѣтей, выпустилъ Игоря изъ ямы. Какъ трудно было загладить въ ихъ сердцахъ впечатлѣніе нахлынувшаго ужаса смерти! (Зоветъ, повернувшись къ дому). Васса!

II.

ВАССА (выходитъ изъ глубины сада).

Воевода. Ну, что? Дѣти спали? Все хорошо?

Васса. Да, государь.

Воевода. Они веселы? Что дѣлаютъ?

Васса (улыбаясь). Все сидятъ надъ своей звѣздной книгой...

Воевода (самъ усмѣхнулся). Хорошо: звѣзды безсмертны. (Вдругъ, хмуро). А что, сегодня въ домѣ еще никто не умиралъ?

Васса. Никто, государь. Утромъ обходила весь дворъ сама я.

Воевода (смотритъ ей въ глаза съ надеждой, медленно). Да... Если бы... (Внезапно пригнулся къ цвѣтнику, вздрогнулъ и порывисто вырвалъ два бѣлыхъ цвѣтка. Васса смотритъ обезпокоенно). Вотъ! Вотъ! (Тихо засмѣялся и снова вздрогнулъ, подозрительно). А что это, Васса, на мѣстѣ, гдѣ я вырываю одинъ,—вырастаетъ по двое и все алые? Ты видишь?

Васса. Не вижу.

Воевода (съ досадой). Да вотъ же... Впрочемъ, ты не смотри. Нѣтъ, нѣтъ,—не смотри! (Торопливо трясущимися руками закрылъ цвѣты холстами).

Васса. Вѣсти смутныя идутъ изъ города, государь.

Воевода. А что?

Васса. Вчера къ ночи прибылъ старый человѣкъ. Онъ сказываетъ, идетъ подъ стѣнами съ врагомъ лютая сѣча. Сказываетъ и такъ, что въ твое отсутствіе бояре стали враждовать изъ-за власти, и въ самомъ народѣ идетъ расколъ.

Воевода. Пусть. Это не важно, что умирают смертные, вѣдь для них вопрос только в час. И все равно, умрет ли пять смертных или тысяча... Вниманіе должно быть не на том,—и туда я больше уж никогда не приду. Я удивляюсь, Васса, своему долгому ослѣпленію. Как мог я спокойно спать, когда охраняли меня только стѣны, как мог спокойно пить, когда питьем моим были только слезы... Нѣт силы, чтобы не была на насиліи. И как мог я, Васса, повелѣвая людьми, думать, что могу в то же время взращивать святое. Я только теперь на пути, Васса,—ты развѣ не замѣчаешь (Улыбается, показывая на цвѣты), что иногда... (Вздрогнув). Гдѣ Игорь?

Васса. Он был в людской, государь.

Воевода (угрюмо). Мнѣ жалко, что я его простил. Я боюсь его, Васса.

Васса. Государь. Он болен и стар.

Воевода (подозрительно). Ты жалѣешь его? Может быть, ты тоже... А дѣтей (успокаивается). Нѣт, не надо было выпускать его из ямы. Я знаю, он сдѣлает еще какое-нибудь зло. (Вздрогнув, смотрит вверх). Кто это полетѣл?

Васса. Гдѣ?

Воевода (в волненіи). Вот,—полетѣл, полетѣл... Какой-то сѣрый, безформенный... Как стало мнѣ холодно. (Васса отшатнулась в страхѣ). А ты говорила ему вчера?

Васса (не сразу поняв). Говорила, государь. (Все смотрит в его глаза).

Воевода. Убѣждала ты его не мстить дѣтям? Дѣтям (лицо вдруг двинулось) за что? Развѣ не красивы они, как солнце? (Таинственно). Ты знаешь, Васса, я воспитал их такими прекрасными!... Ты поняла? Вѣдь когда всѣ люди будут так невинны, как Кристи и Лада, они не будут умирать! О, в этом моя заслуга перед всей землей!.. (Смѣется тихим восторженным смѣхом. Васса смотрит обезпокоенно). Я первый бросил все для того, чтобы взростить вѣчную, неумирающую жизнь. Вот почему я и держал дѣтей вдали от всѣх; потому и выстроил эти заборы и стѣны и наконец перебрался в далекую вотчину. Они видят и говорят только с Солнцем. Одно вѣчное Солнце их учитель,—а чему научит вѣчное Солнце?... Только безсмертію. (Закатывающееся солнце заходит за темную тучу.—Воевода испуганно оглядѣлся, сгорбился). Все посѣрѣло... (Топнул ногой). Да гдѣ же Игорь? (Идет ко входу). Постой, он зовет меня. Что, И... (Голос упал, но в нем все-таки выражается ощущавшееся предчувствіе). Вот. Смерть и на сегодня. Игорь умер. (Молчаніе. Васса,

всплеснувъ руками, подходитъ. Воевода, осмотрѣвшись, понизилъ голосъ). Тише, Васса, ради дѣтей... Позови тихонько кого-нибудь изъ челяди. Пусть унесутъ. Эй, вы.

III.

ТРОЕ СЛУГЪ.

Воевода. Унесите. (Обдаетъ всѣхъ ледянымъ взглядомъ). И смотрите: ни слова! Спросятъ,—скажите: бояринъ отослалъ его въ городъ. (Тѣ унесли трупъ). Я радъ, что онъ умеръ, Васса. Теперь мнѣ спокойнѣе. (Внезапно, измѣнившимся голосомъ). Постой,—что это тамъ, подъ кустомъ? (Быстро идетъ къ забору, раздвигаетъ кусты. Подъ кустами въ такомъ же положенiи еще мертвый). Что ты здѣсь дѣлаешь? (Упавшимъ голосомъ, проводя рукой по глазамъ). Ты видишь, Васса... И тутъ... мертвый. (Раздвинулъ рядомъ кусты. Еще мертвецъ). И здѣсь... И здѣсь...

Васса (дрожа). Государь! Ты... боленъ!

Воевода (вскинулъ голову, усмѣхнулся). Что? Я боленъ?... Нѣтъ, я не боленъ, Васса. (Подходитъ). Скажи: развѣ я смѣю болѣть? Кто останется тогда съ ними? Кто скроетъ отъ нихъ ужасное лицо смерти?... Вотъ видишь,—никто. (Тихо смѣется). А ты говоришь: я боленъ. Шестнадцать лѣтъ, изо дня въ день, я уберегалъ ихъ отъ мысли о существованiи смерти. Ты думаешь, это было легко. Вотъ отъ чего посѣдѣли мои волосы: Я много думалъ. Шестнадцать лѣтъ я обдумываю каждое свое слово. Я жду. Ты помнишь, что мнѣ сказалъ кiевскiй пещерникъ?—«Какъ вырастишь бѣлый цвѣтокъ,—проклятiе снимется, и твои дѣти будутъ безсмертны». (Васса вскидываетъ на него изумленный взглядъ). Да, безсмертны. Сначала я ростилъ цвѣты для себя,—теперь—для дѣтей. (Сурово). Они будутъ безсмертны, говорю я! (Глаза бѣгаютъ безпокойно и подозрительно).

Васса. Государь, я боюсь... Мнѣ страшно.

Воевода. Ты думаешь, я заболѣлъ? (Смѣется тихо). Нѣтъ,—я еще никогда не былъ такъ здоровъ, какъ теперь. О, если бы только были чисты мои руки!... (Задумывается). Васса, какъ это случилось? Развѣ не былъ я раньше невиннымъ? Развѣ не росъ я когда-то, радуясь, какъ всѣ, солнцу и цвѣтамъ? Вѣдь и я былъ маленькiй, Васса! И потомъ—я жилъ дальше, и былъ чистый, незнающiй, какъ они...Какъ же это случилось? (Васса молча опускаетъ голову). О, жизнь, тайна жизни каменной! (Долгое молчанiе. Придвигается къ Вассѣ). Знаешь, Васса,—все это отъ того, что люди... неблизки. Одно и то же, недѣлимые, происшедшiе изъ одного, связанные

изначала однимъ и общимъ,—они не сознаютъ этого и, бродя по землѣ среди дѣлъ,—видятъ только себя и «своихъ», не думая, не чувствуя, что свои—всѣ! Вѣдь не могъ бы я, Васса, причинить злое—Ладѣ? Но вѣдь Лады—всѣ! Я думалъ: убиваю другого! а въ самомъ дѣлѣ—убилъ себя. (Всталъ, ходитъ). Вотъ когда это сознается, Васса!... Когда всякій увидитъ въ другомъ человѣкѣ только Ладу и Кристи,—тогда сдѣлаются на землѣ бѣлыми всѣ цвѣты!... (Васса, взволнованно поглядывая на воеводу, уходитъ въ домъ. Солнце вышло передъ самымъ закатомъ изъ синевы тучи). Вотъ оно, вѣчное! (Солнце закатилось). Прощай... Мы встрѣтимся на одномъ дѣлѣ. (Смеркается).

IV.

ЛАДА и КРИСТИ (выходятъ во дворъ съ глобусомъ и Книгой Звѣздъ).

Воевода. О, мои маленькіе. Вы уже тутъ, и непремѣнно со своимъ глобусомъ и Звѣздной Книгой... Ну что буду я вамъ показывать въ сумракѣ. Нѣтъ, мы пойдемъ съ вами въ теремъ, и тамъ я буду разсказывать вамъ (Видитъ, что дѣти идутъ къ его скамьѣ межъ цвѣтовъ) ...Осторожнѣе, дѣти! (Оба стали съ его боковъ, прижавшись къ нему, и онъ, сидя, обнимаетъ ихъ, потомъ сажаетъ Ладу на колѣни). Мои маленькіе цвѣтки! Я рощу васъ еще съ большей любовью, чѣмъ этихъ неслышныхъ. Я люблю васъ больше потому, что эти—молчатъ, а вашъ золотой смѣхъ—какъ лучи солнца! Когда онъ прыгаетъ, вмѣстѣ съ вашей бѣготнею, по комнатамъ, отъ прекраснаго солнца отрываются лучи, и въ этихъ лучахъ дрожитъ мой теремъ, и, весь мрачный, свѣтлѣетъ и наполняется огнями жизни. (Смотритъ на закатъ). Благодарю тебя, ушедшее солнце, что, несмотря на мой грѣхъ...

Кристи (ласкаясь, негромко). Грѣхъ?

Воевода (слегка вздрогнувъ). Ну да, грѣхъ. Кто же не имѣетъ грѣха, кромѣ васъ?

Лада. А что есть: грѣхъ?

Воевода. Опять ты съ вопросами, моя хитрая лисичка. Такая на видъ ты простая, бѣлокурая... а сколько въ тебѣ сомнѣній и думъ... Снова будешь выпытывать, что и почему? Нѣтъ: не знаешь,—и не надо. Такъ и оставайся, не зная. Такъ лучше.

Лада. Отецъ, я сорву цвѣтокъ? (Двинулась).

Воевода (нахмурившись, удерживаетъ). Нѣтъ, не надо: не касайся руками этихъ красныхъ цвѣтовъ.

Лада (удивленно). Отецъ: они же—бѣлые!

Воевода (пристально смотритъ, хочетъ что-то сказать и сдерживается). Да. Они бѣлые. Иначе—ты не можешь и видѣть.

Лада (тихо). Ты такъ нехорошо посмотрѣлъ....

Воевода. Нѣтъ. Мнѣ хорошо... съ вами. Мнѣ такъ теперь радостно!.. (Какъ бы про себя). О, отчего во мнѣ двѣ души...

Кристи. Что ты говоришь?

Воевода. Ничего. Никогда не рвите жизни... цвѣтовъ. Живутъ и цвѣты, и растенія, и камни.

Кристи. И камни?

Воевода. Да. (Сурово). И камни.

Лада (взявъ съ земли камень, наивно, своимъ звенящимъ голосомъ). И камни?

Воевода (дрогнулъ отъ нахлынувшей нѣжности). И камни. (Стемнѣло; на небѣ нависли тучи). Знаешь ли ты, что камень живетъ? Камень растетъ, имѣетъ сердце и умъ (дрогнувшимъ голосомъ, про себя), и страдаетъ, и любитъ... и весь нагрѣвается отъ солнечныхъ лучей (прижимаетъ къ себѣ дѣтей) до самой глубины своей холодной сердцевины. (Въ волненіи закрываетъ глаза. Кажется, что онъ плачетъ).

Лада. Отецъ,—ты плачешь?

Воевода (вскинулъ голову). Ну вотъ. Развѣ когда-нибудь плакалъ воевода? Это дождь брызнулъ съ далекаго неба. (Съ нѣжной насмѣшкой). Плакала только маленькая Лада, когда къ ней подолгу не приходилъ Христофоръ.

Лада. Отецъ, мнѣ сегодня такъ печально и скучно!... Я спала въ своей постели и вдругъ кто-то поднялъ на меня злые, холодные, точно ледяные глаза. Я увидѣла озеро съ камышами вокругъ и на днѣ этого озера трава, а изъ травы, не мигая, глядѣли на меня два тусклыхъ глаза... (Схватывается за его руку).

Воевода. Никакихъ глазъ не бываетъ на днѣ озера. Тамъ водоросли и тина, а здѣсь—посмотрите, какъ здѣсь хорошо! Вѣчная, неугасимая жизнь разлита повсюду — и вы — два свѣтильника этой жизни, идущей за мной. Какъ ровно теплится въ васъ этотъ фитиль, горящій золотомъ! (Набѣжалъ вѣтеръ; шатаясь, шепчутся деревья). Слушайте: говорятъ деревья. (Слушаютъ. Затѣмъ наступаетъ тишина). Осіянная тайна повисла надъ нами и все замерло въ ожиданіи ея словъ. Слова изойдутъ отъ васъ: васъ слушаютъ! Берегите въ себѣ золотой огонь мной возжённой вѣчности! (Замолкъ въ волненіи. Тихо. Упало нѣсколько крупныхъ капель дождя и затѣмъ дождь учащается). О,—начинается дождь. Идемте въ теремъ. (Кристи беретъ глобусъ и книгу и всѣ идутъ въ домъ). Вѣчная, безпредѣльная радость жизни разлита повсюду,—сумѣть только ее взять,—захватить и раздать: «всѣ бе-

рите!...» (Дѣти, идя, не сводятъ съ него глазъ. Въ окнахъ терема зажглись огни). Вотъ, — зажглися. Берегите въ себѣ тайну будущей вѣчности. (Всѣ ушли, дождь усилился, деревья зашумѣли. Изрѣдка въ отдаленіи вспыхиваетъ зарница. Луна то прикрывается тучами, то убѣгаетъ отъ нихъ и на свѣтѣ ея видно, какъ шатаются деревья, какъ вспыхнули, словно электрическимъ, блѣдно золотымъ свѣтомъ всѣ цвѣты сада; по землѣ бѣгутъ чистые дождевые ручейки. Потомъ дождь стихаетъ. Тучи убѣжали. Выплылъ узкій молодой рожокъ мѣсяца, деревья заблистали каплями, цвѣты горятъ своимъ страннымъ, фосфорическимъ свѣтомъ).

V.

ЛАДА, КРИСТИ (обнявшись показываются на балконѣ и стоятъ неподвижно).

Кристи. Слушай: говорятъ деревья! (Прислушиваются).

Лада. Отецъ легъ. У него закружилась голова.

Кристи. Онъ скоро выйдетъ... Ты не боялась молніи?

Лада. Это была не молнія. Отецъ сказалъ: это зарница.

Кристи. А что есть: зарница?

Лада. Это—раскрывается небо и оттуда глядятъ души еще не родившихся людей.

Кристи. А что значитъ: родиться?

Лада. ...сойти на землю.

Кристи. А мы—на землѣ?

Лада. Кажется, такъ.

Кристи (вздохнувъ трепетно). А мнѣ кажется: мы — въ небѣ (Прижимается къ Ладѣ). О, Лада, сестра моя тихая. Лада, Лада, — тысячу разъ моя милая Лада, милая сестра! Мы стоимъ сейчасъ съ тобой между землей и небомъ, и такъ мнѣ спокойно, такъ безмятежно, радостно и ровно. Будемъ ли мы всегда радоваться? Будетъ ли всегда такъ хорошо на землѣ?

Лада (невинно, звенящимъ голосомъ). Да. Будетъ. (Вдругъ вспоминаетъ, вздрогнула, лицо потускнѣло).

Кристи. Отчего ты вздрогнула, Лада? Я почувствовалъ, — твое сердце двинулось подъ моей рукой, какъ бѣлое крыло голубя... Лада, что-то случилось, что ты скрываешь отъ меня?

Лада. Нѣтъ, люблю я только тебя. (Молчаніе).

Кристи (обвиваетъ ее рукой). Посмотри, какъ блестятъ головки цвѣтовъ. Они смотрятъ на насъ?

Лада. Смотрятъ.

Кристи. Они видятъ насъ?

Лада. Видятъ.

Кристи. И слушаютЪ?

Лада. СлушаютЪ.

Кристи. И понимаютЪ?

Лада (съ убѣжденіемЪ). Конечно!

Кристи (вздохнулЪ, улыбнулся). Отчего такЪ хорошо, Лада? Лада, да любишЬ ли ты меня?

Лада (трепетно). Да, люблю.

Кристи (склоняясЬ кЪ ней). И толЬко меня?

Лада. ТолЬко тебя.

Кристи. Но какЪ любишЬ? КакЪ брата, Лада?

Лада (увѣренно). БолЬше!

Кристи. Но какЪ? КакЪ болЬше?

Лада. БолЬше—не знаю... А ты?

Кристи. Не знаю и я... Но на всю жизнЬ?

Лада. На всю жи... (Вздрогнула, увидѣвЪ смотрящаго на нее Хорива. ВдругЪ жутко). О, какЪ все неясно и страшно!... (Быстро идетЪ съ балкона. За ней Кристи).

ЗАНАВѢСЪ ОПУСКАЕТСЯ и сейчасЪ же ПОДНИМАЕТСЯ.

Обстановка первой картины, но вся подЪ вуалЬю. Сцена сновидѣнія Лады. НочЬ. Лада и Кристи вЪ постеляхЪ. Кристи спитЪ. Лада съ печалЬнымъ недоумѣвающимЪ взглядомЪ сидитЪ на постели.

СОНЪ ЛАДЫ.

ХоривЪ (появляется на балконѣ и раскрываетЪ окно).

Лада. Ты опятЬ пришелЪ?

ХоривЪ. Да. Я не могу не смотрѣтЬ на тебя. Подойди.

Лада. Но почему? (ПодходитЪ).

ХоривЪ. Потому что—люблю. (Улыбается. Молчаніе).

Лада. Меня любитЪ Кристи.

ХоривЪ. ОнЪ не умѣетЪ. Не понимаетЪ любви.

Лада. А ты? И развѣ любятЪ еще по-другому?

ХоривЪ. Да.

Лада. КакЪ это иначе?

ХоривЪ (молча смотритЪ на нее). Смотри: луна высеребрила всю землю. ПодЪ ея лучами трава кажется шелковой тканЬю и роса земли блеститЪ огонЬками. Каждая травинка, каждый кустЪ любятся этой ночЬю. Ты пройди толЬко по этой травѣ босая и лягЪ на нее голой грудЬю. Прислушайся, о чемЪ говоритЪ земля. Сойди же на землю.

Лада. Нѣтъ. Не сойду. Тамъ темно и холодно.

Хоривъ. Ты одѣнься и выйди. Взгляни, сколько свѣтляковъ выползло освѣтить тебѣ путь. Слышишь ты это жужжанiе крылъ?

Лада. Мнѣ сегодня печально. Сегодня случилось что-то съ дѣдушкой-сторожемъ... Отецъ говорилъ. Было такъ непонятно.

Хоривъ. Я знаю. Хочешь, я проведу тебя къ нему? Я разскажу тебѣ все, что знаю объ этомъ.

Лада (живо). Ты знаешь? Разскажи!

Хоривъ. Тише. Не разбуди его.

Лада. А Кристи не долженъ слышать?

Хоривъ. Нѣтъ. Не долженъ. Ты накинь одежду и сойди внизъ. Я буду ждать тебя внизу и подержу тебѣ лѣстницу.

Лада. (одѣваясь). И ты не обманешь меня?

Хоривъ. Нѣтъ. Я разскажу тебѣ все. Ты узнаешь, отчего блестятъ звѣзды и отчего зеленѣетъ трава, и почему глубока вода и какъ живутъ птицы и свѣтляки. Ты узнаешь, отчего на щекахъ дѣвушки вспыхиваетъ румянецъ и отчего глаза могутъ блескомъ затмевать сiянiе звѣздъ... Осторожнѣе, Лада. (Та взбирается на окно; онъ помогаетъ ей сойти на балконъ и дальше оба спускаются внизъ по лѣстницѣ. Совершенно темно. Еще видно, какъ пронеслись по небу куски синихъ разорванныхъ тучъ, потомъ стемнѣло. Затѣмъ чуть брезжется разсвѣтъ. Видно, какъ поднимается по лѣстницѣ блѣдная, продрогшая Лада. За нею тихо поднимается Хоривъ. Лада вступаетъ въ окно, онъ ее поддерживаетъ.

Лада. Оставь меня. Уйди. Я не люблю тебя.

Хоривъ. Но я люблю тебя.

Лада. Неправда. Ты хотѣлъ меня ударить. Ты разорвалъ мнѣ платье и до боли стиснулъ мнѣ грудь. Развѣ любовь бываетъ такой? Ты обманулъ меня. Ахъ, какъ мнѣ больно въ сердцѣ!

Хоривъ. Такъ ты не любишь меня?

Лада. Нѣтъ. Тебя мнѣ лишь жалко. А люблю я—одного только Кристи. У него никогда не темнѣютъ по-твоему глаза и никогда онъ не дѣлалъ мнѣ больно. Уйди.

Хоривъ (дрогнувшимъ голосомъ). Ты родилась... не здѣшняя. Дай мнѣ въ послѣднiй разъ посмотрѣть на тебя.

Лада (тихо). Въ послѣднiй?

Хоривъ. Выйди завтра за ограду къ озеру. Тамъ у лѣса есть блестящее озеро среди камышей, Нагнись надъ ними, загляни туда въ глубину,—и ты увидишь меня тамъ.

Лада (робко, въ инстинктивномъ предчувствiи). И что же... ты...

Хоривъ. Загляни туда, въ блестящую глубину и ты увидишь меня тамъ. (Скрылся).

Лада (смотритъ на еле видную предразсвѣтную луну). Луна блѣднѣетъ. О, какая она блѣдная! Мнѣ страшно! (Медленно идетъ къ постели и ложится).

VI.

ВАССА.

(Вуаль обстановки растаяла).

Васса (показывается въ дверяхъ вся блѣдная). Дѣти. Идите къ отцу. Онъ боленъ. (Тѣ вздрогнули, пробудились, замерли. Потомъ спѣшно набрасываютъ платье, идутъ. Она имъ вслѣдъ, дрожа). И слушайте: вы не пугайтесь: онъ не одинъ.

(Распахивается сама собою дверь балкона. Видно, какъ съ неба спускается къ дому странное, блѣдное, жуткое, полупрозрачное изображенiе (Смерть). Едва уловимый жуткiй стальной звонъ. Цвѣты на балконѣ и въ саду мгновенно свертываются и гаснутъ. Деревья и кусты опустили вѣтви и пригнулись).

Занавѣсъ.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Спальная воеводы. По стѣнамъ старые выцвѣтшiе ковры со слѣдами когда-то висѣвшихъ на нихъ скрещенными мечей, аллебардъ, копiй и другого оружiя. Теперь все это вынесено. Обстановка суровая, бѣдная, монашеская. Стѣны, потолокъ и всѣ вещи—темные. На стѣнахъ, забитыхъ глиной и закрашенныхъ, кое-гдѣ плесень и мохъ. У широкаго мрачнаго окна темная узкая кроватъ. Около кованный сундукъ, рядомъ, у изголовья, темный табуретъ, на немъ кружка съ водой и двѣ оплывшiя, чадящiя свѣчи въ зазеленѣлыхъ подсвѣчникахъ. Еще табуретъ въ ногахъ. На окнѣ два крупныхъ красныхъ цвѣтка. Сосновый столъ, ничѣмъ не покрытый. Маленькая выходная дверь заперта висячимъ замкомъ. Предразсвѣтный туманъ и сумракъ. За окномъ причудливыми тѣнями клубится ночная сырость.

I.

ВОЕВОДА и ТѢНЬ ИГОРЯ.

Воевода (не раздѣтый, лежитъ на постели въ забытьи. Сѣдые волосы перепутались, исхудавшее лицо почернѣло, глаза провалились и рѣзкая морщина залегла надъ спутанными бровями. Около ногъ, на табуретѣ недвижно сидитъ спиною къ зрителямъ тѣнь, напоминающая умершаго Игоря. Тишина. Воевода начинаетъ двигаться на подушкахъ). Мнѣ душно. (Молча и подозрительно смотритъ за клубящейся за окномъ сыростью. Потомъ взглядываетъ на Игоря, переводитъ взглядъ на запертую дверь. Говоритъ тихо, неиспуганно, холодно). Игорь?

Игорь (молчитъ).

Воевода. Ты каждый день приходишь ко мнѣ передъ разсвѣтомъ. Но сегодня я заперъ дверь. Какъ ты вошелъ?

Игорь (молчитъ).

Воевода (съ возрастающимъ безпокойствомъ). Зачѣмъ ты здѣсь?

Игорь (не двинулся). За тобой.

Воевода (вздрогнулъ). Развѣ такъ скоро?

Игорь. Съ разсвѣтомъ.

Воевода. Ты лжешь, червь! Я не умру, я встану... (Хочетъ двинуться и не можетъ). Кто останется съ моими дѣтьми?

Игорь. Никто.

Воевода. О, сила дьявола! Шестнадцать лѣтъ, изо дня въ день, не зная покоя, я уберегалъ ихъ отъ смерти!.. И вотъ теперь... я безсиленъ. Умираю, не кончивъ... Ты! Развѣ я для тебя воспитывалъ безсмертіе?

Игорь (усмѣхнулся). «Без... смертіе!»

Воевода. Да, они безсмертны. Къ чему ты кривишь свой беззубый ротъ? Они не умрутъ. Уйду я—останется Васса.

Игорь (медленно). Ушла и Васса.

Воевода. Что?.. Ты обманываешь меня... Ты лжешь, чтобы унести меня скорѣе. Умерла Васса?.. Этого не можетъ быть! Еще вчера... передъ вечеромъ...

Игорь. Вчера—не сегодня. (Молчаніе). Кто скажетъ: «буду живъ завтра». (Молчаніе). Развѣ за твой грѣхъ, въ твое проклятіе, не умираютъ въ теремѣ каждый день?

Воевода (беззвучно). Каждый день!..

Игорь. И вотъ—ушла Васса. (Молчаніе). Посмотри,—но ты не можешь двинуться. (Самъ тоже не двинулся). Тамъ, у входа, на углу, гдѣ лежалъ я, лежитъ теперь Васса. (Воевода хотѣлъ подняться и безсильно упалъ на подушки). Ты не можешь двинуться!.. А тамъ, за стѣной—тамъ, испуганные видѣніемъ сна, прижались другъ къ другу твои дѣти. Сѣрый, ослизлый, гладитъ ихъ по головамъ онъ своей шершавой рукой старика (Волосы воеводы двигаются какъ въ вѣтрѣ) и кладетъ имъ каменную руку на грудь и они задыхаются, и хотятъ двинуться кричатъ, безпомощно призывая Вассу. Ты не можешь крикнуть! А Васса уже не придетъ.

Воевода (чуть слышно). Такъ велико мое проклятіе?

Игорь. Такъ велика цѣнность жизни. (Молчаніе). Нестираемая никѣмъ, она идетъ на дерзнувшаго и уничтожаетъ его... Еще ни одинъ изъ убившихъ не жилъ на землѣ.

Воевода (ломая руки). Но мои дѣти... Дѣти...

Игорь. Въ безумной гордости, безумный отъ грѣха—ты надумалъ воспитатъ безсмертіе. Развѣ твои руки не заражаютъ все дыханіемъ смерти? Развѣ то, чего ты касаешься, не обращается сей-

часъ же въ пепелъ... Самъ зараженный,—думалъ родить чистое!... (Повернулъ голову, усмѣхнулся).

Воевода (собравъ силы). Ты—дьяволъ! Уйди. (Взглянулъ на изображеніе, висящее на стѣнѣ. Оно засвѣтилось). Ты лжешь. (Игорь внезапно исчезъ. Воевода смотритъ на сіяніе, но оно сейчасъ же тускнѣетъ и видно, какъ по изображенію стекаютъ внизъ красныя капли. Воевода откинулся на подушки и стихъ. Дверь неслышно и медленно растворяется, при чемъ отдѣлился отъ стѣны вмѣстѣ съ нею замокъ съ обоими пробоями и щеколдой. Воевода смотритъ въ волненіи. Никого нѣтъ. Затѣмъ показывается медленно движущійся длинный рядъ безмолвныхъ тѣней, проплывающихъ мимо боярина и исчезающихъ въ противоположной стѣнѣ: семь молодыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ, обнявшихся между собою,—тѣни крѣпостныхъ наложницъ боярина; тѣни убитыхъ имъ на войнѣ, тѣни заключенныхъ въ цѣпи рабовъ и проч. Бояринъ все смотритъ, всѣхъ узнаетъ и все шепчетъ что-то неслышно. Тишина. Показывается медленно движущаяся тѣнь Роксаны).

II.

ТѢНЬ РОКСАНЫ.

Тѣнь (вся сѣрая, съ сѣроватымъ прозрачнымъ недвижнымъ лицомъ, съ прямыми распущенными волосами, въ прозрачномъ, похожемъ на газъ, одѣяніи, руки опущены, на шеѣ тонкій красный шелковый шнурокъ, обвитый въ нѣсколько рядовъ. Медленно подходитъ къ воеводѣ, у котораго шевелятся волосы).

Воевода (нѣсколько поднявшись на подушкахъ, беззвучно). Роксана?... Ты?...

Тѣнь. Здравствуй, бояринъ Сила.

Воевода. Я умираю?

Тѣнь. Да.

Воевода. Какъ душно! (Тянется къ свѣчамъ, хочетъ погасить). Я задыхаюсь въ ихъ смрадѣ.

Тѣнь. Жди. Онѣ погаснутъ,—кончится жизнь.

Воевода (выкрикиваетъ). Зачѣмъ ты пришла?

Тѣнь. Не бойся.

Воевода. Боюсь не за себя. Кто останется съ ними!

Тѣнь. Я.

Воевода (задрожалъ). Ты?... (Машетъ рукой). Уйди, уйди...

Тѣнь (медленно). Если бы ты могъ видѣть... Всѣ цвѣты въ саду—бѣлые!

Воевода (въ ужасѣ указываетъ на шнуръ). Что это у тебя на шеѣ?

Тѣнь (тихо). Ожерелье. (Воевода начинаетъ биться. Она кладетъ руку на его голову и онъ стихаетъ. Тихо опускается на табуретъ, тихо улыбается).

Не бойся. Не надо. Страшнаго уже нѣтъ. (Слабо, словно прозрачно улыбнулась). Ты не знаешь жизни на Солнцѣ!...

Воевода. Уйди. Идутъ дѣти.

III.

ЛАДА, КРИСТИ.

Тѣнь. Не пугайся.

Лада и Кристи (бросаются къ воеводѣ). Отецъ! Мы тебя все звали!

Лада. Такой страшный сонъ... Ты не шелъ. (Свѣтаетъ, сумракъ борется съ разсвѣтомъ, за окномъ клубятся испаренія и пропадаютъ. Становится все свѣтлѣе).

Воевода. Я приду къ вамъ... Скоро...

Лада и Кристи (видятъ тѣнь). Кто эта женщина? (Молчаніе).

Лада (разсматриваетъ ее въ изумленіи). Какая ты красивая!

Кристи. Мы тебя никогда не видѣли. (Молчаніе).

Лада. О, какая ты холодная! (Порывисто приближается, смотритъ). Что это у тебя... на шеѣ? (Воевода откинулся).

Тѣнь (мягко и печально). Ожерелье, дитя. (Лада робко касается шнурка пальцемъ). Его носятъ на землѣ... даже самые счастливые!...

Лада. Но кто ты?

Тѣнь. Мое имя—Роксана.

Лада и Кристи (бросаясь къ ней). Останься съ нами! (Хотятъ ее обнять. Тѣнь исчезаетъ).

Лада и Кристи (оба отступили въ изумленіи; наивно разводятъ руками, касаются глазъ). Она ушла!... Или ея не было?

Воевода. Не было... ничего... (На небѣ вспыхнула заря).

Лада (бросилась къ окну, распахнула его, смотритъ). Сейчасъ выйдетъ Солнце! (Смотритъ внизъ, вздрогнула въ недоумѣніи, голосъ осѣкся). Внизу сидитъ Васса.

Воевода (въ ужасѣ). Что?

Лада (не понимая, но вся потускнѣла). Внизу сидитъ Васса. (Кристи подходитъ къ Ладѣ. Воевода, не имѣя силъ крикнуть, машетъ рукою, чтобы они отошли. Тѣ не видятъ. Лада склоняется). Васса, Васса! Что ты тамъ дѣлаешь на землѣ? (Не понимая, пожимаетъ плечами). Кристи, посмотри: она заснула. И прямо на землѣ!

Кристи и Лада. Васса! Васса!.. (Слышатъ хрипѣніе отца, подбѣгаютъ). Отецъ,—что съ тобою?

(Въ раскрытое окно доносится стукъ. Мертвѣвшее лицо воеводы вскидывается отъ подушекъ. Стукъ повторился и затѣмъ учащается. Воевода при-

слушивается подозрительно-робко. Похоже на мѣрный стукъ топора. Въ необычайномъ волненіи, чуть слышно онъ шепчетъ проклятія. Дѣти склонились къ нему; онъ показываетъ знаками, чтобъ тамъ во дворѣ перестали. Чуть слышно вдругъ доносится заунывная тонкая пѣсня рабочаго, обтесывающаго внизу гробъ. Пѣсня перемежается мѣрными ударами топора. Лада и Кристи бросились къ окну.

Кристи (смотритъ внизъ). Отецъ, что это за ящикъ они тамъ дѣлаютъ?

Лада (заглядывая, въ изумленіи). Два ящика!

Воевода (мгновенно вскинулся на подушкахъ). Два ящ.... Два?... (Собравъ всѣ усилія, но окончательно слабѣя, сдвигается по кровати къ окну, смотритъ, лицо помертвѣло). О, подлые!... Два гроба!... (Откинулся, умираетъ. Свѣчи погасли. Два красныхъ цвѣтка на окнѣ преобразились въ бѣлые).

Лада. Ай! Свѣчи погасли! (Восходитъ солнце).

Кристи. Но взошло Солнце!... Ты вздрогнула? Отчего?

Лада (склонилась къ отцу). Отецъ! Взошло Солнце! (Къ брату). Не движется!

Кристи (у окна). Смотри: цвѣты въ саду всѣ — бѣлые! (Идетъ къ постели отца).

Лада и Кристи. Отецъ, ты слышишь? Отчего ты молчишь?...

Лада (слышитъ пѣніе, вздрагиваетъ, всхлипываетъ, бросилась къ окну). Замолчите! Молчите! (Пѣніе стихаетъ не сразу. Внезапно, вздрогнувъ, Лада повернулась къ брату, изумленно). Кристи!... Да не это ли... что онъ... умеръ?

Кристи. Не знаю. (Солнце озарило всю комнату. Обнявшись, они подходятъ къ окну, все смотря съ пробуждающимся страхомъ на неподвижно лежащаго отца. Кристи повернулся лицомъ къ солнцу. Лада все не сводитъ съ отца застывшаго взгляда). Я что-то чувствую, Солнце! Но... не могу сказать. (Снизу доносится негромкій глухой, безпокойный говоръ людей, все усиливающійся. Кристи обвиваетъ рукою талію повернувшейся къ окну Лады). Смотри, сколько вышло народу, Лада!... И на поляхъ и здѣсь... И всѣ шумятъ и идутъ въ разныя стороны, и всѣ дѣлаютъ не то, и идутъ не туда... А что нужно,—не знаю. Слова—только бродятъ! (Снова взглянулъ на солнце, голосъ дрогнулъ). Я вижу тебя, милое Солнце, но—сойди и научи.

(Гулъ приблизился и мгновенно стихъ за дверью. Трое неслышно вносятъ гробъ для воеводы, остальные въ дверяхъ. Лада и Кристи, не обернувшись, недвижимо смотрятъ на сіяющее солнце).

Занавѣсъ.

Душа въ смятеньи, — что-то будетъ?
Вопросъ встаетъ передо мной, —
Огнемъ войны сердца людскія
Очистятся ль въ годинѣ злой?

Иль кровью міръ залитый, — снова
Погрязнетъ въ пошлости и злѣ...
Господь! За жертвы искупленья
Пошли, Ты, миръ родной землѣ!

* * *

Война горитъ. Не умолкая,
Грохочетъ пушекъ грозный рядъ; —
И сталъ врагомъ непримиримымъ
Намъ человѣкъ — вчерашній братъ.

Въ крови страна! — И стонъ, и муки
Женъ и несчастныхъ матерей;
И Русь подъяла къ небу руки
Съ мольбой за жизнь своихъ дѣтей...

Мы и враги — взываемъ къ Богу;
Кого же будетъ слушать Онъ,
Равно для всѣхъ людей создавшій
Одинъ святой любви Законъ?

Ив. Бѣлоусовъ.

МИНА.

Неожиданная война застала насъ въ Англіи.

Въ половинѣ августа, позднимъ вечеромъ, часовъ въ одиннадцатъ, мы отплыли изъ Гулля на среднемъ полу-грузовомъ, полупассажирскомъ пароходѣ «Тальботъ», совершающемъ рейсы между Гуллемъ и Архангельскомъ. Кромѣ команды, на пароходѣ было человѣкъ полтораста пассажировъ, преимущественно палубныхъ; каютныхъ же пассажировъ было человѣкъ двадцатъ и въ ихъ числѣ — мы.

Мы заняли двѣ изъ шести каютъ второго класса; въ одной помѣстились дамы: моя жена съ матерью и еще одна знакомая старушка, москвичка; въ другой — я, американскій консулъ въ одномъ изъ русскихъ губернскихъ городовъ и инженеръ-путеецъ.

Огни оставленнаго берега весело играли въ мягкой зыби и откуда-то издали, съ башни стараго города доносились мѣрные удары часовъ.

— Плаватъ во время войны — не очень завидная участь, — сказалъ кто-то на палубѣ, но сейчасъ же былъ остановленъ нѣсколькими голосами:

— Какой вздоръ!

Всѣ мы слышали это. Всѣ почувствовали какъ бы легкій уколъ, но никто ничего не сказалъ тогда объ этомъ другъ другу. Ѣхатъ было необходимо, и всякія грустныя слова были не къ мѣсту. Мы спокойно поужинали и разошлись по каютамъ.

На другой день, уже съ утра, началась порядочная зыбь, а къ полудню она настолько усилилась, что наши дамы отказались отъ завтрака, спустились въ свою каюту, раздѣлись и легли. Мы же, послѣ завтрака, просидѣли еще съ полчаса въ каютъ-компаніи, куря и разговаривая. Зыбь между тѣмъ усиливалась; становилось непріятно; хотѣлось лежатъ. Вернувшись въ каюту, мы сняли ботинки и пиджаки и улеглись по койкамъ.

Я помню, что спутники мои уже спали, а я лежалъ и дремалъ, вспоминая вчерашній ночной отъѣздъ, темное небо, темное море, ярко залитую свѣтомъ таванъ и массу народа; вспомнилъ, какъ, отъѣзжая, мы кланялись сначала своимъ, потомъ чужимъ, потомъ махали платками берегу...

Вдругъ я очнулся отъ страшнаго толчка, почти сбросившаго меня съ койки, и услышалъ еще болѣе страшный звукъ — чудовищно глухой и потрясающій:

— Ап..!

Звукъ какой-то особенный, точно всклокотъ пламени, точно взрывъ газа. А затѣмъ все вокругъ меня затрещало, посыпалось куда-то съ громомъ и дребезгомъ, а въ ушахъ стоялъ звонъ — отголосокъ взрыва, ошеломляющій, раздиравшій мнѣ всю голову.

— Мина,— мелькнуло у меня въ мысляхъ.

Пароходъ рѣзко остановился.

Сверху, съ палубы, доносился шумъ, крики людей, бѣготня. Инстинктивно я взглянулъ на часы: было 4 ч. 5 м. Какъ былъ — безъ пиджака и въ однихъ носкахъ — я бросился наверхъ, на палубу. «Тальботъ» сильно накренился носомъ, но держался на водѣ. По палубѣ метались обезумѣвшіе люди. Около спасательныхъ лодокъ уже была давка: ломились, грозили кулаками, отшвыривали другъ друга, орали. Я сбѣжалъ внизъ—почти съѣхалъ сидя — по скользкимъ крутымъ ступенямъ трапа изъ чернаго желѣза, добѣла обшарканнаго ногами, пробѣжалъ по узкому коридору до двери дамской каюты и застучалъ:

— Скорѣй! выходите скорѣй!

Не дожидаясь отвѣта, я налегъ плечомъ на дверь, отворяющуюся внутрь каюты, но она не подавалась. Испуганный голосъ жены отвѣтилъ, что верхняя койка отъ толчка упала и уперлась въ дверь.

— Подожди, мы сейчасъ ее поднимемъ,—сказала жена.

Кто—«мы»?! Двѣ старухи, которыя были съ нею, врядъ ли могли ей помочь. Началась за дверью возня... Наконецъ, дверь отворили настолько, что мнѣ удалось черезъ образовавшуюся узкую щель съ трудомъ протащить въ коридоръ жену и за нею двухъ старушекъ.

— Скорѣе! скорѣе!

Всѣ онѣ были полуодѣтыя, а жена была босикомъ и въ ночной сорочкѣ. Оставивъ ихъ въ коридорѣ, я сбѣгалъ въ свою каюту, схватилъ пиджакъ, схватилъ пальто и накинулъ его поскорѣй на жену. Мы поднялись на палубу. Тамъ творилось нѣчто неописуемое. Обезумѣвшіе люди, мужчины, женщины и дѣти метались

по палубѣ, не зная, на что рѣшаться. Въ смертельной тоскѣ стояли одни, безпомощно глядя въ волны; въ смертельномъ ужасѣ метались другіе, давя другъ друга, бросаясь къ спасательнымъ лодкамъ; рѣзали ножами веревки, выламывали доски, обматывались пробковыми щитами. Мы видѣли, какъ одна лодка, слишкомъ перегруженная и спущенная на воду впопыхахъ и неумѣлыми руками, опустилась носомъ въ воду, захлебнулась и пошла ко дну. Другая лодка, подхваченная волною, разбилась о бортъ парохода. Напрасно моряки пытались удержать, образумить охваченныхъ ужасомъ людей. Они успокаивали толпу, но по ихъ блѣднымъ лицамъ было ясно, что дѣло непоправимое, что судно погибло. Громкимъ, твердымъ голосомъ скомандовалъ капитанъ: — Люди! къ шлюпкамъ! Строгая очередь! — И у каждой изъ оставшихся лодокъ появилось по два матроса съ револьверами въ рукахъ.

Томительно долго бѣжали минуты... Благополучно спустили одну лодку, потомъ другую, третью... Дошла, наконецъ, очередь и до насъ. Нашъ спутникъ, инженеръ, куда-то исчезъ; нигдѣ его мы не видѣли. Всѣ впятеромъ мы попали въ одну лодку. Она была на 20 человѣкъ, но въ нее посадили 29.

Никогда не забуду скрипѣнія деревянныхъ блоковъ, на которыхъ висятъ тросы, поддерживающіе надъ водой лодку, переполненную людьми. Заскрипѣли блоки, и лодка съ нами отдѣлилась отъ палубы парохода, повисла въ воздухѣ и медленно, скользя и колеблясь надъ моремъ, грузно потянулась внизъ, на воду.

Широкая, упругая, сизо-зеленая волна приняла и подхватила насъ, приподняла и отбросила отъ чернаго корпуса парохода, въ которомъ слабо мерцали круглыя стекла иллюминаторовъ; а затѣмъ опять прижала къ нему нашу лодку, и страшныхъ усилій стоило двумъ матросамъ-гребцамъ и четыремъ изъ пассажировъ, сѣвшимъ на весла, отпихнуться, наконецъ, отъ парохода настолько, чтобы попасть на слѣдующую волну.

«Тальботъ» зарывался носомъ въ воду все глубже и глубже. Люди толпились теперь уже только на его высоко-приподнявшейся кормѣ. Они бросались въ море на спасательныхъ поясахъ, на стульяхъ, на доскахъ. Каждую минуту пароходъ могъ пойти ко дну и втянуть насъ вмѣстѣ съ лодкой въ образовавшуюся водяную воронку.

Отплывъ саженъ на шестьдесятъ, мы съ ужасомъ увидали, какъ среди волнъ круто поднялась вдругъ корма парохода, обнажился его киль, черный руль и зловѣще блеснули стальныя лопасти его винта. Черезъ минуту «Тальботъ», словно громадное морское чудовище, перевернулся и исчезъ въ пѣнѣ волнъ.

Наша лодка медленно подвигалась впередъ, по направленiю къ виднѣвшемуся въ сѣрой дымкѣ моря силуэту парохода; какъ на гигантскихъ качеляхъ, она раскачивалась на длинныхъ упругихъ волнахъ; бѣлая пѣна иногда жгутомъ взвивалась надъ нами, обдавая насъ дождемъ соленыхъ брызгъ.

И вдалекѣ отъ насъ, и поблизости, и позади, и впереди на этой сизо-зеленой пѣнистой поверхности, на этой, вздымающейся, точно дышащей груди моря, носились другiя, переполненныя людьми, лодки, а между ними барахтались и плыли люди на столахъ, на скамейкахъ, на бревнахъ. Мы видѣли этихъ несчастныхъ, мы слышали, какъ кричали они намъ о помощи, какъ молили насъ жестами. И мы знали, что взять ихъ было невозможно: лодка и безъ того еле держалась и не было въ ней ни клочка мѣста. И это было ужасно!

Чья-то рука вдругъ высунулась изъ моря, крѣпко схватилась за бортъ нашей лодки, и лодка покачнулась на бокъ. Крикъ ужаса, визгъ, вопль пронеслись между нами. Нарочно или нечаянно чье-то весло ударило по этой рукѣ; закоченѣлые пальцы безсильно разжались — и лодка свободно взвилась на гребень волны, и никого уже не было видно поблизости...

Сколько времени мы плавали, я не знаю. Пароходъ-траллеръ, очевидно, замѣтилъ насъ и шелъ намъ навстрѣчу. Теперь уже ясно были видны его мачты, его дымящая труба. Всѣ оживились, повеселѣли, и гребцы дружнѣй налегли на весла. Этотъ маленькiй неуклюжiй дымящiй пароходъ былъ нашей единственной надеждой, нашимъ спасенiемъ отъ водяной бездны, или отъ голодной смерти.

На сосѣдней съ нами волнѣ мы замѣтили опрокинутую лодку съ «Тальбота»; на ея ребристомъ днѣ, еле выступавшемъ надъ водою, уцѣпившись за ея киль, лежала женщина съ груднымъ ребенкомъ; волны закачали ее. Когда насъ вскидывало вверхъ, на гребень волны, женщину сбрасывало точно въ пропасть; а когда мы упадали вмѣстѣ съ волною, женщина высоко вздымалась надъ нами, и опять валилась внизъ, а мы взлетали кверху.

Траллеръ спѣшилъ къ намъ. Вотъ онъ подошелъ и остановился въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ. Еще ударъ веслами, еще взмахъ—и мы причалили къ его борту.

Спасены!...

Принятые на палубу, мы указали морякамъ на женщину съ опрокинутой лодкой. Пароходъ далъ тихiй ходъ впередъ; осторожно, точно ползкомъ, пошелъ онъ и вновь остановился. Волна несла лодку на насъ; вотъ она швырнула ее внизъ, почти къ борту, и снова выкинула кверху — и лодка отлетѣла обратно.

— Лови конецъ!— прокричалъ громкій голосъ.—Держи!

Тонкій канатъ описалъ въ воздухѣ дугу и упалъ на дно лодки; судорожно ухватилась за него одной рукой женщина, а другой она прижимала къ себѣ ребенка. Но обезсиленные пальцы разжались и веревка упала въ воду.

— Держи!

И опять взвилась въ воздухѣ сѣрая дуга каната. Впилась въ нее обѣими руками женщина. Быстро и ловко ее потянули на бортъ. Вотъ уже тѣло ея повисло надъ водою; но въ это время изъ-подъ локтя выскользнулъ ребенокъ. Маленькій бѣлый комочекъ юркнулъ въ зеленую волну, а мать подхватили на палубу.

Одновременно что-то большое и черное прорѣзало воздухъ. Это матросъ съ парохода бросился въ море.

Черезъ секунду на поверхности волнъ появилась красная отдувающаяся и отплевывающаяся голова матроса, плывшаго на лѣвой рукѣ, а въ правой державшаго живого ребенка.

— All right! (Ладно!)— спокойно и съ удовольствіемъ крикнулъ онъ всѣмъ на пароходѣ, показывая свой трофей.

Такъ разсказывалъ о себѣ одинъ знакомый, вернувшійся во время войны въ Россію.

— Уже много недѣль прошло съ тѣхъ поръ, а картины пережитаго такъ ярки для меня даже въ мельчайшихъ подробностяхъ, что все это какъ-будто случилось только вчера. Да врядъ ли я забуду ихъ вообще — пока живъ.

Н. Телешовъ.

ФРИДРИХУ КРУППУ

СОНЕТЪ.

На грани двухъ вѣковъ стоишь ты, какъ уступъ,
Какъ стародавній грѣхъ, который не раскаянъ,
Господней казнію недоказненный Каинъ,
Братоубійственный, упорный Фридрихъ Круппъ!

На небѣ — зарево пылающихъ окраинъ,
На жесткую шинель смѣняя свой тулупъ,
Идетъ, кто сердцемъ щедръ и мудро въ рѣчи скупъ, —
Разсвѣтовъ будущихъ задумчивый хозяинъ...

И ядра — дьявола плуги — взрываютъ нови,
И сѣвомъ огненнымъ разсыпалась шрапнель...
О, какъ бы дрогнули твои крутыя брови,
И забродила бъ кровь, кровавый чуя хмель!
Но безъ тебя сверкнулъ, и рухнулъ, и померкъ
Тобой задуманный чугунный фейерверкъ!

С. Парнокъ.

ЦЕРКОВЬ.

Поплавки о. Нила слегка сгоняло, но закатъ, отражавшійся въ водѣ,—розовый, нѣжный,—былъ безмятеженъ.

Пролетѣлъ куликъ; за рѣкой, въ лугахъ, убирали сѣно.

«Благодать!» думалъ о. Нилъ, вздыхая, поправляя сѣдую косицу: «послалъ Господь покосъ, послалъ!»

Перемѣнивъ червя, закинувъ вновь, онъ обернулся. Сзади, тоже съ удочками, шелъ помѣщикъ Ѳаддей Ильичъ — толстый, потный, въ чесучевомъ пиджакѣ.

— А-а! — закричалъ онъ, слегка задыхаясь, — святой отецъ, столпъ церкви! Рыбку удитъ! Ну, ну! Съ вами разрѣшаете—у кустика.

О. Нилъ всталъ, улыбнулся, пожалъ руку, придерживая наперстный крестъ.

— Очень радъ, Ѳаддей Ильичъ; всегда были добрыми сосѣдями, и по рыбкѣ такъ будемъ-съ.

Ѳаддей Ильичъ утеръ лобъ, сѣлъ, кряхтя, и сталъ распутывать снасти.

— Жарко, о. Нилъ. Семь часовъ,— а жарища.

— Еще здѣсь, слава Богу, духъ благорастворенный. Вы бы посмотрѣли, что въ городѣ дѣлается, Ѳаддей Ильичъ.

— Да вы что, ѣздили, что ли?

О. Нилъ подмигнулъ съ лукавствомъ.

— Все по нашему дѣлу.

— Денежки обираете? Знаемъ мы васъ. Вѣрно купчиху грабили? Что жъ разсказывайте, я, вѣдь, попечитель тоже. Да! Не кто-нибудь.

— Пятьдесятъ рубликовъ привезъ, хе-хе. Зато и попотѣлъ,— силы небесныя. Да, да, да. Во славу божію. Изволите помнить Лапину, вдову,—получили мы съ вами по газетному объявленію сотенную на возобновленіе храма! Вотъ, думаю, дай попытаю.

О. Нилъ вытащилъ ерша; снимая его съ крючка, продолжалъ:

— Народъ на свѣтѣ странный бываетъ-съ, чего только не увидишь.

Өаддей Ильичъ отдувался съ шумомъ.

— Да какъ вы ее? Чѣмъ вы ее разобрали-то?

— Трудная была старушка — это что ужъ говоритъ. Купилъ ей образъ Угодника. Восемь рубликовъ отдалъ. Вижу, — живетъ пребѣдно, а ужъ накоплено, чувствую. Рѣчь произнесъ ей малую. А она попросту: Знаю, говоритъ, попъ, зачѣмъ пріѣхалъ. Оставь образъ-то, ужъ знаю. Я, конечно, сознаюсь. Да, говоритъ, случай: и денегъ жаль, и Господу угодить хочется.

Өаддей Ильичъ загоготалъ.

— Шельма старушонка-то, о. Нилъ, шельма?

— Она, видите ли, идетъ,—приноситъ: На, говоритъ, попъ. Только отдала, вдругъ взволновалась: Нѣтъ — мало, грѣхи одолѣли — ты ужъ тамъ помолись, какъ слѣдуетъ. Пошарила,—смотрю, еще десять: Пять мнѣ назадъ давай, а тебѣ красненькую. Вѣрите,— часа два съ ней сидѣлъ, все деньги считали. То она меня гонитъ — обобралъ,—говоритъ; то еще тащитъ. Разъ даже сконфузила: Куда,— кричитъ,—золотой дѣвалъ, только что въ руки сунула, а ужъ нѣтъ? Просто срамъ.

— Дóка вы, о. Нилъ. Вамъ бы въ министры финансовъ!

— Что подѣлать, Өаддей Ильичъ: не для себя старался. Въ общемъ спасибо старушкѣ—помогла.

У Өаддея Ильича клюнуло съ силой. Поплавокъ нырнулъ; по водѣ, стеклянно-розовѣющей, пошли круги. Онъ вскочилъ, сталъ тянуть. Показался лещъ, но сорвался.

— Экъ, анаөема!—выругался онъ.—Чтобъ ему! Это не то, что ваша старушенція, о. Нилъ.

— Такимъ образомъ-съ,—сказалъ о. Нилъ,—у насъ теперь не хватаетъ лишь стеколъ. Рублей на сто надо бъ, не больше-съ!

Но Өаддея Ильича огорчилъ лещъ.

— Что тамъ сто! Когда еще готова-то будетъ. Да и ходить не станутъ въ вашу церковь, о. Нилъ.

— То-есть, какъ же это? Почему?

— Скучно. Лучше хороводы водить, да-съ.

— Это ужъ совсѣмъ напрасно: церковь—храмъ, не театръ какой-нибудь, туда не для забавы ходятъ, а для молитвы.

Өаддей Ильичъ задумался.

— Жаль леща. Мы бъ его съ вами въ сметанѣ вотъ какъ скушали. За милую душу.

О. Нилъ замолчалъ. Онъ былъ слегка уязвленъ. Глядя на сосѣда, думалъ: «Человѣкъ, разумѣется, добрый, но легкомысленный. Нѣту пониманія, хотя и въ лѣтахъ». Но потомъ, вспомнивъ, какъ

близка къ исполненію его давняя мечта, онъ повеселѣлъ. Служитъ въ новомъ храмѣ!... Какіе будутъ колокола. Иконы, облаченія, священные предметы—все новое: отъ сгорѣвшей церкви ничего не осталось.

— Вотъ что, о. Нилъ,—сказалъ Ѳаддей Ильичъ,—вы на меня не сердитесь, а пойдемте-ка, сваримъ у меня ушки, да о церкви договоримся, какъ намъ насчетъ стеколъ, прочаго. Идетъ?

Солнце сѣло. Возвращались косари. Дѣвки пѣли. Мирный, тихій вечеръ наступалъ. Простыя звѣзды, деревенскія, вышли на небо, вздрагивали робко, свѣтло.

— Насчетъ ушицы я не прочь,—сказалъ о. Нилъ, вытаскивая удочки,—опасаюсь лишь, какъ бы матушка не обидѣлась, что я такъ, знаете, безъ предупрежденія.

Но Ѳаддей Ильичъ обѣщалъ отправить къ попадьѣ мальчишку. Сложивъ снасти, отправились. Шли лугами, потомъ въ горку, садомъ Ѳаддея Ильича. Разговаривали о томъ, о чемъ всегда говорятъ въ деревнѣ: о покосѣ, цѣнахъ на овесъ, урожаѣ яблоковъ. Вокругъ былъ глухой садъ, наливались яблоки, малина зрѣла; сторожа зажгли костеръ, ночью будутъ они палить для острастки.

— Ну-съ,—сказалъ Ѳаддей Ильичъ, когда дошли до террасы,—минуту обжиданс: распорядку наведу и закусимъ.

Съ балкона открылась рѣчка и лугъ; копны сѣна толпились, разлился горизонтъ — далекій, мягкій, надъ нимъ—небо, фіолетовое отъ зари, съ блѣдной звѣздой.

О. Нилъ сѣлъ, поправился, съ наслажденіемъ вздохнулъ; пахло сѣномъ и резедой.

— Благодать, — сказалъ онъ, когда Ѳаддей Ильичъ вернулся.— Такой легкій духъ, тишина — для меня первое удовольствіе.

— Философъ вы, конечно, о. Нилъ. Вамъ все церковь, премудрость, благочестіе. А я не могу. На охоту тянетъ. Думаю завтра въ Колотово — утятъ искать.

— Петровъ день!— О. Нилъ поморщился.—Извините меня — этого не одобряю. Не люблю убійства. Тварь создана не нами, намъ ли жизни ей мѣшать?

— А рыбу любите? Ушицу, а?

— У рыбъ кровь холодная. Да и апостолы были рыбари-съ.

— Что апостолы! Думаете, нѣтъ охотниковъ изъ священниковъ-то?

— Ну, ужъ, что вы!

— Очень просто. Вотъ примѣръ: батюшка надоровскій. Человѣкъ умный, прекраснѣйшій, въ родѣ васъ, а подите же...

— О. Нилъ обезпокоился.

— Да. Охотился съ борзыми.

— ГрѣхЪ-то, грѣхЪ какой!

— Конечно, было подстроено, ѣхали сЪ ИваномЪ ФедоровичемЪ, тотЪ и подвезЪ его кЪ своей охотѣ. СамЪ слѣзЪ и говоритЪ: простите, о. ПетрЪ, васЪ кучерЪ довезетЪ, а мнѣ тутЪ зайчишку потравитЬ — я потомЪ подЪѣду. — А какЪже, — спрашиваетЪ, — вы его травитЬ будете? — Да такЪ. — А ужЪ лошадЬ другая припасена была. ТолЬко они бесѣдуютЪ — катитЪ русакЪ. ИванЪ ФедоровичЪ порскнулЪ — глядЬ попЪ-то, простите, о. НилЪ, на другую лошадЬ, да за нимЪ. — УйдетЪ, — кричитЪ, — уйдетЪ. — ВЪ рясѣ и скачетЪ.

— Ай, ай-ай.

— АккуратЪ на мужиковЪ, представЬте себѣ. Ха-ха. Тѣ вЪ обиду: какЪ такЪ нашЪ батюшка вЪ доѣзжачихЪ. Что вы думаете: чутЬ не разстригли, по доносу.

О. НилЪ былЪ подавленЪ. И закуска, уха, которую подали, не шла ему вЪ горло: точно былЪ онЪ виноватЪ за надоровскаго батюшку, точно самЪ гнался за зайцемЪ.

— ПодЪ ерша еще пропу-стимЪ. Чи-икЪ! — гремѣлЪ Ѳаддей ИлЬичЪ, наливая водку.

— О. НилЪ рѣшилЪ отклонитЬ разговорЪ.

— КакЪ же насчетЪ стеколЪ полагаете вы, Ѳаддей ИлЬичЪ? Посодѣйствуйте до конца. У васЪ знакомство, — бытЬ-можетЪ, возможно для храма сЪ уступочкой-то?

Ѳаддей ИлЬичЪ хохоталЪ.

— Э-хе-хе, хорошій вы человѣкЪ, о. НилЪ, а на умѣ у васЪ все божественное. ЦерковЬ, церковЬ! — ОнЪ задумался. — Конечно, я самЪ вЪ комитетѣ... толЬко я, вѣдЬ, болЬше по знакомству... Ну, тамЪ сЪ вами за компанію.

— ОднакожЪ, вы сочувствуете идеѣ, такЪ сказатЬ?

— Д-да, идеѣ... Ѳаддей ИлЬичЪ развелЪ руками, потомЪ вдругЪ разсердился.

— Идеѣ! А, можетЪ, намЪ и не нужна вовсе церковЬ? А!.. МожетЪ, отлично безЪ нея бы обошлисЬ? А если бы вотЪ намЪ агроно-мическую станцію, прошу пана, этакую ученую шк-к-колу садоводства, я васЪ спрашиваю, для к-крестЬянЪ.

О. НилЪ былЪ удивленЪ. Такой рѣзкой перемѣны онЪ не ожидалЪ.

— То-естЬ позволЬте: церковЬ естЬ оплотЪ религіи, такЪ сказатЬ, ковчегЪ ея-сЪ. ЗначитЪ, по-вашему, и религіи не надо?

— Что нар-роду нужно? ХлѣбЪ, знан-ніе, гр-рамотностЬ. Да. Гдѣ у насЪ Европа? Я васЪ спрашиваю, Европа гдѣ? ТЬма, суевѣріе. Гдѣ болЬницы-сЪ, гдѣ шоссе? Вы клерикалЪ, о. НилЪ, я ужЪ знаю!

— Это вы оставьте, прошу покорно. Вы, кажется, не совсѣмъ въ порядкѣ, Ѳаддей Ильичъ, если сочли меня католикомъ. Я русскій священникъ, сорокъ лѣтъ учу, и до конца дней буду проповѣдывать Евангеліе, такъ какъ это высочайшая истина-съ...

— Ну, вы учите, а другіе что? Доносы на учителей пишутъ, зайцевъ травятъ?

— Я тогда же понялъ-съ, что вы разсказали про о. Петра, чтобы унизить наше сословіе. Это не дѣлаетъ вамъ чести, Ѳаддей Ильичъ.

— Нич-чего не нужно, ни цер-рквей вашихъ, ни благочинныхъ. Я за мелкую земскую единицу.

И Ѳаддей Ильичъ, наливая себѣ пива, гремѣлъ противъ церкви.

Пришла полночь, посвѣтлѣло. Перепелъ кричалъ во ржахъ, запѣли пѣтухи.

Когда о. Нилъ всталъ, небо на востокѣ посвѣтлѣло.

— Извините, Ѳаддей Ильичъ, но если вы такъ выражаетесь о святынѣ, я не могу больше присутствовать!

— Да что такое? Что я говорю? Клерикалъ вы, право.

— Нѣтъ-съ, ужъ увольте. Я старый человѣкъ, и, хотя каждый воленъ по-своему думать, мнѣ пора все же-съ.

Онъ сталъ искать шляпу.

— Фу, чортъ, кажется, оченъ ужъ старика-то нажегъ, правда. Вотъ выпьешь, — языкъ и раззвонится.

— Па-азвольте, нѣтъ, о. Нилъ, я васъ не пущу-у, нѣтъ. Вы обидѣлись, я ужъ вижу, и къ тому же вы прекраснѣйшій человѣкъ, я же не могу васъ такъ... въ огорченномъ состояніи...

Онъ всталъ нетвердо, и, улыбаясь полупьяно, загородилъ о. Нилу дорогу.

— Нѣтъ, ужъ я пойду. И пора, пора мнѣ.

— Ну, послушайте, вотъ; ну, простите меня. Я человѣкъ горячій, я, дѣйствительно, нѣк-т-р-рыхъ поп-повъ не люблю, но не васъ — нѣтъ, нѣ-ѣ-ѣ-тъ. Хорошо: пусть тамъ школы — школами, а церкви — церквами. Школы будутъ для школъ, мужики — для мужиковъ, а церкви для церквей. Только вы сами не должны уходить... Нѣт-тъ.

О. Нилъ улыбнулся. Ѳаддей Ильичъ былъ такъ смѣшонъ, — толстый, растопыренный, со смущеннымъ лицомъ, — что сердиться на него было трудно.

— «Ахъ, неразуміе, неразуміе», подумалъ о. Нилъ, «и вино! До чего оно распаляетъ человѣка».

— А если я про надоровскаго батюшку — это не отъ злобы. Ну, что онъ! Ну, поскакалъ? Такъ, вѣдь, дрожалъ-то послѣ сколько. Нѣтъ, я это безъ злобы.

О. Нилъ вздохнулъ и сѣлъ на ступеньку.

— Что мы съ вами враги, что ли? Фу ты, Господи Боже! Даже жарко стало. Θаддей Ильичъ отеръ потъ и сѣлъ рядомъ съ о. Ниломъ.—Да, вы говорите, стеколъ нѣтъ? На сто рублей?

Они сразу стали тише. Не вѣрилось, что за десять минутъ эти люди чуть-чуть не поссорились.

— Я такъ и размышляю,—говорилъ о. Нилъ,—если бы гдѣ-либо у знакомаго купца попытать, съ уступочкой... для храма.

— Мм... съ уступочкой... Θаддей Ильичъ вздохнулъ. — Это надо обмозговать, о. Нилъ, обмозговать.

Но, перебравъ нѣсколько фамилій, все не могли остановиться ни на комъ. Тогда Θаддей Ильичъ вдругъ крякнулъ, сказалъ:

— Знаю, о. Нилъ, не безпокойтесь. Я хозяинъ, я васъ обидѣлъ, стекла вамъ будутъ.

— Какъ же это вы думаете-съ?

Θаддей Ильичъ пыхтѣлъ, былъ грустенъ.

— Да ужъ везетъ вамъ, что тутъ! Третьяго дня старушку,— нынче меня.

Но потомъ онъ захохоталъ, обнялъ о. Нила.

— Пузо-то, пузо-то, — хлопалъ себя по животу, — толстый дуракъ, далъ-таки себя объѣхать. Ну, ужъ я даю стеколъ, я, что тамъ!..

О. Нилъ смѣялся и благодарилъ, хотя не очень вѣрилъ.

— Вы серьезно?

— Дворянинъ-съ я, дворянинъ! Ужъ я вамъ говорю.

Θаддей Ильичъ покрутилъ усъ. Видъ его снова сталъ величественъ.

Когда о. Нилъ возвращался, уже свѣтало. Онъ былъ въ отличномъ настроеніи и думалъ о церкви. Одно его немножко смущало: отчего все меньше становится истинно-вѣрующихъ? Надъ ними, священниками, часто смѣются; въ церковь, дѣйствительно, ходятъ мало.

«Надо пѣвчихъ завести, пѣвчихъ», соображалъ онъ, «изъ учениковъ. Пусть стараются. Православные любятъ пѣніе». Эта мысль его утѣшила.

Почти у калитки дома онъ остановился.

Въ сѣрѣющей мглѣ, за рѣкой, виднѣлись копны. Венера у горизонта сіяла слезой — міръ былъ такъ миренъ, сладостенъ, нѣженъ, какъ стихъ акаѳиста.

— Благословенъ Богъ нашъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

Матушка еще не спала и собиралась упрекать его, но онъ тотчасъ разсказалъ ей все, какъ было.

Бор. Зайцевъ.

ДВА БѢЛЫХЪ КРЕСТА.

На кладбищѣ было пусто и тихо въ это ясное осеннее утро.

Желтые и красные листья обильно усыпали дорожки за ночь и сторожъ не спѣшилъ смести ихъ. Ему хорошо были извѣстны тѣ немногія могилы, которыя посѣщались родственниками, извѣстны были и дни, когда эти родственники приходили и давали ему на-чай и онъ не безпокоилъ себя напрасной уборкой дорожекъ, ведущихъ къ забытымъ могиламъ.

Кладбище было расположено на горѣ надъ рѣкой. Небольшая церковь красиво выдѣлялась на фонѣ деревъ и съ рѣки это кладбище казалось особенно поэтичнымъ и живописнымъ. На самомъ краю, у обрыва, къ рѣкѣ, выдѣлялись два небольшихъ бѣлыхъ креста съ одинаковыми вѣнками изъ незабудокъ. Неугасимая лампада въ видѣ фонарика, точно маякъ, свѣтила на рѣку, а въ лунныя ночи эти два бѣлыхъ креста съ вѣнками были замѣтны больше другихъ высокихъ и дорогихъ памятниковъ.

Катающіеся по рѣкѣ обращали вниманіе на эти — такіе трогательные въ своей простотѣ и сходствѣ — кресты и дѣлали предположенія о томъ, кто погребенъ подъ ними.

Можетъ-быть, двое влюбленныхъ, которыхъ сломила жизнь и они не успѣли насладиться молодостью и счастьемъ?

Можетъ-быть, братъ и сестра?

Можетъ-быть, умерли эти двое просто отъ болѣзни, безсмысленно налетѣвшей и вырвавшей ихъ изъ жизни? Можетъ-быть, погибли въ борьбѣ за то, чтобы эта жизнь стала лучше, справедливѣе... Какъ знать?

Вѣрно одно, что эти двѣ могилы съ бѣлыми крестами обращали на себя общее вниманіе и вызывали какія-то добрыя, мечтательныя чувства, навѣвали какое-то поэтическое настроеніе.

Тѣ, кто, бывая на кладбищѣ, подходили къ бѣлымъ крестамъ, читали надпись — «Муся» — на одномъ, «Вева» — на другомъ. Это ничего не говорило! Кто были Муся и Вева, сколько и какъ

прожили они и отчего умерли и почему погребены вмѣстѣ? Предположеніямъ оставался такой же просторъ, какъ и до прочтенія этихъ короткихъ надписей.

Дорожка къ могилѣ Муси и Вевы всегда была расчищена, кусты жасмина, окружавшіе ее, всегда тщательно подрѣзаны и, весной, далеко разносился ихъ нѣжный ароматъ, а бѣлые цвѣты, точно уборъ невѣсты, пышно цвѣли и осыпались, не сорванные ни чьей рукой. Изящная рѣшетка окружала могилу. Мѣсто огорожено было большое. Казалось, тутъ приготовлено еще мѣсто на двоихъ, или просто было желаніе какъ можно просторнѣе и красивѣе обставить этихъ погребенныхъ подъ бѣлыми крестами Мусю и Веву.

Съ нѣкоторыхъ поръ къ могиламъ каждое утро приходилъ старикъ въ формѣ отставного военнаго.

Сторожъ поджидалъ его у сторожки, почтительно кланялся и провожалъ его глазами, пока высокая сухая фигура въ сѣромъ пальто не скрывалась за поворотомъ дорожки.

Сторожъ давно служилъ на кладбищѣ, но когда онъ поступилъ на мѣсто, бѣлые кресты съ вѣнками изъ незабудокъ и красивой рѣшеткой уже стояли на краю близъ обрыва къ рѣкѣ.

Кто были Муся и Вева сторожъ не зналъ, но приказаніе держать могилу въ порядкѣ получилъ отъ батюшки и отъ него же ежемѣсячно получалъ хорошую плату, которую батюшка, въ свою очередь, получалъ отъ кого-то... Сторожъ тогда не интересовался знать отъ кого. Платятъ аккуратно — и дай имъ Богъ здоровья, а ему, сторожу, зажечь лампадку и подмести дорожку — нетрудно...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ городѣ поселился отставной военный и съ тѣхъ поръ онъ лично ежемѣсячно давалъ деньги сторожу и каждое утро приходилъ посидѣть на скамеечкѣ около двухъ бѣлыхъ крестовъ.

«Дѣдъ, должно-быть», соображалъ сторожъ, «а можетъ, отецъ — кто его знаетъ? Не спросишь его, такой суровый на видъ, слова лишняго не скажетъ, а если подойдешь, такъ на тебя взглянетъ, что сквозь землю провалиться впору.

«Скажетъ, — ничего мнѣ отъ васъ не нужно, благодарю васъ...

«Сурьезный человѣкъ, сейчасъ видно — военный», не то въ похвалу, не то просто въ видѣ личнаго впечатлѣнія сообщалъ сторожъ тѣмъ, кто интересовался узнать, кто это единственный посѣтитель могилы съ бѣлыми крестами.

И въ это ясное осеннее утро сторожъ тщательно подмелъ дорожку къ могилѣ Муси и Вевы и сѣлъ у сторожки погрѣться на солнышкѣ.

На городскихъ часахъ пробило 12, и вскоръ у воротъ кладбища показалась высокая, сухая фигура старика въ сърой шинели.

Привычнымъ жестомъ отвътилъ онъ на поклонъ сторожа и, ровной походкой военнаго, прошелъ къ бълымъ крестамъ.

Проводивъ его взглядомъ, сторожъ направился къ себъ объдать, а потомъ вздремнуть часокъ, другой.

Старикъ въ сърой шинели отомкнулъ замокъ калитки и вошелъ въ ограду. Все было, какъ всегда: кресты бълъли, холодные, мраморные, мертвые, какъ тъ, кто погребенъ подъ ними. Недавно обмъненные вънки изъ незабудокъ казались свъжими и живыми, такъ хорошо они были сдъланы и такъ блестъли они на солнцъ въ ясное, осеннее утро. Листья съ кустовъ жасмина облетъли, но желто-красный кленъ служилъ красивымъ фономъ бълымъ крестамъ, и старикъ, заслоняясь рукой отъ солнца, любовался то на пеструю осеннюю окраску деревъ, то на широкій просторъ ръки и низкій луговой берегъ по другую ея сторону. На душъ у него было тихо, а выцвътшіе глаза его, казавшіеся такими строгими сторожу, принимали ласковое, задумчивое выраженіе. Онъ приходилъ къ могиламъ своихъ давно умершихъ дъвочекъ такъ же покойно, какъ бывало ходилъ на службу. Онъ привыкъ къ регулярной, размъренной по часамъ жизни и, выйдя въ отставку, самъ создалъ себъ режимъ и, несмотря ни на какую погоду, ни даже на частое старческое недомоганіе — аккуратно въ 12 часовъ дня выходилъ изъ дому и шелъ на кладбище. Здъсь онъ прохаживался по расчищенной дорожкъ и сидълъ на скамьъ въ оградъ у бълыхъ крестовъ, вспоминалъ прошлое и задумывался надъ тъмъ, почему оно было именно такое, а не иное. Его занимала мысль — какова была бы его жизнь теперь, если бы тогда-то и тогда-то не случилось тъхъ, или иныхъ событій, которыя повернули его жизнь именно по извъстному пути. Онъ не умълъ протестовать: въ немъ съ дътства была воспитана привычка безпрекословнаго подчиненія — сначала старшимъ, потомъ начальству, обстоятельствамъ. Его натура была совершенно неспособна къ борьбъ. Онъ могъ возмущаться и протестовать очень недолго, онъ былъ настойчивъ въ своихъ требованіяхъ только съ своими подчиненными и очень легко подчинялся самъ тъмъ, кто былъ начальникомъ надъ нимъ, или тъмъ, кто умълъ взять надъ нимъ верхъ такъ, или иначе. Необыкновенно мягкій по натуръ, онъ казался суровымъ; безхарактерный и уступчивый, онъ казался настойчивымъ и упрямымъ, точно желъзнымъ. Казалось, подъ своей наружной суровостью онъ старался скрыть внутреннюю слабость.

Въ дътствъ онъ боготворилъ свою мать, она ненавидъла его.

Взбалмошная и пустая — она на этомъ тихомъ ребенкѣ съ безконечно грустными глазами вымещала свои неудачи. Когда мальчикъ сталъ старше, онъ многое понялъ, чего не понималъ ребенкомъ, но осудить мать онъ не могъ, онъ жалѣлъ ее и глубоко страдалъ за нее. Онъ понималъ всю ея вину предъ отцомъ, онъ уважалъ отца, преклонялся предъ его вѣрностью этой невѣрной, жестокой женѣ, но любилъ онъ мать, страдалъ за мать. Страстно молился онъ, прося у Бога сдѣлать ее хорошей, и тутъ же терзался и мучился тѣмъ, что смѣетъ ее считать дурной... Она — слабая, несчастная, но не дурная! Все это пройдетъ — измѣны отцу, несправедливости ко всѣмъ, вспышки безграничной злобы, все пройдетъ, все искупится и простится... Онъ такъ молился объ этомъ! Онъ долгія ночи проводилъ на колѣняхъ на холодномъ полу и, случалось, засыпалъ такъ въ углу передъ кіотомъ, а мать, возвращаясь съ бала, или со свиданія, то шурша нарядным платьемъ, то крадучись съ башмаками въ рукахъ, чтобы не разбудить мужа, замѣчала уснувшаго мальчика, и злоба закипала въ ней на этого «молельщика», на этого «святошу». Она толкала его ногой, щипала его и шипѣла на него, какъ змѣя, непонятно злыя слова... Мальчикъ пугался, вскакивалъ, дрожа, и, стараясь незамѣтнѣе скользнуть въ постель, закрывался съ головой въ одѣяло и еще горячѣе молился за мать.

У него были братья и сестры. Всѣмъ имъ жилось нелегко, несмотря на богатство родителей, на обиліе нянекъ и гувернантокъ, на хорошую пищу и нарядное платье. Не было главнаго въ семьѣ, — не было сердечнаго, искренняго отношенія другъ къ другу. Отецъ дрожалъ за одно, за то, чтобы никто не коснулся репутаціи его жены, не заглянулъ вглубь семьи, вглубь его души. Отецъ зналъ все и все прощалъ. Онъ хотѣлъ только внѣшняго мира, сохраненія видимыхъ приличій — и болѣе или менѣе достигалъ этого своей безконечной добротой и уступчивостью.

Этотъ сынъ былъ въ отца. Другія дѣти обсуждали поступки родителей, возмущались несправедливостями, капризничали дѣтьми, протестовали юношами и разошлись съ родителями, ставъ взрослыми. Этотъ, нелюбимый матерью и какъ-то незамѣчаемый отцомъ, сынъ молчалъ всегда, на все и только худѣлъ, блѣднѣлъ и терялъ вѣру въ возможность счастливой жизни здѣсь на землѣ. Ко всѣмъ своимъ обязанностямъ онъ относился добросовѣстно, но какъ-то безучастно. Радость жизни пропала въ немъ незамѣтно для него самого.

— Ты точно машина, — говорили ему братья.

Онъ грустно улыбался и не спорилъ. Однажды только спросилъ:

— А что, я хорошая машина?

— Да, машина хорошая, но ты же человѣкъ! Не будь машиной, это ужасно.

— Почему? — удивлялся онъ. — Мнѣ такъ лучше.

Да, такъ лучше! Такъ свойственнѣе ему. И каждый разъ, когда просыпался въ немъ человѣкъ, выходило худо.

— Не каждому и не всегда, оказывается, можно быть человѣкомъ!

— А, можетъ-быть, совершенный человѣкъ и есть именно тотъ, который умомъ, выдержкой, работой надъ собой сдѣлаетъ изъ себя машину... разумную, но безчувственную машину?

Естественное чувство ребенка къ матери принесло этому ребенку только мученье. Съ годами это чувство перешло въ какое-то головное, машинное и перестало его мучить. «Мать, родителей, вообще, надо любить», резюмировалъ умъ и казалось, что въ сердцѣ есть любовь.

Проснулась потребность въ любви къ женщинѣ, въ обладаніи ею, онъ заглушалъ ее дешевымъ развратомъ и, только разъ, позволилъ себѣ увлечься, правда продажной, но прекрасной — казалось ему тогда — женщиной... Она наградила его болѣзнью, которая сдѣлала его преждевременнымъ старикомъ. Ему не было 30 лѣтъ, когда онъ началъ лысѣть. Кожа его стала особенно чувствительной, появилась экзема, которая нестерпимо мучила его и поддавалась только временному улучшенію, никогда не излѣчиваясь вполнѣ. Голова стала совсѣмъ безъ волосъ, ногти слоились, ломались и имѣли видъ больного рога. Приходилось почти не снимать перчатокъ. У него появилась привычка держать руки въ кулакахъ, это производило странное впечатлѣніе и долгое время смущало его самого. Теперь онъ къ этому привыкъ, какъ привыкъ и къ регулярному лѣченію, т.-е. залѣчиванію своей, въ разныхъ мѣстахъ тѣла, появляющейся экземы. Онъ ко всему умѣлъ привыкать и не роптать.

«Въ этомъ — жизнь», думалъ онъ. — Развѣ не свѣтитъ и ему солнце такъ же, какъ другимъ? Не цвѣтутъ и для него любимые жасмины, не поютъ соловьи въ весенніи ночи? Всѣмъ умѣетъ и онъ насладиться и онъ благодаритъ Бога-Творца всего живущаго и не ропщетъ и не жалѣетъ о томъ, что пережилъ столько горя, муки и, можетъ быть, несправедливостей.

Нѣтъ, онъ не жалѣетъ! Это, вѣдь, безполезно — жалѣть! Вѣдь, онъ знаетъ, что было счастье и у него. Что ему за дѣло до того, что мать его называли дурной и развратной? Онъ любилъ мать и это чувство давало ему счастье! Что за дѣло, что братъ уговари-

валъ его не жениться. Онъ находилъ, что жениться нужно. Всѣ женятся, у всѣхъ есть свой уголъ. Женился и онъ. Что изъ того, что онъ былъ боленъ, что болѣзнь эту считаютъ неизлѣчимой? Онъ нашелъ такихъ докторовъ, которые увѣрили его, что онъ уже излеченъ, а, главное, что для жены его болѣзнь ни въ коемъ случаѣ — не опасна. А если такъ, то онъ никѣмъ не рискуетъ, самъ же онъ имѣетъ право на счастье. Вѣдь, противъ этого нечего возразить? Имѣетъ право на счастье каждый?

И онъ женился. И было счастье, было много счастья, такъ много, что ему иногда дѣлалось страшно. Здоровье временно улучшилось, а жена, эта милая дѣвушка, которая отдала ему свою молодость и такъ по-дѣтски чисто и просто относилась къ нему, казалась ему олицетвореніемъ всего лучшаго.

Ее называли «кошечка» и «огонекъ». Ему это нравилось, но казалось не совсѣмъ вѣрнымъ. Да, на игривую, изящную кошечку она походила, но огня, въ смыслѣ страсти, въ ней не было. Его не жегъ ея огонь, а ласково согрѣвалъ. Кошачьи лапки не царапали, а заботливо и нѣжно ласкали. И онъ забылся,—пересталъ быть машиной и почувствовалъ себя человѣкомъ.

Ему хотѣлось всего, какъ у всѣхъ, и все являлось точно по волшебству. Съ женитьбой — точно солнце заглянуло къ нему, все удавалось, все радовало. Родился ребенокъ—его первенецъ, маленькая Вева. Какое это было великое счастье!

Онъ былъ на маневрахъ, когда ему подали депешу изъ дому.

Въ эту минуту онъ забылъ дисциплину. Забылъ своихъ подчиненныхъ и свое начальство. Правда, забылъ на минуту, но все-таки забылъ.

При первой возможности онъ поѣхалъ домой. Сердце его радостно билось. Эта маленькая женщина съ крохотнымъ ребенкомъ у груди, это его жена, его ребенокъ! За что столько счастья!

Когда онъ подъѣхалъ къ своему дому, онъ не сразу рѣшился войти, а, войдя, долженъ былъ перевести духъ, прежде чѣмъ итти къ женѣ. Шпоры его показались ему черезчуръ громкими и онъ отвязалъ ихъ. Онъ готовъ былъ и сапоги снять, чтобы ничѣмъ не безпокоить своихъ дорогихъ, ненаглядныхъ!..

Акушерка и докторъ громко смѣялись и онъ овладѣлъ собой, но смѣхъ этотъ и сейчасъ рѣжетъ его слухъ и сейчасъ ему непріятно вспоминать его. Они не могли понять того, что творилось въ его душѣ... въ эти незабвенныя минуты! Но, богъ съ ними, онъ ихъ не судитъ, не стоитъ этого вспоминать, это такъ, маленькое пятно на солнцѣ. А солнце сіяло и грѣло!...

Сколько волненій изъ-за каждаго крика, недомоганія дѣвочки, сколько милыхъ заботъ! Купанье, пеленанье, кормленіе! Мать была такъ молода, кормила сама и вливала здоровье въ его слабенькаго ребенка... Такъ сказали врачи. О, эти жестокіе врачи! Тоже пятна на солнцѣ. Жестокость ихъ онъ не сразу понялъ! Онъ еще долго былъ счастливъ!...

Мать немножко похудѣла, плохо спала, но не жаловалась и все выхаживала своего первенца. И дѣвочка, то болѣя, то поправляясь, въ общемъ развивалась нормально. Рано начала ходить и говорить. Всегда была она очень блѣдна, ноготки были странные, но у него самого въ то время они еще были не такими страшными, какъ теперь.

Мать расцвѣла послѣ рожденія ребенка, похорошѣла; въ ея глазахъ появилось какое-то новое выраженіе, которое иногда смущало мужа, но онъ не останавливался на мысли — откуда оно? Это было красиво, и, если и пугало его немного, зато сердце замирало такъ сладко, ласки жены бывали иногда такъ порывисты, что у него кружилась голова, и онъ вспоминалъ, какъ называли ее огнемъ, и радовался, что этотъ огонь жжетъ его.

Къ концу второго года Вева начала замѣтно хирѣть, а мать объявила отцу, что, кажется, у нихъ будетъ еще ребенокъ. Отецъ поморщился: онъ не любилъ никакихъ новшествъ, никакихъ перемѣнъ... Это, можетъ-быть, ужъ и затруднительно будетъ — двое дѣтей!

— Видно богъ наказалъ за эти мысли! Двоихъ дѣтей не было! Вева уступила свое мѣсто сестрицѣ.

Какъ онъ упрекалъ себя за тѣ мысли, какъ мучился и молился потомъ, но богъ лучше знаетъ, что нужно человѣку, Онъ отнялъ Веву и человѣкъ, усумнившійся было въ мудрости Творца, покорно склонилъ голову въ несчастіи и молился объ одномъ только — о томъ, чтобы цѣла осталась его дорогая жена, чтобы не возроптала, не возмутилась она и чтобы нашла она утѣшеніе въ другомъ ребенкѣ. Молитва исполнилась. Родилась вторая дѣвочка, ее назвали Мусей.

Входя къ матери, послѣ рожденія второго ребенка, отецъ ужъ не боялся шума своихъ шпоръ, и появленіе Муси привѣтствовалъ далеко не такъ, какъ Вевы. — Вѣдь та была его первенецъ!

Мать, его милая кошечка, на этотъ разъ тоже была другая. Она странно нервничала. Она рыдала, обвиняя его въ жестокости, она говорила, что оскорблена за ребенка, которому не радъ отецъ, тогда какъ она, мать, благодаритъ судьбу, что у нея опять дѣвочка, и эту ужъ она убережетъ и не отдастъ смерти!

— Экзальтирована немножко стала моя жена съ тѣхъ поръ...

А уберечь и не отдать смерти дѣвочку все-таки не удалось! Человѣкъ слабъ, человѣкъ только самоувѣренъ въ своей чрезвычайной гордости!... А что, въ сущности, можетъ человѣкъ? — Покориться — и больше ничего!

И онъ покорился!

Не покорилась она. Похоронивъ второго ребенка, который прожилъ нѣсколько дольше перваго, она точно обезумѣла, ее точно подмѣнили, съ ней стало невозможно говорить, невозможно ее понять! Она — эта женщина — заставила его пережить всю гамму человѣческихъ чувствъ, съ нею онъ пересталъ быть машиной и даже радовался этому въ своемъ ослѣпленіи... безумецъ!

Да, безумецъ! Какъ могъ онъ всю душу свою отдать этой женщинѣ-кошкѣ, этой женщинѣ-огню! Потому что онъ понялъ, что въ ней и огонь и звѣрь, хищный звѣрь! Но понялъ это поздно, понялъ, когда уже пережилъ всѣ страданія и снова сталъ машиной.

Теперь онъ можетъ спокойно думать о ней, о той, которая когда-то была его женой, матерью его дѣтей, о той, которая дала ему много счастья, но горя и муки дала столько, что въ нихъ потонуло все прошлое счастье. Что было бы лучше — не знать совсѣмъ ея, а съ нею вмѣстѣ и счастья и муки?... или жить съ воспоминаніями о томъ и другомъ? Онъ не хотѣлъ разбираться въ этомъ вопросѣ, онъ привыкъ мириться съ тѣмъ, что есть, и утѣшалъ себя обычнымъ утѣшеніемъ слабыхъ: «все къ лучшему».

Когда смерть унесла Мусю, унесла такъ же неожиданно и почти въ томъ же возрастѣ, какъ Веву, онъ склонился подъ ударомъ, сталъ еще тише, еще покорнѣе.

Но мать не могла такъ легко уступить судьбѣ, мать не могла допустить такой безсмысленной жестокости, такого ни на чемъ не основаннаго случая.

— Тутъ должна быть причина, должно быть основаніе, надо во что бы то ни стало найти его,—говорила она.

«И зачѣмъ это было надо, зачѣмъ», думалъ онъ. «Не все ли равно—отчего погибло дерево, отъ бури ли, налетѣвшей, Богъ вѣсть, откуда, отъ того ли, что корни подточилъ какой-то червякъ? Фактъ въ гибели и не примириться съ фактомъ нельзя!»

— Нельзя не признать факта,—спорила она,— но отъ признанія до примиренія — цѣлая пропасть! Есть факты, съ которыми помириться, простить которые — нельзя!

Всегда она добиралась до корня вещей и едва ли сдѣлала этимъ свое счастье. Впрочемъ, онъ теперь ничего не зналъ о ней. Но въ

счастье ея что-то мѣшало ему вѣрить. Можетъ-быть, оскорбленное самолюбіе, попранное чувство? Можетъ-быть, жизненный опытъ?

Она, эта страстная во всемъ женщина, потерявъ второго ребенка, отказалась быть его женой и бросила ему въ лицо жестокій, незаслуженный упрекъ. Онъ, онъ одинъ, по ея словамъ, былъ виновникомъ смерти ихъ дѣтей!... Такъ сказали ей доктора, такъ понимала это и она сама!...

А онъ хотѣлъ утѣшить ее, онъ хотѣлъ влить въ нее свою вѣру въ то, что «все къ лучшему», что все можно перенести, со всѣмъ примириться.

И на этомъ-то она и поймала его.

«Ты, въ концѣ-концовъ, примиришься и съ моей измѣной», писала она ему, «а я не въ силахъ буду жить двойственной, лживой жизнью. Я лучше сдѣлаю тебѣ больно сразу, разрублю Гордіевъ узелъ, но не буду медленно мучить тебя и обманывать».

Какая насмѣшка! Она вообразила, что сразу сдѣлала ему больно. Точно отрубила руку и забыла, что все тѣло страдаетъ безъ этой руки и долго, долго будетъ болѣть то мѣсто, гдѣ была рука. Есть раны, которыя не заживаютъ, есть болѣзни, которыя не излѣчиваются, есть сердца, которыя любятъ только разъ!

И она должна была знать это, но она не захотѣла съ этимъ считаться, она ушла въ жизнь и оставила ему медленное умираніе.

Долго ждалъ онъ, что она образумится, вернется; старался стороной узнавать о ней и все яснѣе и яснѣе понималъ, что дороги ихъ окончательно разошлись.

Судить ее онъ не хотѣлъ, понять и простить — не могъ.

Военная карьера его кончилась, а съ нею точно угасло единственное, что соединяло его съ міромъ.

На минуту вспыхнуло какое-то волненіе, задрожали знакомыя струны въ сердцѣ, когда неожиданно разразилась война, но нервный подъемъ былъ непродолжителенъ и все свелось къ тому же ежедневному чтенію газетъ, которое и безъ войны было единственнымъ развлеченіемъ старика.

Товарищи его по службѣ всѣ еще были у дѣлъ, но больной и рано постарѣвшій человѣкъ ни съ кѣмъ не поддерживалъ связи, кромѣ одного, такого же, какъ онъ, инвалида, жившаго въ этомъ же забытомъ маленькомъ городкѣ. Съ нимъ проводили они время въ долгихъ молчаливыхъ сидѣніяхъ другъ противъ друга и въ рѣдкихъ скупыхъ разговорахъ.

Песокъ дорожки захрустѣлъ подъ чьими-то легкими шагами.

Старикъ приподнялся и взглянулъ впередъ. Изъ-за поворота

показалась стройная фигура женщины въ сѣромъ платьѣ и черной повязкѣ на головѣ. Сестра милосердія, сообразилъ старикъ, всматриваясь въ незнакомую, и почему-то притягивающую къ себѣ его вниманіе, фигуру.

Женщина шла прямо къ его могиламъ и смотрѣла на бѣлые кресты, не замѣчая того, кто, тихо ахнувъ, снова опустился на скамью. Кусты еще не совсѣмъ оголеннаго жасмина скрыли его и женщина, потянувъ незамкнутую калитку, вошла въ загородку.

Поѣздъ, съ которымъ она ѣхала «туда», гдѣ, знала, пригодятся ея силы, стоялъ въ этомъ городѣ довольно долго и ей захотѣлось взглянуть на могилы своихъ дѣвочекъ. О томъ, что отецъ ихъ живетъ здѣсь, она не знала и не сразу поняла, кто этотъ старикъ, сидящій на скамьѣ и смотрящій на нее испуганнымъ взглядомъ, точно она была призракъ, а не живой человѣкъ.

Далекое прошлое въ одну секунду все мелькнуло предъ нею и видъ этого старика здѣсь, когда всѣ «тамъ», сказалъ ей больше словъ.

Значитъ, все для него кончено... Ей стало его безконечно жаль, и она, опустившись на колѣни около скамьи, положила голову на его сжатыя руки.

Онъ сидѣлъ неподвижно, а она рыдала все тише и тише.

О чемъ были эти слезы, она и сама не знала.

Хотѣлось ласки, участія, хотѣлось самой приласкать этого когда-то близкаго человѣка, хотѣлось утѣшить его и сказать о себѣ, о томъ, какъ въ ея душѣ много силъ и вѣры въ святость взятаго на себя дѣла, но онъ молчалъ, и ей вдругъ стало неловко и за свои силы, и за свою молодость предъ этимъ старикомъ.

Смущаясь и все еще на что-то надѣясь, подняла она голову и взглянула заплаканными глазами на него.

Онъ смотрѣлъ въ сторону и на лицѣ его она прочла только физическое страданіе отъ того, что она сжала его руки и не давала ему возможности встать.

Инстинктивно, она быстро поднялась, все не спуская съ него взгляда.

Тогда онъ всталъ со скамьи и медленно, но твердой, своей всегдашней поступью, двинулся къ калиткѣ.

Она пропустила его, посмотрѣла ему вслѣдъ и подошла ближе къ бѣлымъ крестамъ.

Какъ живыя вспомнились бѣлокурыя головки дѣвочекъ, но эта рана уже зажила, это личное горе потеряло свою остроту.

«Можетъ-быть, на этотъ разъ и правъ отецъ моихъ дѣтей»,

подумала она, «можетъ-быть, дѣйствительно «къ лучшему», что ихъ нѣтъ, нашихъ дѣтей, потому что у нихъ были бы отецъ и мать, но не было бы счастья... Для счастья нужно, чтобы отецъ и мать составляли одно не только тогда, когда страсть сливала ихъ воедино, а и всю жизнь; нужно, чтобы умъ и сердце ихъ одинаково думали и чувствовали. Это идеалъ и, какъ таковой, едва ли достижимъ»...

Невольно вынула она изъ кармана снятую повязку съ краснымъ крестомъ и тутъ, глядя на бѣлые кресты, подъ которыми похоронила свое счастье матери, надѣла на руку красный крестъ, которому рѣшила она отнынѣ отдать всѣ свои силы.

Екатерина Экъ.

Францъ Элленсъ родился въ 1881 году въ Брюсселѣ. Его отецъ Van Ermengem, докторъ медицины, назначенный профессоромъ бактеріологіи и гигіэны въ г. Гентъ, переселился туда въ 1883 г. Францъ Элленсъ жилъ въ этомъ городѣ до 25 лѣтъ. Онъ учился тамъ въ коллежѣ св. Варвары, въ томъ самомъ, гдѣ учились и Роденбахъ, Метерлинкъ, Ванъ-Лебергъ. Окончивъ коллежъ, поступилъ въ Гентскій университетъ на юридическій факультетъ. Выйдя изъ университета докторомъ юридическихъ наукъ, онъ, побывъ годъ въ адвокатурѣ, былъ прикомандированъ къ королевской библіотекѣ. Въ 1912 году Францъ Элленсъ былъ удостоенъ за свой сборникъ притчъ и разсказовъ „Потаенный свѣтъ" преміи Свободной Бельгійской Академіи имени Эдмонда Пикара, преміи, полученной въ свое время, Верхарномъ и Метерлинкомъ.—Въ русскомъ переводѣ существуетъ книга разсказовъ и притчъ Франца Элленса (Гелленса): „Францъ Гелленсъ. Разсказы и притчи. Перев. М. В. Веселовской и В. Н. Карякина. Изд. Б. и Н. П. Москва—1914 г. Книж. магаз. или складъ изданія, тел. 11-82. Кромѣ того, въ журналѣ „Завѣты" за Октябрь 1913 г. переводъ трехъ разсказовъ того же автора, перев. В. А. Шелгунова.

ИЗОБЬЕМЪ НЕВИННЫХЪ!

(Massacrons les innocents!)

Франца Элленса.

Пьеса въ одномъ дѣйствіи.

Дѣйствующія лица:

ХОЗЯИНЪ «балагана избіенія». ИГРОКЪ. БЕЗРУКІЙ. СЛѢПОЙ. СТАРУХА. ІУДА. ЛУКРЕЦІЯ БОРДЖІА. НЕРОНЪ. МЕССАЛИНА. РАВАШОЛЬ. ДАЛЕКІЙ ГОЛОСЪ.

Въ маленькомъ городкѣ на главной площади — зима. Въ глубинѣ площади тускло обрисовываются силуэты домовъ, освѣщенныхъ уличнымъ фонаремъ. Площадь занята балаганами, только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ свѣтятся огоньки. Впереди всѣхъ «балаганъ избіенія», освѣщенный тремя свѣчными огарками. Слышатся вдали звуки гармоники. Послѣдніе звуки карильона, потомъ колоколъ звонитъ 9 часовъ. Женщины въ черныхъ длинныхъ мантіяхъ выходятъ изъ церкви, порталъ которой виднѣется направо, и удаляются въ глубь, то и дѣло останавливаясь, чтобы побалагурить. Ключарь запираетъ церковь. Въ продолженіе дѣйствія огоньки на площади гаснутъ одинъ за другимъ.

ПЕРВАЯ СЦЕНА.

ХОЗЯИНЪ «балагана избіенія», ИГРОКЪ, ІУДА, ЛУКРЕЦІЯ БОРДЖІА, НЕРОНЪ.

Игрокъ появляется слѣва, медленно выходя изъ глубины, въ то время какъ женщины удаляются. Это типичный гуляка въ каскеткѣ, съ худымъ, безбородымъ лицомъ. Онъ идетъ, и возбужденіе чувствуется въ его походкѣ, проходитъ мимо балагана.

Хозяинъ «балагана избіенія» за конторкой, лицо его освѣщено свѣчой. «Гей, человѣкъ, въ «балаганъ избіенія?!» Игрокъ оборачивается и бросается къ балагану.

Игрокъ. Наконецъ-то, вотъ уже 2 часа, какъ я ищу его, тоска!

Хозяинъ. Ищешь! Найти нетрудно, а вотъ такого, какъ мой, дѣйствительно скоро не встрѣтишь. Тебѣ везетъ. Благодари счастливый случай.

Игрокъ. Давай шары, я жду—не дождусь!

Хозяинъ. Нѣтъ ничего лучше, какъ иногда хорошенько поразмять руки да поработать глазомъ въ нашемъ балаганѣ. Есть передъ тобой цѣль, а это главное—никогда не слѣдуетъ работать безъ цѣли, не такъ ли?

Игрокъ. Скоро ль ты кончишь свои прибаутки?—Я здѣсь не затѣмъ, чтобы слушать твою волынку.

Хозяинъ. Потерпи, голубчикъ! Чѣмъ ближе цѣль, тѣмъ сильнѣе прельщаетъ она и рождаетъ упорство.

Игрокъ. Живѣе! я жду.

Хозяинъ. А есть ли у тебя ловкость въ игрѣ? Въ наше время больше чѣмъ когда-нибудь требуется ловкость. Бѣжать въ ногу со временемъ вещь не легкая. Опередить его никто не можетъ. Приходится, опираясь на него, балансировать въ тактъ съ его бѣгомъ.

Игрокъ. Бога ради шары!

Хозяинъ. Въ старину довольствовались развитіемъ мускульной силы. Приходилось свергнуть человѣка въ пропасть, — свергали; приходилось нанести ему ударъ мечомъ, — наносили. Теперь не то. Сильнѣйшіе удары наносятся издалека.

Жизнь похожа на призракъ. Чтобы жить, нужны особыя хитрость и сноровка.

Игрокъ. Шары, шары, скорѣе шары! или я тебя задушу...

Хозяинъ. Напрасно будешь пытаться. Я неуязвимъ. Лучше держи языкъ за зубами и не корчи изъ себя фальшиваго льва. Погоди! Я утолю твой голодъ достойнымъ зрѣлищемъ. Сколько вѣковъ желаешь ты поглотить?

Игрокъ (яростно). Бестія! Что мнѣ дѣлать съ тобой?! Ты съ ума сошелъ! Я разорю твой балаганъ и вдребезги разобью твои куклы. Шары, шары!

Хозяинъ. Ха, ха, ха! У всѣхъ у васъ вѣчно одно и то же нетерпѣніе, одна и та же лихорадка. Вотъ шары. Цѣлься въ лобъ. (Даетъ ему 4 бѣлыхъ шара, которые игрокъ стремительно хватаетъ и тотчасъ же, не цѣлясь, бросаетъ первый шаръ). Промахъ! Слишкомъ торопишься. Не цѣлился. (Игрокъ бросаетъ 2-ой шаръ и снова даетъ промахъ). Увален! Жажда избіенія ослѣпила тебя на одинъ глазъ, берегись, какъ бы шаръ рикошетомъ не выбилъ тебѣ и другого. (Съ наименьшей стремительностью игрокъ бросаетъ 3-ій шаръ, но безрезультатно. Четвертымъ шаромъ попадаетъ. Раздается металлическій звукъ отъ паденія опрокинутой маріонетки).

Далекій голосъ (тягучимъ и глухимъ тономъ). Не-вин-ный! (Молчаніе).

Игрокъ. Кто это палъ?

Хозяинъ. Кто? Что за важность?! Спроси свою жертву объ этомъ. Только послѣ мѣткаго удара имя жертвы получаетъ значеніе. Лишь въ неожиданности, съ которой узнаешь ея имя, заключается удовольствіе... Мертвый или живой, кто ты?

Іуда (произноситъ въ носъ, словно отвѣчаетъ урокъ). Я—человѣкъ, пожертвовавшій жизнью, пожелавшій наказать себя за то, что предалъ Учителя въ Гефсиманскомъ оливковомъ саду. Я—Іуда Искаріотъ, проклятый іудей.. Но не забудьте, что я отдалъ Храму цѣну крови, добровольно отказался отъ плодовъ зла. Діаволъ и вороны, раздѣлившіе пополамъ мое тѣло, растерзали его и погубили мою душу, омытую слезами угрызенія...

Хозяинъ. Такъ, хорошо! продолженія не требуется.

Игрокъ. Шары, шары!

Хозяинъ. Вотъ тебѣ шары! Цѣлься въ лобъ. Не старайся узнать того, въ кого ты мѣтишь. (Игрокъ отступаетъ и бросаетъ два первыхъ шара одинъ за другимъ съ растущей силой).

Далекій голосъ (печальный и пѣвучій). Не-вин-ный! (Игрокъ продолжаетъ игру. Попадаетъ).

Далекій голосъ (съ оттѣнкомъ гнѣва). Не-вин-ный!

Хозяинъ. Вотъ въ этого ты ловко попалъ. Твой глазъ начинаетъ привыкать къ темнотѣ. Ну, что жъ, не поинтересуешься ли именемъ своей жертвы?

Игрокъ. Чѣмъ больше я поражаю, тѣмъ сильнѣе разгорается жажда. Шары твои заколдованные. Эй, женщина, у которой лобъ похожъ на коробку, наполненную ядомъ, а глаза кажутся выходящими изъ ада...

Хозяинъ. Отвѣчай!

Лукреція Борджіа (жалобнымъ и заученнымъ тономъ). Несправедливость — спутница невѣдѣнія...

Хозяинъ. Довольно... Это — старая пѣсня! Что для тебя справедливость, когда ты мертва?! При жизни ты страдала отъ клеветы, но и потомки не сняли съ тебя напраслины. Эта клевета не перестала быть клеветой оттого, что ей вѣрили цѣлыя поколѣнія, исчезнувшія раньше, чѣмъ имъ открылась истина. И въ настоящее время истина слѣпа: ничего не измѣнилось съ вѣками. Развѣ мало для тебя, что ты доставляешь людямъ удовольствіе цѣлиться въ твою благородную голову. Ибо я подозрѣваю, что твоей королевской наружности должно соотвѣтствовать и громкое имя. Но что сталось бы съ человѣчествомъ, лишись оно подобной мишени?! Какъ твое имя?

Лукреція Борджіа. Лукреція Борджіа.

Хозяинъ. Ахъ, ахъ, бѣдняжка! Что съ тобой? Что ты жалуешься? Въ твое время знали, по чьему адресу посылать сарказмы. Воздавали Кесарю Кесарево. Считавшаяся дѣвственницей своими современниками, ты развѣнчана теперь и превращена въ блудницу, въ отравительницу. Но утѣшься, мы глумимся только надъ манекеномъ.

Игрокъ, (теряя терпѣніе). А ты, толстый мясникъ, съ головой быка, увѣнчаннаго лаврами, со щеками распухшими отъ пролитой крови, говори, а не то я навѣки закрою тебѣ ротъ.

Хозяинъ. Не воображаешь ли ты, что ты первый повергъ его на землю. Зазнавшійся игрокъ! бей съ размаху, но не хвастайся, что ты первый пустилъ шаръ (поворачиваясь въ сторону маріонетокъ). Отвѣчай, живой ты иль мертвый?

Неронъ (все время въ носъ и нараспѣвъ, точно отвѣчая урокъ. Моя слава: быть провозглашеннымъ поэтомъ жестокости. Искусство было для меня суровымъ божествомъ. Я не ропщу на это, такъ какъ звуки моей лиры затмевали своей силой солнце. Огонь и кровь служили мнѣ факелами. Поднявшись надъ закономъ и нравственностью, я былъ, дѣйствительно, божествомъ и эти лавры — только насмѣшка, оскорбленіе для меня, заслужившаго ореолъ безсмертныхъ боговъ. Многіе меня боялись, но гдѣ тѣ, кто поняли меня?!

Хозяинъ. Не правда ли, достаточно, если найдется хоть одинъ такой, въ особенности же, если этотъ одинъ въ свою очередь будетъ понятъ остальнымъ человѣчествомъ. Невинность не въ томъ, чтобы считаться большинствомъ невиннымъ, но въ томъ, чтобы быть оправданнымъ тѣмъ, кто поднялся надъ общеобязательнымъ закономъ.

Неронъ. Ни одного такого не нашлось въ Римѣ. Самъ Сенека...

Хозяинъ. Зато пришли другіе, провозгласившіе подобно тебѣ: «Какого артиста я въ себѣ убиваю, испуская духъ!»

Неронъ. Артистъ — божество, а богъ невиненъ.

Игрокъ. Я не понимаю, что онъ говоритъ.

Хозяинъ. Не тебѣ это понимать. Знай только, что его имя Неронъ, и радуйся, что ты попалъ въ мишень.

Игрокъ. Шары, шары, скорѣй!!

Хозяинъ. Вотъ шары!

Игрокъ. Четырехъ мало. Я чувствую, что у меня 100 рукъ!

Хозяинъ. Вотъ какъ ты воодушевился! Твои глаза, словно факелы, кажутъ тебѣ путь. Берегись, какъ бы ихъ собственный дымъ не ослѣпилъ тебя.

(Игрокъ бросаетъ шары съ удалью. Размашистые жесты, много пыла въ каждомъ жестѣ. Валитъ мишень на землю).

Далекій Голосъ (жалобный). Не-вин-ный!

(Въ то время какъ слышится голосъ, игрокъ снова воодушевляется и попадаетъ въ мишень).

Далекій Голосъ (болѣе отрывистый и суровый). Не-вин-ный!

(Игрокъ стремительно бросаетъ нѣсколько шаровъ, даетъ нѣсколько промаховъ и попадаетъ три или четыре раза подъ рядъ).

Далекіе Голоса. (сначала одинъ за другимъ, потомъ разомъ, такъ что слышится смутный говоръ). Невинный, не-вин-ный, не-вин-ный!!

(Покончивъ съ избіеніемъ, игрокъ облокачивается на прилавокъ и подпираетъ голову рукой).

Хозяинъ (не удивляясь, саркастически). Угомонился уже! Какъ вы всѣ похожи другъ на друга! Гордое стремленіе исчерпать до конца силу мускуловъ заставляетъ забыть удовольствіе при видѣ того, кто падаетъ сраженнымъ. Когда научитесь вы наслаждаться безконечно?! Въ наслажденіи только привкусъ цѣненъ. Съ зажатыми ноздрями не смакуютъ вина. Поспѣшность уничтожаетъ удовольствіе, а усталость уноситъ съ собой даже воспоминаніе о немъ. Для мощныхъ ударовъ требуется размышленіе и просторъ, соединенный съ обширнымъ резонансомъ. Ты побѣдитель цѣлой арміи, Александръ Завоеватель, и тебя не хватаетъ на то, чтобы пересчитать свои жертвы Послушай! ты одинъ бодрствуешь. Люди спятъ, они не признаютъ божественности мрака. Неужели и ты, побѣдитель, поступишь подобно имъ?

Игрокъ (зѣваетъ и ретируется). Я сытъ.

Хозяинъ. Развѣ это поводъ для спанья?

Игрокъ. Я утолилъ свой голодъ.

Хозяинъ. Такъ скоро? Только-что руки твои метали молніи твоего голода. Откуда приходитъ этотъ глупый вѣтеръ, гасящій пламя, а не раздувающій его?

Игрокъ (ретируясь). Отъ пресыщенія.

Хозяинъ. Отъ пресыщенія! Но что такое пресыщеніе? Реальность, залитая свѣтомъ; слово, потонувшее во мракѣ.

Игрокъ. Прощай!

Хозяинъ. Неужели ты такъ и покинешь эту мертвецкую? Если ты откажешься собрать свои трофеи, подстрѣленная тобою дичь будетъ надъ тобой смѣяться.

Игрокъ. Получай твои деньги, тюремщикъ, и прощай!

ВТОРАЯ СЦЕНА.

ХОЗЯИНЪ «балагана избіенія», ИГРОКЪ, БЕЗРУКІЙ, МЕССАЛИНА, РАВАШОЛЬ.

(Слышенъ звонъ мелкой монеты, которую игрокъ разсѣянно бросаетъ на прилавокъ. Въ это время безрукій проходитъ мимо «балагана избіенія».

Хозяинъ. Гей, человѣкъ, въ «балаганъ избіенія»?! Не позабавишься ли?

Безрукій. Нѣтъ, къ сожалѣнію.

Хозяинъ. Къ чему здѣсь сожалѣніе?

Безрукій. Развѣ не видишь? Я—безрукій.

Хозяинъ. Ха, ха! Робость, освященная случайностью!.. Подойди ближе. За удовольствіе поглядѣть не платятъ.

Безрукій (не двигаясь съ мѣста). Эхъ, кабы мнѣ да руки!

Хозяинъ. А какъ ты ихъ лишился? Не отвалились ли онѣ за ненадобностью, или же, быть-можетъ, зависть какого-нибудь бога отняла ихъ у тебя въ наказаніе за излишнюю смѣлость?

Безрукій. Нѣтъ, ихъ у меня никогда не было. Мать моя такимъ произвела меня на свѣтъ.

Хозяинъ. Испытывалъ ли ты когда-нибудь желаніе разить издалека?

Безрукій. Разить! но я не знаю, что это такое.

Хозяинъ. Есть люди, носящіе ночь подъ черепомъ, есть и другіе, у которыхъ ночь въ сердцѣ. Пользуйся твоей ночью, покоющейся на твоихъ плечахъ.

Безрукій. Что ты говоришь? А скажи: тотъ человѣкъ тамъ, неужели онъ одинъ сразилъ столько головъ? Какъ видно, у него обѣ руки цѣлы.

Хозяинъ. Да, обѣ цѣлы.

Безрукій (однимъ прыжкомъ бросается къ игроку). Скажи ты, неискалѣченный, цѣлый человѣкъ, не хочешь ли ты поиграть за меня?!

Игрокъ. Я ухожу.

Безрукій. Останься. Деньги у меня въ карманѣ.

Игрокъ. Поздно.

Безрукій. Возьми шары!

Игрокъ. Ну ужъ, такъ и быть, возьму ихъ за тебя, хотя игра мнѣ надоѣла.

Безрукій (воодушевляясь, весь погружаясь въ игру). Тамъ, тамъ! видишь красивыя, пунцовыя губы? Цѣлься хорошо, неискалѣченный, цѣлый человѣкъ. (Игрокъ, неторопливо, холодно соразмѣряя ударъ, поражаетъ. Безрукій всѣмъ туловищемъ слѣдитъ за его движеніями. Шаръ попадаетъ).

Далекій Голосъ (дико). Не-вин-ный!

Безрукій. Кто говорилъ? Невинная маленькая женщина... Охо-хо!

Игрокъ. Живая или мертвая, кто ты?

Хозяинъ. Ха, ха!

Мессалина (слезливымъ и заученнымъ тономъ). Я — Мессалина, римлянка.

Безрукій (перебивая). Кто бы ты ни была, я испытываю удовольствіе глядѣть на твое паденіе, потому что я подозрѣваю, что ты на своемъ вѣку сразила не одного смертнаго.

Мессалина. Обвиняй вѣтеръ, сокрушающій прекраснѣйшія деревья, обвиняй огонь, поглощающій твердыя вещества! Человѣкъ обожествилъ ихъ. Я — вѣтеръ, я — огонь.

Безрукій. Значитъ, я убилъ вѣтеръ и огонь! (Игроку). Играй же! (Игрокъ снова принимается за игру со все большей размѣренностью. Кажется, онъ вѣроломно цѣлится, выбирая удобный моментъ для нанесенія удара. Безрукій въ тактъ съ движеніями игрока сгибаетъ станъ и голову. Два первыхъ шара пролетаютъ мимо, третій попадаетъ).

Далекій Голосъ (съ обостренной интонаціей). Я — не-вин-ный!

Безрукій. Невиненъ, ты! Ахъ, ахъ! (Корчится).

Игрокъ. Что ты о немъ знаешь, безрукій?

Хозяинъ. Не отрѣзало ли общество ему обѣ руки?

Безрукій. Я лучше сдѣлалъ! Я отхватилъ ему голову. Ахъ, ахъ! (Корчится). Благодарю тебя, неискалѣченный, цѣлый человѣкъ. Ты доставилъ мнѣ удовольствіе. Возьми деньги.

Игрокъ. Побереги ихъ. Ты заставилъ меня вновь почувствовать вкусъ къ игрѣ.

ТРЕТЬЯ СЦЕНА.

ХОЗЯИНЪ «балагана избіенія», ИГРОКЪ, БЕЗРУКІЙ, СЛѢПОЙ.

(Слѣпой появляется во время послѣднихъ фразъ, ощупывая своей палкой съ желѣзнымъ наконечникомъ мостовую. Наталкивается на безрукаго, уходящаго изъ «балагана избіенія». Тотъ оборачивается и начинаетъ браниться).

Хозяинъ. Гей, человѣкъ, въ «балаганъ избіенія»?!

Слѣпой. Кто тамъ? Что вы сказали?

Хозяинъ. «Балаганъ избіенія», говорю.

Слѣпой. Я — слѣпой. Что тебѣ надо?

Хозяинъ. Ха, ха, ха! Слѣпой! да слѣпой тутъ зрячаго за поясъ заткнетъ. Онъ не боится ночи. Поставь къ сторонкѣ твою палку, я буду класть тебѣ въ руки шары.

Слѣпой. (Шаря вокругъ себя, шумно кладетъ палку на прилавокъ). Я помню эту игру, когда-то игрывалъ, когда еще у меня были глаза.

Хозяинъ. Кто похитилъ у тебя зрѣніе?

Слѣпой. Я хотѣлъ видѣть слишкомъ далеко, глядя слишкомъ близко. Давай, однако, твои шары! Что жъ, тамъ назади люди есть? Попасть въ нихъ можно?

Игрокъ. Убирайся-ка съ дороги, безрукій!

Слѣпой. Кто безрукій? Развѣ здѣсь есть безрукій? Тѣмъ лучше. Значитъ, насъ двое несчастныхъ. Потому-что, зачѣмъ безрукому глаза?! Зачѣмъ нужны слѣпому руки?!

Хозяинъ. Нужнѣе, чѣмъ ты думаешь. Вотъ шары, бросай прямо!

Игрокъ. (Онъ беретъ руку слѣпого и направляетъ въ сторону мишеней). Туда!

Слѣпой (ищетъ удобнаго положенія. Ставъ въ позу, словно измѣряетъ пространство. Цѣлится, какъ зрячій. Взвѣшиваетъ шаръ на рукѣ. Потомъ размахивается и бросаетъ его. Шаръ, пущенный съ своеобразнымъ пріемомъ, попадаетъ сразу, вызывая звукъ, отличающійся звонкостью металла).

Далекій Голосъ. Не-вин-ный!

Слѣпой. Не ко мнѣ ли обращаются? Я попалъ?

Хозяинъ. Съ перваго раза; у тебя, слѣпой, глаза въ рукѣ.

Слѣпой. Я насладился. О, какъ давно я не игралъ. Если бъ я могъ видѣть?!

Хозяинъ. Мы сами плохо видимъ въ темнотѣ... Что жъ, спроси того, кого сразилъ. Быть-можетъ, услышишь стонъ. (Молчаніе). Живой илъ мертвый, кто ты? (Молчаніе).

Слѣпой. Онъ мертвъ, а мертвые не отвѣчаютъ.

Хозяинъ. Ошибаешься! У насъ мертвецы оживаютъ. Сотнями я ихъ хороню каждый день, а на утро они вновь возвращаются. Живой илъ мертвый, отвѣчай!

(Слышится отдаленный и долгій ропотъ).

Слѣпой. Я не слышу ничего, кромѣ шума далекаго вѣтра.

Хозяинъ. Это странно. (Пауза). А мнѣ казалось, глядя на твою игру, что видишь ты прекрасно. И съ обоими глазами нельзя вѣрнѣе итти къ цѣли! Однако, никто не отвѣчаетъ.

Слѣпой. Зачѣмъ спрашивать?

Игрокъ. Нечего сказать, хорошо удовольствіе, если попавъ, не знаешь, въ кого попалъ!

Слѣпой. А по-твоему лучшее удовольствіе услышать имя того, кого сразилъ, и не видѣть раны, которую ему нанесъ!

Хозяинъ. Утѣшься! Тотъ, кто наклоняется надъ своей жертвой желая узнать ея въ лицо, застрахованъ отъ всевозможныхъ иллюзій и разочарованій. Но тотъ, кто остается предъ нею съ закрытыми глазами, идетъ навстрѣчу всевозможнымъ иллюзіямъ и неизбѣжнымъ разочарованіямъ. Такъ, при каждомъ мѣткомъ ударѣ ему кажется, что онъ опрокинулъ міръ. Кто же изъ нихъ двухъ ошибается?

Слѣпой. Я не могу насладиться, какъ слѣдуетъ, своей побѣдой.

Хозяинъ. Ты полагаешь? Каждый наслаждается побѣдой посвоему.

Слѣпой. Я ухожу. Ты счастливѣе меня, безрукій! Правда, у тебя нѣтъ рукъ, чтобы самому поражать, но ты пользуешься ловкостью другихъ. (Собирается уходить).

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА.

ХОЗЯИНЪ «балагана избіенія», ИГРОКЪ, БЕЗРУКІЙ, СЛѢПОЙ И СТАРУХА.

(Въ глубинѣ сцены раздаются заглушенные крики).

Старуха (вбѣгаетъ, бросается къ слѣпому). Помогите, помогите! На улицѣ драка, убійство! Упалъ раненый.

Слѣпой. Но чѣмъ могу я помочь? Я — слѣпъ. (Онъ удаляется).

Старуха (подходитъ къ безрукому съ тѣми же умоляющими жестами). Помогите, сжальтесь надъ человѣкомъ!

Безрукій (пожимая плечами). Я — безрукій (удаляется).

Старуха (обращаясь къ игроку, облокотившемуся на прилавокъ). Смилуйтесь, господинъ, тамъ невинный умираетъ!

Игрокъ. Невинный! Онъ палъ отъ мѣткаго удара. А какъ его имя?

Старуха (въ смущеніи молчитъ нѣкоторое время. Потомъ убѣгаетъ, крича и жестикулируя). Боже мой! Боже мой!

Хозяинъ. Ха, ха, ха!!

ПЯТАЯ СЦЕНА.

ХОЗЯИНЪ «балагана избіенія», ИГРОКЪ.

Игрокъ (удаляясь). Прощай! Завтра увидимся снова.

Хозяинъ. Завтра, можетъ-быть позже, спустя вѣкъ... здѣсь или въ другомъ мѣстѣ!...

(Игрокъ, насвистывая, удаляется по улицѣ, уходящей въ глубь сцены. Слышенъ затихающій шумъ его шаговъ. Только въ одномъ «балаганѣ избіенія» виднѣется свѣтъ догарающихъ огоньковъ и свѣтъ отъ фонаря въ глубинѣ площади. Карильонъ начинаетъ наигрывать наивныя и дѣтскія пѣсенки: «Ахъ, хорошъ мой табачокъ!» или: «Жилъ-былъ важный воронъ». У хозяина «балагана избіенія» вырывается вздохъ, онъ протягиваетъ руку и нажимаетъ кнопку. Слышится бряцанье, и вдругъ всѣ вмѣстѣ маріонетки поднимаются и выстраиваются).

Переводъ В. Н. Карякина.

ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ БЕЛЬГІЙСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

I.

ФЛАНДРІЯ.

Поля Спака *.

Тамъ, гдѣ хлѣба растутъ и зрѣютъ на просторѣ,
Когда-то зеленѣлъ лишь водорослей рядъ,—
И, гдѣ твой путь лежитъ, тамъ разстилалось море,
И рыбы плавали, гдѣ нынѣ — пышный садъ.

А ночью искрились въ волнахъ морскихъ свѣтила,
И, вѣря вдалекѣ зажженнымъ маякамъ,
Семья большихъ судовъ отважно проходила,
Гдѣ сѣно въ наши дни провозятъ по лугамъ.

Здѣсь мачты, паруса стонали подъ напоромъ
Бушующихъ вѣтровъ, — и гордо моряки
О славныхъ подвигахъ тѣ пѣсни пѣли хоромъ,
Что нынѣ мельники поютъ намъ у рѣки.

Былыя гавани давно ужъ обмелѣли;
Повсюду — ширь полей и сельскихъ гулъ работъ,—
И лишь въ волнахъ хлѣбовъ какъ-будто уцѣлѣли
Картины прежнихъ дней и шумъ ушедшихъ водъ.

Юрій Веселовскій.

---

* Поль Спакъ (род. въ 1870 году) — современный бельгійскій поэтъ и драматургъ, лучшая пьеса котораго „Kaatje“ (1908), имѣла большой успѣхъ и выдержала въ Брюсселѣ 50 представленій. Лучшій стихотворный сборникъ Спака — „Voyages vers mon pays“ (1907).

II.

ВЗЯТІЕ ЛЬЕЖА.

Феликса Бодсона. *

... Они въ воскресный день вошли, храня молчанье...
Скорѣе, чѣмъ прочесть молитву могъ иной,
Ужъ первые ряды желѣзною стѣной
У храма древняго стояли въ ожиданьѣ.

Тамъ, гдѣ былъ мирно столъ накрытъ въ старинномъ
зданьѣ,
Бросая трапезу, вставали всѣ толпой,—
И лица блѣдностью покрылись роковой
У старцевъ, юношей, предвидѣвшихъ страданье.

Отпора не было. Кругомъ — безсильный страхъ.
Всѣ ставни заперлись. Угрюмо шли въ рядахъ
Солдаты грубые, отдавшись озлобленью.

Вдругъ стали всѣ — и ждутъ, раздастся ли сигналъ...
И вотъ, взмахнувъ копьемъ, самъ вождь имъ при-
казалъ
Всѣхъ мирныхъ жителей подвергнуть истребленью!

Юрій Веселовскій.

* Феликсъ Бодсонъ — современный бельгійскій поэтъ, драматургъ, авторъ книги разсказовъ. Стихотвореніе „Взятіе Льежа", входящее въ составъ его сборника «Au long du chemin», относится къ событію, имѣвшему мѣсто въ 1468 году.

НАСТРОЕНІЕ ВЪ БЕЛЬГІИ ПРЕДЪ ВОЙНОЙ.

Надо хорошо знать небольшую Бельгію, чтобы вполнѣ представить себѣ, что за страшное преступленіе совершилъ Вильгельмъ II, этотъ жестокій и тщеславный ученикъ Бисмарка, ворвавшись въ нейтральную страну со своимъ войскомъ.

Надо помнить индивидуальный и независимый характеръ жителей Бельгіи, чтобы понять, какихъ враговъ нажила себя Германія и какимъ позоромъ покрыла себя, послѣ того, какъ считала и заставляла всѣхъ считать себя первой культурной націей Европы.

Надо было видѣть всѣ эти старинные города, съ чудесными художественными памятниками, часто XIV вѣка, съ ихъ соборами, башнями, ратушами, монастырями, чтобы нарисовать себѣ, что такое случилось въ этой маленькой странѣ послѣ вторженія разнузданной германской арміи.

Надо было съ чувствомъ глубокой симпатіи и интереса изучать эту страну, въ ея прошломъ и настоящемъ, ея искусство и ея литературу, чтобы теперь страдать глубоко вмѣстѣ съ бельгійцами и желать скорѣйшей побѣды союзниковъ надъ общимъ всей Европѣ врагомъ.

Надо было бывать и жить подолгу въ этой красивой странѣ, сотканной изъ контрастовъ природы, жизни, языковъ, въ этомъ миніатюрномъ Парижѣ, какимъ является Брюссель, въ этомъ грандіозномъ порту Антверпена, или въ этомъ тихомъ Брюгге, чтобы ощутить всю ужасную трагедію, которая происходитъ теперь тамъ изъ-за нарушенія законныхъ правъ нейтральнаго государства.

И еще такъ недавно все было спокойно... Мнѣ пришлось провести въ Брюсселѣ первую половину іюля нашего стиля и уѣхать, когда была объявлена австро-сербская война. 21/8 іюля бельгійцы шумно и весело праздновали свой національный день въ память революціи 1830 года, когда страна получила свою независимость. Съ утра въ Брюсселѣ уже раздавалась музыка всевозможныхъ оркестровъ: это проходили по улицамъ бельгійскія общества, кото-

рыхъ въ странѣ очень много, со своими знаменами на площадь Ратуши: на одномъ изъ бульваровъ была устроена шумная ярмарка-кермесса, съ балаганами, палатками, кіосками, всѣ кофейни были полны, магазины закрыты, всѣ веселились, смѣялись, какъ въ знаменитую эпоху Рубенса и Тенирса, а надвигавшаяся гроза была уже недалеко... Въ Бельгіи уже ощущался нѣкоторый отъѣздъ нѣмцевъ, на курортѣ Бланкенбергъ, гдѣ всегда живали почти исключительно нѣмцы, отчего бельгійцы не любили туда ѣздить, въ это лѣто почти никого не было...

Въ бельгійской прессѣ уже чувствовалась нѣкоторая тревога; всѣ опасались выступленія Россіи въ австро-сербскомъ конфликтѣ, а за нимъ всѣ считали непремѣннымъ вмѣшательство Германіи, Франціи и, пожалуй, Англіи; словомъ, многіе думали о возможности европейской войны. За послѣдніе дни, которые я провела въ Брюсселѣ, когда биржа была уже закрыта, деньги мѣняли съ большимъ учетомъ, и у всѣхъ на устахъ было одно слово: война, мнѣ пришлось услышать много интереснаго въ средѣ бельгійскихъ писателей и художниковъ, въ кругу которыхъ я вращалась. Многіе изъ нихъ были увѣрены, что, въ случаѣ войны Германіи съ Франціей, первая не задумается нарушить свои обѣщанія, вторгнется въ ихъ страну, чтобы застать Францію врасплохъ и обрушиться на ея, менѣе укрѣпленную, сѣверную часть. Никто не думалъ, что Франція могла бы поступить такъ же, но всѣ боялись, что воюющія стороны придутъ драться на ихъ землю, какъ это бывало не разъ въ прошломъ, какъ это было при знаменитомъ Ватерлоо. Нѣкоторые утѣшали себя надеждою, что все уладится, что мы живемъ въ XX вѣкѣ, что при теперешнемъ вооруженіи, при новѣйшихъ снарядахъ и аэропланахъ, война обратится въ какую-то бойню людей, а это невозможно.

Всѣ вспоминали, по этому случаю, какъ въ Палатѣ многіе депутаты нерѣдко высказывали ту мысль, что всѣ расходы на армію совершенно безполезны, что, если великія державы гарантировали на бумагѣ права Бельгіи, какъ нейтральнаго государства, то не корректно сомнѣваться въ искренности ихъ чувствъ. Къ тому же депутаты настаивали на томъ, что бельгійская армія такъ невелика по сравненію съ нѣмецкой или французской, что враждующія стороны, въ случаѣ войны, мигомъ проглотятъ ее... Соціалисты въ Палатѣ, во главѣ съ Вандервельде, хотя и высказывались за всеобщую воинскую повинность, все же настаивали на томъ, чтобы Бельгія обращалась скорѣе въ фабрику, чѣмъ въ казарму. Но депутаты, разумѣется, не могли не знать, что Германія является боль-

шой завоевательной державой, и, что, несмотря на успѣхи соціалистовъ въ средѣ нѣмецкаго народа, само германское правительство, военная партія, финансовый міръ, угрожаютъ всему міру, въ особенности своимъ бѣднымъ сосѣдямъ, на землю и промышленность которыхъ они давно мѣтятъ. За послѣдніе годы, когда мнѣ приходилось бывать въ Бельгіи, въ странѣ ощущалась надвигающаяся гроза германизма, чувствовалась неизбѣжность столкновенія, и изъ простого самосохраненія, или изъ вложеннаго прошлымъ въ натуру бельгійцевъ культа независимой свободы, они съ каждымъ годомъ становились все болѣе и болѣе ярыми германофобами. Никто изъ нихъ не отрицалъ могущества, силы и современнаго роста Германіи, никто не забывалъ, что нѣмецкій народъ выставилъ такихъ великихъ людей, какъ Гете, Гегель, Шопенгауэръ, Ницше, Вагнеръ, Бетховенъ и др., но всѣ, почти всѣ, если не считать отдѣльныхъ приверженцевъ Германіи, возставали противъ завоевательной политики Германіи и, основываясь на пріемахъ нѣмцевъ въ покоренныхъ ими странахъ, на постоянномъ угнетеніи, системѣ штрафовъ и задерживанія въ тюрьмѣ всѣхъ тѣхъ, кто въ Эльзасѣ, Польшѣ, Даніи хотѣлъ оставаться вѣрнымъ языку, религіи и традиціямъ, боялись за себя, за свою судьбу, въ случаѣ европейской войны и нѣмецкой побѣды. Всѣмъ бельгійцамъ было ясно, что Германія настойчиво идетъ къ своей цѣли въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ, но все-таки они довѣряли ей, данному ею слову. И мнѣ вспоминаются многія брошюрки и статьи, изданныя за послѣднее время и говорившія о такъ называемой «нѣмецкой опасности». Авторы статей указывали на то, что фламандское теченіе въ бельгійской жизни, настаивающее на введеніи всюду, въ школахъ, университетѣ, въ судахъ и административныхъ бумагахъ, фламандскаго языка въ ущербъ французскому, государственному языку, на три четверти поддерживается Германіей. Нѣмцы устраивали во фламандскихъ деревняхъ митинги, помогали подавать петиціи, нѣмцы, наконецъ, въ столбцахъ своихъ газетъ совѣтовали своимъ соотечественникамъ поддерживать фламандцевъ, какъ будущихъ товарищей и братьевъ, въ случаѣ общаго европейскаго конфликта.

Правительство Германіи, нѣмецкій финансовый міръ, за ними ученые и литераторы, всѣ устремляли свои взоры на Бельгію и учитывали, чѣмъ и какъ можно будетъ воспользоваться. Правительство давно уже мечтало, какъ бы завладѣть Антверпеномъ, который, по своему географическому положенію, явился бы прекраснымъ орудіемъ противъ Англіи. Существуютъ данныя, приводимыя во многихъ статьяхъ бельгійскими экономистами, что Германія готова

была отдать Бельгіи 550 гекторовъ земли возлѣ провинціи Льежа, чтобы только въ странѣ сдѣлали государственнымъ языкомъ нѣмецкій и чтобы образованіе шло подъ руководствомъ нѣмецкихъ профессоровъ. Финансисты нѣмецкіе не только учредили въ Брюсселѣ свой нѣмецкій банкъ, съ многими отдѣленіями въ другихъ большихъ бельгійскихъ городахъ, но постарались всунуть въ бельгійскіе и интернаціональные банки много нѣмецкихъ служащихъ и внести нѣмецкіе капиталы. Они наводнили собою Антверпенъ, поддерживая отчасти въ немъ фламандскій элементъ, стремясь всѣми способами изгнать изъ него французскую культуру. Если кому-нибудь вздумывалось войти въ книжный магазинъ въ Антверпенѣ и спросить какое-либо произведеніе М. Метерлинка, приказчикъ, непремѣнно, спрашивалъ, на какомъ языкѣ, на французскомъ или нѣмецкомъ, совѣтуя взять на нѣмецкомъ, такъ какъ послѣдній лучше передаетъ германскій духъ сочиненія. Если войти въ музей Антверпена, то первый каталогъ, который бросается въ глаза, составленъ по-нѣмецки. Наконецъ, въ Антверпенѣ существовала Нѣмецкая Школа, съ нѣмецкими профессорами; въ Брюсселѣ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ выходилъ журналъ Germania на нѣмецкомъ и фламандскомъ языкахъ, въ которомъ проводились идеи величія и современнаго значенія Германіи. Около Льежа было нѣсколько чисто нѣмецкихъ фабрикъ и заводовъ; во многихъ бельгійскихъ городахъ можно было встрѣтить нѣмецкія общества; въ Брюсселѣ открыто дѣйствовали нѣмецкіе шпіоны, покупавшіе въ большомъ количествѣ топографическія карты отдѣльныхъ мѣстностей, то Льежа, то Намюра и пр. Литературные критики Германіи, хотя и посвящали въ своихъ журналахъ хвалебныя статьи современнымъ бельгійскимъ писателямъ, Ж. Роденбаху, Метерлинку, Верхарну, но приписывали ихъ успѣхъ германскому духу произведеній; нѣкоторые нѣмецкіе профессора, издавая географическіе атласы, рисуя карты разграниченія между французскимъ и нѣмецкимъ языками, включали всегда Бельгію въ нѣмецкія владѣнія.

Впрочемъ, всѣ эти пріемы не вызывали большой перемѣны въ жизни бельгійцевъ; они мало обращали на это вниманія, такъ какъ, по врожденному благородству, вѣрили въ законность своихъ правъ и надѣялись, что, въ опасную минуту, Германія, которую всѣ народы считали наиболѣе культурной въ Европѣ, не нарушитъ своего слова. Когда года два тому назадъ, въ минуту извѣстной тревоги по поводу Марокко, когда война между Германіей и Франціей, казалось, была вопросомъ только дня, чуть ли не впервые у бельгійцевъ явились сомнѣнія, не нарушитъ ли Германія нейтралитета,

но она отвѣчала, что ни въ какомъ случаѣ не намѣрена этого сдѣлать. Бельгія могла быть спокойной и на этотъ разъ, и хотя принимала нѣкоторыя мѣры, мобилизовала часть войскъ, но скорѣе для обезпеченія своихъ границъ, какъ это она дѣлала и въ 1870 г. во время франко-прусской войны. Не надо все-таки забывать, что Германія въ 1870 г., если и не перешла бельгійской территоріи, то она воспользовалась безъ всякаго стѣсненія всѣми бельгійскими локомотивами, вагонами, платформами, которые остались въ ея предѣлахъ въ моментъ объявленія войны, и употребляла ихъ для посылки нѣмецкихъ солдатъ къ французской границѣ. Бельгія тогда ничего не могла сдѣлать. Впослѣдствіи въ Бельгіи не разъ среди военныхъ раздавались голоса, что необходимо передѣлать крѣпости, воздвигнуть новыя на границѣ Германіи, усилить войско возлѣ Льежа и Намюра, такъ какъ, въ опасную минуту, превосходно развитая сѣть желѣзныхъ дорогъ въ странѣ, прекрасныя шоссе только окажутъ огромную помощь Германіи въ войнѣ съ Франціей. Но никто не относился серіозно къ этимъ замѣчаніямъ, всѣ довѣряли Германіи, почему войска Вильгельма II такъ легко вторглись въ страну. Теперь въ Бельгіи все перевернулось; война внесла съ собой полное разореніе страны, нѣмецкая армія пролила кровь ея храбрыхъ сыновъ. Германскія войска проявили столько жестокости по отношенію къ мирнымъ жителямъ, старикамъ, женщинамъ и дѣтямъ, что подвиги герцога Альбы на этой землѣ по сравненію представляются ничтожными, несмотря на то, что ихъ раздѣляютъ вѣка. Правда, весь міръ, всѣ страны и народы выражаютъ Бельгіи сочувствіе и порицаютъ нѣмцевъ. Глаза всего міра устремлены на этотъ маленькій кусочекъ земли, на которомъ такъ храбро сражается король-герой съ своей небольшой арміей;—Бельгія пріобрѣла громкую славу, можетъ-быть, большую, чѣмъ та, которой она пользовалась въ средніе вѣка, но эта слава куплена цѣной крови, цѣной разоренія и нищеты. Богъ съ ней, съ такой славой! Она пришла слишкомъ поздно и обошлась слишкомъ дорого!

Марія Веселовская.

Шарль Ванъ-Лербергъ (1861—1907) занимаетъ видное мѣсто въ плеядѣ новѣйшихъ бельгійскихъ поэтовъ, или, какъ ихъ принято называть, поэтовъ Молодой Бельгіи. Онъ родился въ Гентѣ и воспитывался вмѣстѣ съ Метерлинкомъ въ коллежѣ Sainte Barbe. Перу его принадлежатъ сборники стиховъ „Entrevisions" и „La chanson d'Eve", маленькая драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ—„Les Flaireurs" и комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ „Pan". Кромѣ этого имъ въ разное время были помѣщены еще нѣкоторыя вещи въ стихахъ и прозѣ въ журналахъ: „La Jeune Belgique", „La Pleiade", „Parnasse de la Jeune Belgique", „Almanach de l'Université de Gand" и др. Идеализмъ и мистицизмъ въ соединеніи съ наивной прелестью и дѣтской чистотой составляютъ отличительное свойство его таланта. Его поэзія вся создана изъ радости, доброты и нѣжности. Жизнь представляется ему тихой и величавой, какъ прекрасный пейзажъ, залитый солнцемъ. Простота и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изысканность рисунка и туманная загадочность образовъ, уносящая наши мечты въ какую-то сказочную даль, сближаютъ произведенія Ванъ-Лерберга съ картинами фламандскихъ и италіанскихъ примитивовъ, оказавшихъ сильное вліяніе на его творчество. Про „Chanson d'Eve" поэтъ Альберъ Моккель сказалъ: „Пѣснь о Евѣ — это божественное младенчество первой женщины, но это также вѣчная легенда о молодой дѣвушкѣ, которая просыпается отъ невинности — къ любви, къ опьянѣнію пониманія и печали познанія". Я перевелъ изъ „Chanson d'Eve" двѣнадцать отрывковъ, представляющихъ каждый, самъ по себѣ, самостоятельное цѣлое, но неразрывно-связанныхъ между собой одной руководящей идеей и вполнѣ дающихъ понятіе объ этой дивной поэмѣ, полной чарующей граціи въ стилѣ Боттичелли. При переводѣ я всюду сохранилъ вольный стихъ подлинника и постарался какъ можно точнѣе передать всѣ особенности его выраженій, насколько это позволяли условія русскаго языка.

С. Головачевскій

ШАРЛЬ ВАНЪ-ЛЕРБЕРГЪ

П Ѣ С Н Ь О Е В Ѣ

ПЕРВЫЯ СЛОВА

Это первое утро творенья.
Въ дуновенiи новомъ надъ бездной морской,
Какъ стыдливый цвѣтокъ — тихой ночи рожденье,
Распускается садъ голубой.

Все сливается въ общемъ смѣшеньи;
Трепетъ листьевъ и крыльевъ полетъ,
Птичекъ звонкое пѣнье,
Говоръ бьющихъ ключей, голосъ вѣтра и водъ,
Первый шумъ мiрозданья,
Что однако похожъ на молчанье.

Вотъ юная Ева взглянула кругомъ
Взоромъ нѣжнымъ, нояснымъ,
Пробужденная къ жизни Творцомъ,—
И весь мiръ ей предсталъ сновидѣньемъ прекраснымъ.

И сказалъ ей Господь: „Дочь земли,
Обойди всѣ творенья Мои
И изъ устъ своихъ дай имъ названье,
Чтобы знать всѣ созданья!"

И Ева, Творцу повинуясь, пошла
Подъ розовой кущей,
И всей твари живущей
Изъ устъ своихъ имя дала:
Всему, что бѣжитъ, что летаетъ, что дышитъ...

Но склоняется день, — и, объятый тѣнями,
Засыпаетъ эдемъ,
Голубыми обвѣянный снами,
Неподвиженъ и нѣмъ,
Голосъ замолкъ, но ему вся природа
Еще внемлетъ и ждетъ,
Загораются на небѣ звѣзды,
И Ева поетъ.

И тихо твердитъ она снова,
Какъ-будто молясь,
Въ вечерній молчанія часъ,
Среди аромата ночного,
Святыя слова, что сама создала;
Устами дрожащими вновь называетъ
Все то, что бѣжитъ, что летаетъ, что дышитъ...
Слова свои всѣ передъ Богомъ
Она собираетъ
Въ первой пѣснѣ своей.

Господь сказалъ: „Дитя, ступай!
Я далъ тебѣ невинный рай,
Пріютъ для ангеловъ небесныхъ —
Онъ твой. Среди вѣтвей древесныхъ
Сверкаютъ въ немъ плоды и розы,
Но рви одни цвѣты
И на вѣтвяхъ оставь плоды!
Не разрушай счастливой грезы!

Въ земныя тайны заглянуть
Пытливо не старайся,
Страшись вещей постигнуть суть
И голосамъ не довѣряйся,
Что, искушая, манятъ къ безднамъ,
Ни зову змѣя, ни сиренамъ,
Ни голубямъ, что кличутъ страстно
Изъ темныхъ рощъ Любви!
Въ невѣдѣньи живи,
Не думай, пой!
Познаніе напрасно.
Живи, лишь Красоту любя! —
И истиной она пусть будетъ для тебя!“

ИСКУШЕНІЕ

Межъ розъ, въ своемъ саду, объятомъ тишиною,
Она съ поникшей головою
Задумчиво идетъ.

Движенья медленны; она, какъ-будто, дремлетъ.
Но нѣтъ, она не спитъ,— и даже видитъ все;
Остановясь, глядитъ своимъ померкшимъ взглядомъ
На, солнечнымъ лучомъ, залитые, цвѣты
У бѣлыхъ ногъ своихъ,— и тѣнь встрѣчаетъ рядомъ.

„Кто здѣсь?"... Отвѣта ждетъ она, полна мечты;
Тѣнь приближается, покровомъ темноты
Ложится медленно на яркіе цвѣты,
На ноги бѣлыя, растетъ, ее объемлетъ...
Не вечеръ ли настал? Она прилежно внемлетъ;
Но нѣтъ, не отблескъ то ночной.
Ни птицы въ небесахъ летящей,
Ни звука надъ землей.

А голосъ, между тѣмъ, зоветъ ее манящій...
Въ дрожащемъ воздухѣ объятія раскрыты...
Но тихо говоритъ она тогда:
„Божественъ тотъ, кто близится сюда,
Какъ дуновенье аромата,
Какъ запахъ скрытаго плода".

И прибавляетъ, улыбаясь:
„Какъ ночь глубокая, волнующая кровь..."

А голосъ шепчетъ ей, ласкаясь:
„Какъ Счастье и Любовь“.
Подъ жаромъ чьихъ-то устъ горятъ ея черты,
И кудри длинныя упали, разсыпаясь,
На землю и цвѣты.

Я, не его ль дыханіемъ объята,
Вся трепещу въ часъ яркаго заката,
Подобно золотой, смѣющейся волнѣ?
Я слушаю въ смятеньи...
Глухой тотъ ропотъ въ глубинѣ
Большихъ лѣсовъ, то не его ли голосъ?
И звукъ, похожій на паденье
Чуть слышное листовъ
Подъ вѣтромъ,
Не звукъ ли то его шаговъ?
Не образъ ли его — весь этотъ вечеръ ясный,
Что радуетъ мой взоръ и душу нѣгой страстной?
А трепетъ ужаса, объявшій все кругомъ,
И эта тишина нѣмая?
Не близость ли его здѣсь чуется во всемъ,
Меня, склонясь во прахъ, молиться заставляя,
Не онъ ли этотъ лучъ, вечерній отблескъ дня?
Не онъ ли этихъ розъ горячее дыханье?
Не онъ ли такъ влечетъ подъ тѣнь цвѣтовъ меня
И духъ приводитъ въ содроганье?

А ты, что взоръ ко мнѣ склоняешь свой чудесный
И слушаешь меня, мой Ангелъ безсловесный,
Я мысли той страшусь, что ты — все тотъ же Онъ,
Быть-можетъ, въ мірѣ есть одинъ лишь только Онъ,
Лишь Ты, мой тихій гость съ улыбкой неземною,
Ты, крылья свѣтлыя раскрывшій надо мною.

Сегодня у входа
Въ мой садъ я вечерней порой
Увидѣла юнаго бога.
Чудесный и странный,
Онъ бѣлой касался рукой
До древа того съ золотыми плодами,
Что смертью грозитъ.

Въ кудряхъ его розы блистали,
Любовь выражалъ его видъ.

Ни шаги мои между цвѣтами,
Ни біеніе сердца прервать не могли
Его думы глубокой,
Прости посылалъ онъ очами
Звѣздѣ, какъ и онъ, одинокой
И блѣдной въ лазурной дали.

Въ тѣни горитъ онъ
Плодъ золотой,
Въ листвѣ густой,
Какъ кладъ, сверкая,
Тебя, созрѣвъ, онъ ждетъ,
Прекрасный райскій плодъ,
Съ нимъ роза сравнится какая?

Закрывшись крылами,
Ангелы дремлютъ.

Ночь небо объемлетъ
Безъ звѣздъ надъ нами.
О! только
Коснись устами
Его слегка!...
Никто не узнаетъ.
Его вѣдь ласкаетъ
Вздохъ вѣтерка.
Слушай пѣсню любви!
Пусть сердце ей внемлетъ!
Приди и сорви!
Ангелы дремлютъ...

ПРОСТУПОКЪ.

Я сорвала, вкусила плодъ,
Что въ душу гордость льетъ,—
И я живу!
Его вкусила я устами,
Тотъ плодъ съ безумными мечтами.
Мой взоръ отверстъ, душа поетъ,
Равна я Божеству.

И новый міръ, иныхъ красотъ,
Передъ моей мечтой встаетъ;
Лучи исходятъ золотые
Отъ всѣхъ предметовъ на землѣ.
Людскимъ все было заблужденьемъ,
Пустымъ и ложнымъ сновидѣньемъ!
Прозрѣла, поняла впервые
Я съ Богомъ наравнѣ.

Пусть мирно цвѣтетъ въ безмятежности Рая
Волшебное дерево жизни и свѣта,
Отъ котораго смерти ждала я!
Не дрогнутъ въ восторгѣ листы,—
И радостью тихой объято,
Оно пурпуромъ дышитъ заката,
А гдѣ золотые виднѣлись плоды,
Тамъ розы раскрылись, на вѣткахъ пылая.

И вновь у чудеснаго древа
Богъ юный предсталъ предо мною
Съ вѣнкомъ изъ розъ на челѣ.
Его взоръ, что слѣдилъ за влюбленной звѣздою,
Вслѣдъ за нею склонился къ землѣ.
Улыбкой сіялъ его ликъ.
Онъ нагъ былъ; — и я ощутила
Свою наготу въ тотъ же мигъ
И въ трепетѣ новомъ глаза опустила.

И въ мирномъ саду прозвучалъ его голосъ.
Онъ мнѣ говорилъ: „Я — Любовь.
Я былъ раньше всего мірозданья,
Землей и водами рожденная дѣва!
Вѣрь только въ прекрасныхъ и юныхъ боговъ,
Что шествуютъ въ яркомъ сіяньи,
Въ вѣнкахъ изъ розъ,
Со стаей своей голубиной,
Среди воркованья!

Нѣтъ бога иного! Я — богъ твой единый.

СУМЕРКИ.

Руками блѣдный ликъ закрывъ, рыдала Ева.
То первый смертный вечеръ былъ земли.
Созданья свѣтлыя съ небесъ тогда сошли,
И воздухъ полонъ былъ ихъ сладкаго напѣва.

„Смотри!“ такъ хоръ ихъ пѣлъ, „въ вечерній этотъ часъ
Предъ нами все дрожитъ тревожно; —
Вѣдь ангеламъ красой съ тобой равняться можно.
Господь подобными тебѣ вѣдь создалъ насъ“.

Но Ева, блѣдный взоръ къ ихъ ликамъ поднимая,
Промолвила: „Увы!
Быть-можетъ, я была прекрасна, какъ и вы;
Теперь все кончено, теперь уже не та я“.

Зачѣмъ же ангелы покинули меня?
Зачѣмъ оставили одну меня томиться,
Когда ихъ помощи всѣмъ сердцемъ жажду я?

Зачѣмъ не слышу я, что мнѣ щебечутъ птицы,
Что говорятъ родные мнѣ цвѣты?
Какая же таинственная сила
Лишила чаръ мои ручьи, лѣса?
Зачѣмъ ихъ смолкли голоса,
Тогда какъ все бывало говорило
И было полно красоты?
Зачѣмъ все то, что поутру
Сегодня такъ мнѣ близко было
И ласки нѣжныя сулило,
Такъ стало чуждо ввечеру?
О, рай души моей безпечной,
О, чудный садъ невинныхъ грезъ!
Ни облачко скользящей тѣнью,
Хотя бы на одно мгновенье,
Твоей весны не загасило вѣчной,
И не завяла ни одна изъ розъ;—
А я, сама того не зная,
Ужель навѣки изгнана изъ рая?"

Въ одеждѣ изъ блѣдныхъ лучей,
Нѣжнѣе весеннихъ ночей
И легче эѳира,
Съ цвѣтами нездѣшняго міра
Въ волнахъ золотистыхъ кудрей,
Вотъ ангелъ, небесный посолъ,
По облачной лѣстницѣ тихо
На землю къ уснувшей сошелъ.

За ясною посланъ душой
Онъ подходитъ къ ней легкой стопой,
Какъ отблескъ разсвѣта далекій,
И, на свѣтлыхъ носкахъ
Приподнявшись надъ спящей,
Ея сонъ наблюдаетъ глубокій,
Гдѣ шепчется призраковъ рой
Въ сіяньи малютки — души,
Во мракѣ горящей.
Онъ гаситъ всѣ звуки и дуетъ на пламя;
Къ устамъ ея нѣжнымъ прильнувши устами,
Молчанье на нихъ налагаетъ
И сердце навѣкъ въ ней смиряетъ,
Къ нему прикоснувшись слегка
Рукой не тяжеле цвѣтка.

Вотъ блѣдная въ небѣ печальномъ заря засіяла,—
И Сонъ поднялся, золотое развивъ покрывало.

Съ душою вчерашнихъ цвѣтовъ
Возносятся въ міръ облаковъ,
Какъ-будто раскрытыя крылья
И ноги, бѣлѣе чѣмъ снѣгъ,
Съ землей разставаясь навѣкъ,
Среди тишины богомольной.

То Евы душа, уходя отъ земного,
Гаснетъ съ пѣніемъ въ блескѣ лучей;
Она съ міромъ сливается снова,
Что въ пѣснѣ воспѣла своей
Она грезой становится вновь сокровенной,
Обращается въ говоръ вселенной,
Въ тайный трепетъ вещей и въ журчанье волны,
Въ дуновенье надъ водной пучиной,
Въ вѣтерокъ межъ цвѣтовъ, надъ равниной,
И въ дыханье весны.

И въ аккордахъ неясныхъ, гдѣ слиты —
Біеніе крылъ,
Голосъ дальнихъ свѣтилъ
И цвѣтовъ опаденье,
Въ общемъ шумѣ творенья —
Замираютъ и таютъ напѣвы
Пѣсни Евы.

С. Головачевскій.

ГЕРОИЧЕСКАЯ БЕЛЬГІЯ.

То, что на нашихъ глазахъ совершается въ Бельгіи, происходило тамъ почти дословно триста лѣтъ тому назадъ.

Какъ нынѣ, нарушая договоры, въ страну ворвались войска германскаго императора, такъ въ XVI в., упраздняя право, вторглись во Фландрію солдаты испанскаго короля.

И какъ нынѣ, такъ тогда мирныя дѣти труда стали націей безукоризненныхъ героевъ.

Исторія не только иногда повторяетъ себя, порой она способна на злую иронію. Какъ это ни странно: наиболѣе восторженнымъ историкомъ борьбы Фландріи за ея независимость былъ сынъ, какъ разъ той страны, которая на нашихъ глазахъ уничтожала независимость Бельгіи.

Перелистывая пожелтѣвшія страницы старыхъ хроникъ, Шиллеръ былъ пораженъ перемѣной, происшедшей въ характерѣ фламандцевъ XVI в., какъ и насъ ошеломила перемѣна, совершившаяся въ темпераментѣ бельгійцевъ. «Этотъ народъ», замѣчаетъ Шиллеръ, «былъ самымъ мирнымъ во всемъ свѣтѣ и менѣе всего способнымъ на героизмъ... Обстоятельства застали его врасплохъ и навязали ему величіе, которое онъ иначе едва ли обнаружилъ бы и, быть-можетъ, болѣе никогда не обнаружитъ».

Шиллеръ видѣлъ предъ собою яркій примѣръ того, какъ иногда «нужда создаетъ геніевъ, а случай — героевъ».

Такъ возникла его «Исторія отпаденія соединенныхъ Нидерландовъ».

Обвинительный актъ противъ испанскаго имперіализма XVI в., не звучитъ ли она въ наши дни укоромъ по адресу германскаго имперіализма XX в. И развѣ мрачная фигура насильника Филиппа II не могла бы безъ ущерба быть замѣнена зловѣщимъ образомъ нарушителя договорныхъ грамотъ Вильгельма II?

ВЪ 1830 г. бельгія отложилась отЪ Голландіи, кЪ которой была присоединена на ВѢнскомЪ КонгрессѢ, и провозгласила свою независимость.

СЪ этого момента и начинается исторія современной бельгіи.

Не успѢла маленькая страна стать свободной, какЪ мысль ея художниковЪ и поэтовЪ сейчасЪ же обратилась назадЪ, кЪ полузабытой героической порѢ.

При свѢтѢ вновь завоеванной независимости ожила эпоха борьбы за свободу Фландріи вЪ XVI в., и именно изЪ этихЪ воспоминаній и родились вЪ значительной степени искусство и литература современной бельгіи.

ВскорѢ послѢ провозглашенія независимости, вЪ 30-хЪ и 40-хЪ гг., выступила такЪ называемая историческая школа живописи, и она и поспѢшила прежде всего воскресить предЪ свободной націей образы тѢхЪ, кто когда-то боролся за ея свободу. Лучшія изЪ этихЪ историческихЪ картинЪ принадлежатЪ художнику Луи Галлэ.

Одна изЪ нихЪ изображаетЪ, какЪ у окна стоитЪ осужденный на смерть вождь возставшей Фландріи, графЪ ЭгмонтЪ. ПолучивЪ послѢднее напутствіе отЪ служителя церкви, онЪ смотритЪ вЪ даль. И передЪ нимЪ проносится неясное видѢніе: надЪ горящими деревнями и разрушенными городами всходитЪ, наконецЪ, заря желанной свободы.

ПалачЪ сдѢлалЪ свое дѢло.

Трупы Эгмонта и его товарища Горна выставлены вЪ городской ратушѢ, и вотЪ гильдія брюссельскихЪ стрѢлковЪ приходитЪ отдать послѢдній привѢтЪ казненнымЪ борцамЪ за свободу...

Героическая борьба Фландріи за ея независимость увѢковѢчена не только вЪ твореніяхЪ исторической школы бельгійской живописи, но и вЪ томЪ романѢ, сЪ котораго начинается собственно исторія новѢйшей бельгійской литературы.

То «Легенда о ТилѢ УленспигелѢ» Шарля де-Ко́стера.

ЭтотЪ романЪ — національная эпопея бельгійцевЪ или, какЪ выразился одинЪ историкЪ литературы — ихЪ національная библія.

АвторЪ воспользовался для своей поэмы жизнью и образомЪ средневѢковаго балагура Тилля Эйленшпигеля, перенесЪ его сЪ нѢмецкой на фландрскую почву и сдѢлалЪ его національнымЪ героемЪ.

СынЪ рабочаго Класа, ТилльЪ — олицетвореніе юности со всей присущей ей измѢнчивостью, но и со всѢми ея порывами вдаль, кЪ правдѢ, красотѢ и свѢту. Весенней порой, когда яблони и вишни стоятЪ вЪ цвѢту, признается онЪ вЪ любви тихой и милой дѢвушкѢ, красавицѢ Нель.

Эти три фигуры не лишены символическаго значенія.

«Класъ», говоритъ авторъ въ началѣ своего романа, «это твое мужество, благородный фламандскій народъ, Тиль — твой умъ, а Нель — твое сердце».

Весенняя идиллія любви вдругъ заволакивается черными тучами: наступаетъ великая страда, часъ злой судьбы, la malheure... Въ цвѣтущую Фландрію вторгается войско завоевателя - насильника.

Удрученный годами и болѣзнями, призываетъ императоръ Карлъ V къ себѣ сына, угрюмаго Филиппа II, и, вручая ему скипетръ власти, учитъ его, какъ обращаться съ фламандскимъ народомъ.

«На словахъ», говоритъ онъ ему, «клянись имъ всегда соблюдать ихъ права и свободу, но если они могутъ стать тебѣ опасными, раздави ихъ».

И сынъ становится вѣрнымъ ученикомъ отца, убійцей цвѣтущей страны. Горятъ города и деревни. Опустошены поля. Тысячи жителей убиты и казнены. Среди нихъ и отецъ Тиля. И вотъ вдова собираетъ его прахъ въ ладанку, сшитую изъ чернаго шелка красными нитками, и, надѣвая ее на шею сыну, говоритъ:

«Да будетъ этотъ прахъ, который есть сердце отца твоего, и это красное, что есть его кровь, и это черное, что есть наша печаль, всегда горѣть на твоей груди, какъ пламя мести нашимъ палачамъ».

И Тиль клянется матери — т.-е., по толкованію автора, родной Фландріи—найти средство спасти отчизну. Онъ отправляется на праздникъ весеннихъ духовъ и узнаетъ отъ нихъ, что Фландрію спасти можетъ только таинственное семь (7). И вотъ онъ идетъ искать ее съ своей неразлучной подругой.

«Мнѣ страшно», шепчетъ ему Нель, «солнце садится, наступаетъ часъ духовъ. Посмотри туда, гдѣ лежитъ страна, которую король-палачъ дважды предалъ огню и мечу, видишь ли ты, какъ тамъ мелькаютъ блуждающіе огоньки. То души убитыхъ на поляхъ битвъ».

И Тиль отвѣчаетъ:

«Я чувствую, какъ прахъ отца горитъ на моей груди. О, если бы Христосъ показалъ мнѣ семерку, которая, будучи сожжена въ пепелъ и брошена на вѣтеръ, сдѣлала бы счастливыми Фландрію и весь міръ».

И вотъ они видятъ: идутъ семь смертныхъ грѣховъ, вскормленныхъ насильниками и завоевателями, они сгораютъ въ огнѣ душъ убитыхъ на войнѣ героевъ и выходятъ изъ пламени семью свѣтлыми добродѣтелями, геніями - хранителями мирныхъ временъ.

Такъ, воскрешая съ одной стороны героическое прошлое Фландріи, романъ Ш. де-Костера служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, прологомъ

къ жизни современной Бельгіи, превратившейся изъ арены воинственныхъ подвиговъ въ мирное царство труда.

На кладбищѣ въ Брюсселѣ нынѣ красуется памятникъ творцу «національной библіи» бельгійцевъ.

На выступѣ подъ изображеніемъ писателя сидятъ герои его легенды. На груди Тиля — ладанка, сшитая его матерью. Юноша чувствуетъ, какъ испепеленное сердце отчизны начинаетъ горѣть и биться на его груди. Во взорѣ его — ужасъ при мысли объ опустошенной странѣ, но и рѣшимость отдать за нее послѣднія силы, послѣднія капли крови.

На нашихъ глазахъ этотъ памятникъ въ честь героическаго прошлаго Фландріи неожиданно ожилъ.

Рѣшительнымъ движеніемъ сошелъ Тиль съ пьедестала и, взявъ въ руки непривычное ружье, мирный сынъ труда всталъ героемъ-солдатомъ на защиту родимой страны.

V.

Въ концѣ XVIII в. канцлеръ Кауницъ писалъ императору Іосифу II, что «если будетъ признана независимость Бельгіи, то ей будутъ покровительствовать сосѣднія державы, и бельгійцы могутъ стать однимъ изъ счастливѣйшихъ народовъ вселенной».

Эти слова оправдались въ XX в. выше всякой мѣры.

Не прошло и 75 лѣтъ со дня провозглашенія независимости, а Бельгія была ужъ одной изъ населеннѣйшихъ, трудолюбивѣйшихъ и богатѣйшихъ странъ міра.

Всюду закипѣла бодрая работа. Задымили фабрики и заводы. Въ подземныхъ шахтахъ застучала кирка.

Маленькая страна, занимающая всего на всего 30.000 кв. километровъ, укладывающаяся 124 раза въ пространствѣ европейской Россіи, насчитывающая не болѣе 7 милл. населенія, стала однимъ изъ самыхъ бойкихъ центровъ промышленности и торговли, и, потому, неудивительно, что сюда паломничали и иностранные художники, тѣ, которые стремились увѣковѣчить на полотнѣ нашъ вѣкъ торжествующей индустріи, какъ извѣстный англійскій художникъ Дж. Пеннель, изобразившій, напримѣръ, на одномъ изъ своихъ рисунковъ городъ Шарлеруа, одинъ изъ центровъ угольной промышленности, городъ, отъ котораго послѣ кипѣвшаго здѣсь грандіознаго боя между французскими и германскими войсками остались однѣ только развалины.

Вмѣстѣ съ промышленностью и торговлей росли и множились города. Нѣкоторые, правда, угасали, какъ Брюгге, этотъ воспѣтый Роденбахомъ городъ молчанія и смерти:

гдѣ грустъ на улицахъ пустыхъ царитъ всевластно,
гдѣ рѣдко слышится усталый звукъ шаговъ
и гдѣ прохожіе скользятъ, какъ привидѣнья.

Тѣмъ пышнѣе расцвѣтали другіе города, центры капитализма, цитадели промышленности и торговли, съ ихъ лихорадочной дѣловой жизнью, не смолкающей съ утра до поздней ночи. Не простая случайность, конечно, что именно въ Бельгіи была создана наиболѣе грандіозная эпопея о бытѣ и власти современнаго большого города. Если поэзія Ж. Роденбаха — панихида по умершимъ городамъ прошлаго, то поэзія Верхарна — апоѳеозъ расцвѣтающихъ городовъ промышленной эры, гдѣ

ребра мостовыхъ гремятъ,
бѣгутъ, звенятъ ряды фургоновъ,
воза пронзительно скрипятъ
и воздухъ полонъ дикихъ стоновъ,

гдѣ

мѣдь рекламъ въ пыли прозрачной
сіяетъ нагло съ высоты
надъ монументами, дворцами
лицомъ къ лицу, какъ въ битвѣ знамя,

гдѣ

казармы, фабрики, конторы
грохочутъ яростно, ревутъ
въ безумномъ вихрѣ напряженія.

Когда же наступаетъ вечеръ,

то городъ свѣтится далеко
и надъ равнинами царитъ
и блещетъ огненной одеждой
онъ — царь земли, ея надежда!
И рельсы искрятся въ туманѣ,
молніеносные пути;
они зовутъ, куда итти,
зовутъ насмѣшливо, лукаво
въ міръ силы, золота и славы. *

Хотя подъ вліяніемъ роста промышленности и городовъ земледѣльческое населеніе въ Бельгіи съ каждымъ десятилѣтіемъ сокращалось, хотя крестьянинъ-трудовикъ здѣсь вымирающій типъ, сохранившійся только въ бѣдныхъ мѣстностяхъ Кампины, хотя

* Перев. Н. Ч.

мѣсто его занялъ повсюду капиталистъ-арендаторъ, сельское хозяйство отъ этого нисколько не пострадало, напротивъ, за послѣднее полстолѣтіе производительность значительно поднялась во всѣхъ его отрасляхъ.

Словомъ, на рубежѣ XX в. родина Тиля стала не только царствомъ мирнаго труда, но и одной изъ богатѣйшихъ странъ Европы.

«Если бы», замѣчаетъ экономистъ Бертранъ, «все богатство страны было равномѣрно распредѣлено между всѣми жителями, то каждый гражданинъ, въ томъ числѣ и каждый только-что родившійся ребенокъ, владѣлъ бы капиталомъ около 5000 фр. и доходомъ въ 500 фр., или считая на семью — капиталомъ въ 25.000 фр. и доходомъ въ 2500 фр.».

Конечно, такого равномѣрнаго распредѣленія богатства между всѣми жителями нѣтъ въ Бельгіи, какъ его нѣтъ пока нигдѣ. На долю рабочихъ приходится очень незначительная его часть, ибо Бельгія — страна низкой заработной платы.

Тѣмъ не менѣе, родина Тиля страна не только цвѣтущая, но въ общемъ и счастливая.

И это сознаніе сказывается порой очень отчетливо въ стихахъ, какъ разъ, тѣхъ бельгійскихъ поэтовъ, которые стоятъ близко къ народнымъ массамъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ, напр., М. Эльскампъ, сынъ буржуазныхъ родителей, отказавшійся отъ своего привилегированнаго положенія и ставшій простымъ рабочимъ.

Его голосъ, стало-быть, до извѣстной степени голосъ самого народа.

Вотъ одно изъ его стихотвореній, проникнутое тѣмъ чувствомъ довольства и радости, которое знакомо только дѣтямъ счастливой страны.

Сегодня снова день воскресный.
И солнце въ утреннихъ лучахъ
И птицъ веселый хоръ въ садахъ,
Сегодня снова день воскресный.

Всѣ дѣти въ бѣломъ, сводъ небесъ,
Вдали строенья городовъ,
И Фландрія въ тѣни деревъ
И море сквозь узоръ древесный.

Всѣхъ ангеловъ сегодня праздникъ.
Со стаей чаекъ Михаилъ

И легкокрылый Гавріилъ.
Сегодня ангеловъ всѣхъ праздникъ.

А тѣ, что на землѣ живутъ,
Моей страны счастливый людъ,
Сегодня всѣ гуляютъ тутъ
И всѣ смѣются и поютъ.

Сегодня снова день воскресный.
У мельницъ шумъ колесъ затихъ.
Сегодня снова день воскресный
И конченъ мой воскресный стихъ.*

Такъ естественно, что искусство и литература Бельгіи, расцвѣтшія въ атсмосферѣ мирнаго труда, проникнуты любовью къ миру и любовью къ труду.

Можно безъ особаго преувеличенія сказать, что искусство и литература Бельгіи звучатъ, какъ свѣтлый гимнъ мирному труду.

Не простая случайность, что именно здѣсь родился художникъ, ярче всѣхъ воплотившій на полотнѣ идею вѣчнаго мира.

Въ Брюсселѣ есть музей имени Вирца.

Здѣсь собраны творенія одного изъ оригинальнѣйшихъ художниковъ Европы. Антуанъ Вирцъ выступилъ въ эпоху, когда живопись еще не преслѣдовала одни лишь красочныя тенденціи, когда она не стыдилась служить средствомъ пропаганды благородныхъ идей. Вирцъ и былъ прежде всего художникомъ-мыслителемъ, художникомъ-публицистомъ. Цѣлый рядъ его картинъ — памфлеты противъ завоевательной войны. Одна изъ нихъ носитъ названіе «Цивилизація XIX в.». Въ домъ, изъ котораго спасается полуодѣтая женщина съ груднымъ младенцемъ на рукахъ, ворвались солдаты. Съ дикимъ смѣхомъ направляютъ они свои ружья на несчастную, въ глазахъ которой свѣтится бездонный ужасъ. На другой картинѣ Вирца въ аду стоитъ съ лицомъ, холоднымъ, какъ ледъ, съ глазами, жестокими, какъ мечъ, Наполеонъ, символъ войны, ради міроваго господства, а вокругъ него толпятся съ искаженными чертами, съ сжатыми въ кулаки руками женщины и дѣти, осыпая его проклятіями, въ которыхъ дышитъ непримиримая ненависть. Изъ настоящаго — взоръ художника переносился въ далекое будущее, когда люди будутъ вспоминать о войнѣ, какъ о безумномъ, кровавомъ кошмарѣ. Эту носившуюся предъ нимъ мечту о вѣчномъ

* Перев. С. Головачевскаго.

мирѣ Вирцъ воплотилъ въ картинѣ, носящей названіе «Послѣдняя пушка». Передъ нами поле битвы, усѣянное ранеными. Съ плачемъ бросаются на нихъ жены и матери и сестры. А надъ полемъ брани, надъ этимъ адомъ безумія и ужаса, носится геній истинной цивилизаціи, и мощная и добрая рука его уничтожаетъ послѣднее орудіе истребленія.

Та же проповѣдь мира звучитъ и въ бельгійской поэзіи.

Такъ естественно, что именно здѣсь, гдѣ нѣтъ даже арміи, въ обычномъ смыслѣ слова, гдѣ никто никогда не помышлялъ о завоеваніяхъ, гдѣ никогда не созрѣвала идея имперіализма, идея міроваго господства, столь популярная въ Германіи, что именно здѣсь былъ созданъ наипрекраснѣйшій образъ апостола пасифизма, проповѣдника идеи примиренія всѣхъ народовъ.

То трибунъ Эреніанъ въ пьесѣ Верхарна «Зори», полагающій свою жизнь во имя евангельскаго слова: да будетъ миръ на землѣ.

Любовь къ труду, сочувствіе трудящимся — вотъ вторая основная мысль литературы и искусства Бельгіи.

Среди бельгійскихъ писателей и художниковъ есть, конечно, и такіе, которые стоятъ принципіально въ сторонѣ отъ соціальныхъ низовъ, отъ великой мастерской труда, такіе, которые ушли въ смакованіе исключительныхъ настроеній, въ созданіе утонченныхъ образовъ — однако, большинство убѣжденные демократы. Изъ міра обезпеченности и праздности они идутъ къ народу-труженику, къ народу-творцу матеріальнаго богатства. Тамъ, по ту сторону буржуазной жизни, находятъ они обычно свои положительныя фигуры. Достаточно вспомнить патріарха новѣйшей бельгійской литературы, недавно умершаго К. Лемоннье, автора романа изъ быта рабочаго класса, или Ж. Эккоута, герои котораго сливаются духовно или съ крестьянствомъ, или съ рабочими, или даже съ босяками. Достаточно указать на великолѣпный памятникъ, воздвигнутый поэтомъ Верхарномъ народу-труженику въ образѣ сѣдого кузнеца, который изо дня въ день стоитъ, склонившись надъ краснымъ горномъ, въ коронѣ изъ огня и искръ, думая свѣтлую думу о томъ времени, когда

не будутъ люди злобно и жестоко,
какъ волки, грызться межъ собой,
когда содружества простѣйшіе уроки
дадутъ народамъ миръ, а жизни — свѣтлый строй.*

И та же демократическая струя проникаетъ и бельгійскую живопись. Де Гру, Хермансъ, Леонъ Фредерикъ, Лармансъ — всѣ они

* Перев. В. Брюсова.

отдали свою кисть на служенiе народу. Какъ ни интересны ихъ картины, онѣ, однако, меркнутъ предъ чудесными скульптурами Конст. Менье. Нѣтъ во всемъ мiровомъ искусствѣ другого художника, творчество котораго звучало бы такимъ могучимъ и такимъ красивымъ гимномъ труду — творцу богатства и жизни. Олимпiйскiе боги античныхъ скульпторовъ, святые и мудрецы ваятелей Ренессанса превратились подъ рѣзцомъ бельгiйскаго художника въ простыхъ кузнецовъ и пахарей, грузчиковъ и углекоповъ, рыбаковъ и молотобойцевъ — мирныхъ героевъ труда.

Не простая случайность, что именно въ Бельгiи былъ созданъ величайшiй художественный памятникъ жизнедавцу - труду.

К. Менье придалъ этому апоѳеозу видъ полукруга: барельефы, изображающiе земледѣлiе, торговлю, промышленность и горное дѣло, чередуются здѣсь съ отдѣльными символическими фигурами, изображающими разные возрасты, темпераменты и профессiи...

Достигнутые страной на мирномъ поприщѣ труда успѣхи подготовили, естественно, почву для вѣры въ безпредѣльный прогрессъ человѣчества.

Даже Метерлинкъ, когда-то пѣвецъ смерти, увѣровалъ въ концѣ-концовъ въ синюю птицу, что живетъ и поетъ въ лазоревой странѣ. Даже онъ, авторъ «Слѣпыхъ», оплакавшiй безсилiе человѣка предъ лицомъ грознаго рока, сложилъ потомъ обвѣянную вѣрой и надеждой сказку о томъ, какъ люди не только порѣшатъ съ войной и болѣзнями, не только доведутъ до совершенства технику, не только установятъ общенiе между всѣми планетами, разбросанными въ мiровомъ пространствѣ, но и низложатъ дружными усилiями послѣдняго врага — смерть.

Такъ подъ влiянiемъ матерiальныхъ успѣховъ, сдѣлавшихъ родину Тиля одной изъ счастливѣйшихъ странъ свѣта, уступали героическiя традицiи Фландрiи мѣсто идеаламъ производительнаго труда, мирнаго развитiя и безпредѣльнаго прогресса.

А гдѣ-то въ глубинѣ народнаго духа продолжали незримо жить пережитки героическаго прошлаго.

Стоитъ только ближе присмотрѣться къ нѣкоторымъ образамъ, созданнымъ писателями, напр. къ браконьеру въ романѣ К. Лемоннье «Самецъ» или къ чернорабочимъ и босякамъ въ романѣ Ж. Эккоута «Изъ мiра бывшихъ людей» и нетрудно увидѣть, что въ этихъ смѣлыхъ удальцахъ, для которыхъ на свѣтѣ нѣтъ ничего выше борьбы и независимости, сохранилось нѣчто отъ воинственнаго прошлаго, — правда, въ искаженномъ видѣ, но нѣчто, способное наполниться болѣе разумнымъ содержанiемъ при наличности соотвѣтствующихъ условiй.

Присмотритесь въ особенности къ скульптурамъ К. Мёнье, къ его сѣятелямъ или къ его кузнецамъ — изваянія ли то труда, не римскіе ли то легіонеры? Въ ихъ позахъ и жестахъ, въ ихъ смѣлыхъ лицахъ чувствуется затаенная воинственная мощь.

Дайте имъ въ руки не плугъ, а мечъ, не молотъ, а ружье, и они станутъ солдатами геройской арміи.

Дабы совершилось такое превращеніе, нужны лишь соотвѣтствующія условія, и эти условія неожиданно созрѣли.

Пробилъ часъ злой судьбины, la malheure, по выраженію автора легенды о Тилѣ.

И всѣ, отъ короля до сѣятеля, отъ поэта до рабочаго встали, какъ одинъ человѣкъ, на защиту родимой страны.

Есть у Вирца картина, невольно приходящая нынѣ на память.

Въ мирную страну ворвалась армія насильника-завоевателя, все кругомъ опустошая, все попирая желѣзной пятой. Одинъ изъ солдатъ набрасывается на полуодѣтую женщину и хочетъ подвергнуть ее грубому насилію.

Но дама не растерялась.

Она схватываетъ пистолетъ и пускаетъ зарядъ въ лицо насильнику.

Картина носитъ названіе «Пощечина бельгійской дамы».

Эта женщина — символъ бельгійскаго народа.

На грубое насиліе вражескаго вторженія онъ отвѣтилъ мужественнымъ жестомъ отпора.

И вотъ ожила старая Фландрія XVI вѣка.

Мирныя дѣти труда стали націей безукоризненныхъ героевъ.

19 апрѣля 1831 г.—вскорѣ послѣ провозглашенія независимости Бельгіи — гарантировалъ прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III странѣ ея вѣчную неприкосновенность, а 22 іюля 1914 г. императоръ Вильгельмъ II нарушилъ слово предка, приказавъ своему послу заявить бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ, что, въ виду отказа на ультиматумъ о пропускѣ войскъ, онъ вынужденъ осуществить свой замыселъ силою меча.

Въ тотъ же день германскія войска вошли въ предѣлы Бельгіи около города Вервье.

Снова, какъ въ дни Филиппа II, какъ въ дни, когда жили Тиль и Нель, надъ цвѣтущей страной пронесся ураганъ опустошенія и смерти.

Подъ взрывами тяжелыхъ снарядовъ, подъ колесами бронированныхъ автомобилей, подъ копытами кавалерійскихъ массъ мир-

ное царство труда, созданное руками столькихъ прилежныхъ поколѣній, превращалось въ окутанную дымомъ, забрызганную кровью развалину.

Тамъ, гдѣ еще такъ недавно, какъ въ пчелиномъ ульѣ, съ утра до вечера кипѣла бодрая работа, воцарилось жуткое безмолвіе. Тамъ, гдѣ еще недавно стояли бойкіе города и богатые хутора, раскинулась сожженная пустыня.

Одинъ очевидецъ, вернувшійся изъ Бельгіи, такъ описываетъ представшую его глазамъ печальную картину:

«Города и деревни опустошены. Населеніе разбѣжалось. Всюду огромныя толпы разоренныхъ жителей. Они идутъ съ дѣтьми, унося жалкіе остатки имущества, накопленнаго въ теченіе многихъ лѣтъ упорнымъ трудомъ. Они идутъ сами не зная, куда лежитъ ихъ путь, зная только, что надо бѣжать, спасаться отъ опасности. Въ домахъ выбиты окна. Въ церквахъ — явные слѣды, что въ нихъ стояли солдаты. На поляхъ валяются окровавленныя шинели, трупы убитыхъ шрапнелью людей и издохшихъ отъ голода лошадей. На каждомъ шагу свѣжія могилы. Вся страна стала однимъ сплошнымъ кладбищемъ».

Обезлюдѣла самая населенная страна Европы, гдѣ еще такъ недавно на одинъ квадратный километръ приходилось 227 жителей (у насъ 20).

То, что сказалъ когда-то поэтъ Роденбахъ о «мертвомъ» Брюггѣ, примѣнимо теперь ко всей разоренной странѣ.

Тамъ вѣетъ холодомъ всеобщей тишины
И даже легкій шагъ, сорвавшееся слово,
Едва замѣтный шумъ, нежданностью своей —
Все нарушаетъ вмигъ спокойствіе вещей,
Какъ-будто смѣхъ вблизи уснувшаго больного *.

Въ пронесшемся надъ мирной страной труда безжалостномъ вихрѣ уничтожались не только матеріальныя богатства, созданныя столькими прилежными поколѣніями, но и духовныя цѣнности, памятники старины, эмблемы минувшей культуры, какъ храмъ св. Петра и университетская библіотека съ ея рѣдкими книгами и рукописями въ Лувенѣ, какъ старыя церкви св. Іоанна и св. Ромуальда въ Малинѣ.

Тѣмъ ярче выступаетъ на кровавомъ фонѣ опустошенія и смерти героическая отвага маленькой страны.

---

* Переводъ С. Головачевскаго.

Какъ только въ предѣлахъ Бельгіи показались первые непріятельскіе отряды, всѣ — отъ короля до пахаря, отъ поэта до рабочаго — слились въ единомъ чувствѣ, въ томъ чувствѣ, которое одна изъ строфъ брабансоны, національнаго гимна бельгійцевъ, облекла въ стихи:

A toi nos cœurs, à toi nos bras,
A toi notre sang, o patrie!

Словно многострадальная мать, родимая Фландрія, надѣла каждому изъ своихъ сыновей на шею ладанку, сшитую изъ чернаго шелка красными нитками, сказавъ:

«Да будетъ этотъ прахъ, который есть мое испепеленное сердце, и это красное, что есть моя кровь, и это черное, что есть наша общая печаль, всегда горѣть на вашей груди, какъ пламя мести нашимъ палачамъ».

Душой сопротивленія бельгійскаго народа былъ съ самаго начала войны король Альбертъ. Не колеблясь, сталъ онъ во главу своего войска. Не было такого мѣста, которое онъ счелъ бы для себя опаснымъ — въ самый разгаръ боя находился онъ на передовыхъ позиціяхъ или въ траншеяхъ. Не было такого момента, когда онъ разставался съ своими солдатами. Онъ дѣлилъ съ ними побѣды и пораженія, участвовалъ съ ними въ наступленіи и отступленіи. Неудивительно, что вокругъ его личности сложился на нашихъ глазахъ цѣлый вѣнокъ баснословныхъ разсказовъ, что уже при жизни онъ сдѣлался предметомъ легенды. Съ мужественной скорбью перенесъ онъ и взятіе германцами столицы Брюсселя, и паденіе послѣдней твердыни, Антверпена, и горькую необходимость уступить врагу всю территорію. Никогда не падалъ онъ духомъ, никогда не думалъ онъ о мирѣ, и потому, пока не исчезнутъ изъ памяти потомства воспоминанія о великой войнѣ народовъ, въ ней навсегда сохранится и симпатичный, хотя и скромный, образъ рыцарственнаго короля.

Такой же духъ доблести характеризуетъ и его генераловъ.

Достаточно вспомнить осаду Льежа.

4 августа командующій германской осадной арміей предложилъ въ послѣдній разъ генералу Леману сдать крѣпость, положеніе которой было безнадежно. Генералъ отвѣтилъ отказомъ. Собравъ своихъ офицеровъ въ послѣднемъ державшемся фортѣ — разсказываетъ газета «Petit Parisien» — онъ обратился къ нимъ съ товарищеской рѣчью:

«Вы храбро сражались за нашу родину. Ваша воинская честь не запятнана. Дальнѣйшее сопротивленіе было бы безуміемъ. Насталъ часъ намъ проститься. Я рѣшилъ умереть здѣсь».

Тогда офицеры, охваченные однимъ порывомъ, стали упрашивать генерала продолжать бой и поклялись умереть всѣмъ вмѣстѣ.

Въ послѣдній разъ загремѣли орудія, сотрясая полуразрушенные бастіоны. Потомъ воцарилась жуткая тишина.

И вдругъ раздался оглушительный взрывъ.

Генералъ Леманъ взорвалъ себя вмѣстѣ со своимъ фортомъ.

По странной случайности изъ всѣхъ защитниковъ послѣдняго форта въ живыхъ остался только онъ: нѣмецкіе санитары подобрали его подъ развалинами, и, когда его привезли въ Магдебургъ, Вильгельмъ II велѣлъ вернуть саблю мужественному защитнику Льежа.

Такой же геройскій духъ воодушевлялъ съ самаго начала войны и бельгійскую армію.

Въ Бельгіи до сихъ поръ еще нѣтъ всеобщей воинской повинности, такъ какъ противъ этой мѣры всегда высказывалось консервативное большинство палаты. Армія пополняется здѣсь добровольцами, а въ случаѣ ихъ недостатка, привлекаются всѣ такъ называемые военно-обязанные, т.-е. всѣ способные носить оружіе, достигшіе 20 лѣтъ, но не больше одного сына отъ семьи.

Нынѣ, когда для страны пробилъ часъ злой судьбы, la malheure, подъ знамя встали, вѣроятно, всѣ способные биться, и даже Метерлинкъ, пѣвецъ пассивнаго преклоненія предъ рокомъ, промѣнялъ перо писателя на ружье добровольца.

Бельгійская армія или, вѣрнѣе, вооруженный бельгійскій народъ обнаружилъ не мало мужества и отваги въ борьбѣ съ сильнымъ врагомъ, вооруженнымъ къ тому же баснословной техникой, и такая битва, какъ, напр., дѣло подъ Галеномъ (30 іюля), кончившееся отступленіемъ германцевъ,— правда, не крупное, ибо съ обѣихъ сторонъ участвовали, повидимому, не очень большія силы,— все же доказало, что, при извѣстныхъ условіяхъ, народная милиція не уступаетъ регулярной арміи, даже въ открытомъ полѣ.

Какъ ни мужественно сражались бельгійцы, силы были слишкомъ не равны. Пришлось отступить къ Антверпену.

И тогда нація рѣшилась еще на одинъ геройскій подвигъ.

Чтобы затруднить непріятелю военныя операціи, было рѣшено затопить всю долину между Антверпеномъ и Льежомъ.

«Чтобы понять самоотверженность бельгійцевъ», замѣчаетъ одинъ русскій инженеръ, «надо знать, что затопленный районъ былъ буквально кормильцемъ всей Бельгіи. У взорванныхъ плотинъ стояли динамомашины, дававшія электрическую энергію цѣлому ряду предпріятій, въ томъ числѣ знаменитымъ фабрикамъ брюссельскихъ кружевъ, тюля и т. д. Бѣдствіе это такъ велико, что я даже пред-

ставитъ себѣ не могу, въ какое время и съ какимъ грандіознымъ трудомъ удастся возстановить этотъ нѣкогда цвѣтущій край. Тѣмъ величественнѣе, конечно, геройскій подвигъ маленькаго бельгійскаго народа».

А желѣзное кольцо стягивалось все туже вокругъ несчастной страны.

Вся Бельгія сосредоточилась въ концѣ-концовъ въ одномъ городѣ. Антверпенъ и Бельгія стали синонимами.

Впрочемъ, истиннымъ сердцемъ страны и былъ всегда этотъ городъ, самый бойкій и шумный, самый «современный» и потому неудивительно, если его образъ увѣковѣчанъ въ цѣломъ рядѣ поэтическихъ произведеній.

Именно Антверпенъ воспѣтъ Верхарномъ въ его стихахъ о городѣ-великанѣ, въ его сборникѣ «Les villes tentaculaires».

Здѣсь предъ нами встаетъ знаменитая антверпенская биржа, бывшая еще въ XVI вѣкѣ однимъ изъ главныхъ центровъ денежнаго обращенія и торговыхъ сдѣлокъ.

Какъ чудище камня, стекла и металла,
Храмъ золота въ сумракѣ грозно стоитъ,
И въ немъ задыхаясь, съ мольбою усталой
Безумное сердце вселенной стучитъ.
Грызутся, какъ дикіе псы, капиталы
И вихри банкротства съ далекихъ морей
Свергаютъ во прахъ и крушатъ пьедесталы
Банкировъ земли, золотыхъ королей.

Предъ нами и знаменитый антверпенскій портъ, откуда со всѣхъ концовъ вселенной стекаются корабли, нагруженные богатствами земли.

Гудитъ громадный портъ устало;
Носы, кормы, винты судовъ
Волнуютъ пѣнистыя воды;
Дымятся тихо пароходы,
Ревутъ въ туманахъ вечеровъ.
Нагружены до самой кровли
И докъ и склады и навѣсъ.
Товары міровой торговли:
Желѣзо, мраморъ, бронза, лѣсъ
И глыбы угля до небесъ!
Весь океанъ, шумя, идетъ
Туда, гдѣ вѣчный городъ ждетъ *.

* Пер. Н. Ч.

Другой писатель Ж. Экхоуть окрестилъ Антверпенъ именемъ «Новаго Карѳагена» и посвятилъ ему подъ этимъ заглавіемъ одинъ изъ лучшихъ своихъ романовъ, гдѣ героемъ является не отдѣльная личность, не живое лицо, а именно самый городъ съ его заводами и биржей, портомъ и складами, съ его соціальными противорѣчьями и борьбой политическихъ партій, съ его кипучей жизнью протекающей между трудомъ и страданіями, между наживой и развратомъ.

По случаю столѣтія Рубенса устраивается пышный праздникъ во время котораго исполняется кантата, написанная виднымъ поэтомъ, въ которой изображается, какъ благородные города старой Фландріи, Брюгге и Гентъ, склоняются ницъ предъ Антверпеномъ, этимъ гордымъ и богатымъ parvenu *.

Не впервые подвергся на протяженіи своей исторіи Антверпенъ осадѣ. Уже въ дни Филиппа II, въ дни, когда жили Тиль и Нель, онъ былъ обложенъ испанскими войсками подъ начальствомъ графа Александра Пармскаго. Осажденные отбивались тогда довольно успѣшно, главнымъ образомъ, благодаря изобрѣтательности одного итальянскаго инженера, болѣе года (съ іюля 1584 по авг. 1585 гг.).

Съ тѣхъ поръ Антверпенъ успѣлъ превратиться изъ купеческаго порта въ первоклассную крѣпость и, однако, продержаться онъ сумѣлъ только 13 дней.

Вмѣстѣ съ паденіемъ крѣпости-порта перестала, собственно, существовать и Бельгія.

Вотъ почему плакало населеніе Антверпена, когда 27-го сентября въ городъ вошли — безъ музыки — германскія войска и, вотъ почему, его переходъ въ руки непріятеля вызвалъ такую «глубокую скорбь» и у насъ **.

Врагъ побѣдилъ.

Но есть побѣды хуже всякаго пораженія, какъ есть пораженія превыше всякой побѣды.

Эту справедливую мысль высказалъ еще въ XVII вѣкѣ одинъ бельгійскій поэтъ, Эдмонъ Брошё де-ла-Круа. Въ одномъ изъ своихъ маленькихъ стихотвореній, состоящихъ всего изъ четырехъ строчекъ — quatrain — онъ оставилъ потомству слѣдующее наставленіе.

Dans les plus grands dangers montrez vous magnanime
Que rien que le peché n'étonne votre coeur.
On périt glorieux quand on périt sans crime
Et perdant la victoire on demeure vainqueur.

* По рус. озаглавленъ «Защитникъ бездомныхъ».

** Какъ сказано въ посланной московскими гласными на имя короля Альберта телеграммѣ.

Въ опасностяхъ будь стойко-убѣжденнымъ,
Страшась лишь зла позорныхъ силъ,
Пусть суждено тебѣ быть побѣжденнымъ,
Коль чистъ твой духъ, ты побѣдилъ.

Эти слова забытаго поэта вполнѣ примѣнимы къ бельгійскому народу.

Побѣжденный грубой силой онъ морально остался побѣдителемъ, доказавъ, какъ и его предки, фламандцы XVI в., что мирныя дѣти труда могутъ стать націей безукоризненныхъ героевъ.

Въ романѣ Шарля-де-Костера встрѣчается между прочимъ такая сцена:

Тиль получилъ мѣсто дозорнаго на высокой башнѣ. Каждый вечеръ поднимается онъ наверхъ со своей подругой Нель.

«Оба они», говоритъ авторъ, «были исполнены силы, красоты и юности, ибо не могутъ состариться умъ и сердце Фландріи».

И вотъ они сидѣли тамъ наверху въ тихіе лѣтніе вечера и смотрѣли кругомъ. Куда ни падалъ ихъ взоръ, всюду разстилались поля битвъ, орошенныя кровью. И, затаивъ дыханіе, прислушивались они, не повѣетъ ли, наконецъ, надъ бѣдной страной, послѣ столькихъ испытаній, благодатный вѣтеръ свободы, le vent de liberté.

Такъ озирались на нашихъ глазахъ бельгійцы во всѣ стороны, поджидая появленія завѣтнаго избавителя.

Мужественно подставили они свой лобъ подъ страшный ударъ, ибо сильна была въ нихъ вѣра, что вотъ придутъ солдаты Франціи, родины свободы, и дерзкій врагъ покинетъ поля Фландріи. Французы пришли и—ушли.

Тогда взоры страны, пожертвовавшей собой для общаго дѣла, невольно обратились къ Англіи, къ гордой царицѣ морей. Когда германцы обложили Антверпенъ, Англія послала вспомогательный отрядъ, но онъ уже не могъ предотвратить паденія послѣдней твердыни.

И тогда грустное недоумѣніе невольно закрадывалось въ сердце трагически погибавшей страны.

Одинъ русскій литераторъ, находящійся нынѣ за границей, бесѣдовалъ какъ-то въ Малинѣ съ бельгійскимъ унтеръ-офицеромъ. Обрисовавъ бѣдственное положеніе родины, послѣдній воскликнулъ:

«Вотъ если бы пришли русскіе, мы бы быстро очистили страну отъ врага. А то, согласитесь, французы и англичане заняты исклю-

чительно Франціей. Мы понимаемъ, конечно, что это необходимо въ нашихъ общихъ интересахъ... Но все-таки...»

И онъ своей мысли не досказалъ.

Предоставленной своимъ собственнымъ слабымъ силамъ странѣ оставалось только, мужественно сражаясь, умереть.

И этотъ послѣдній геройскій подвигъ она выполнила также безукоризненно.

Истекая кровью, она изъ рукъ не выпустила ружья.

«Слава павшимъ за отчизну».

Такъ озаглавлена одна изъ картинъ художника Вирца.

Вокругъ знамени съ надписью Patria бьются до послѣдней капли крови неутомимые бойцы, и даже убитые продолжаютъ сражаться въ воздухѣ призрачной ратью за родимую страну.

Въ послѣднемъ нумерѣ газеты «Independance Belge» (издающейся нынѣ въ Англіи) была между прочимъ напечатана статья, выясняющая трагическую роль, выпавшую на долю маленькой страны въ великой войнѣ народовъ.

Авторъ закончилъ свою статью словами:

«Будемъ оплакивать нашихъ мертвецовъ, но будемъ также гордиться ихъ героизмомъ. Кто умираетъ за отчизну, умираетъ прекрасной смертью.

Ему доступно высшее наслажденіе: принести свою личность въ жертву великой идеѣ. Онъ постигъ радость, кончающуюся только вмѣстѣ съ жизнью, радость борьбы за свободу.

Пройдутъ вѣка. Разрушатся имперіи. Новые поднимутся изъ океана материки. Но дѣтямъ всегда будутъ говорить: въ эпоху второго нашествія германцевъ бельгійцы сумѣли умереть съ мечомъ въ рукѣ!».

Вл. М. Фриче.

Нѣтъ, я не свой... Я ужъ съ вами,
Люди — братья мои,
Тамъ, гдѣ покрыты вы рвами,
Гдѣ грохочутъ бои...

Я — безобиднѣе лани,
Я — порывъ безъ меча,
Мнѣ не пресѣчь поля брани —
Міровото бича!

Что моя воля — песчинка
И въ несчастьи слеза?
Предъ міровымъ поединкомъ
Смерти зрю я въ глаза...

Ахъ, если бъ вѣдать, что скоро
Кровью смоется зло —
Ринулся бъ самъ, безъ укора
Въ огневое жерло!

Семенъ Ѳоминъ.

Василій Денисовъ.

Дружина храбрая.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Именно сейчасъ, когда каждый возвращающійся изъ-за границы разсказываетъ ужасы, видѣнные или слышанные, мнѣ хочется вспомнитъ хорошее, какъ бы мало оно ни было. Вѣдь для того, чтобы мы всѣ могли еще жить, гораздо важнѣе не пропустить ни одной крупицы человѣческаго, чѣмъ запомнить десять проявленій звѣрскаго...

Мнѣ помнится Лондонъ, гдѣ я просиживалъ вечера на Дягилевскихъ спектакляхъ, почти не подозрѣвая того, что надъ горизонтомъ Европы уже сгущаются громовыя тучи. Англичане очень увлечены были русскимъ искусствомъ. Культурное и пресыщенное общество, давно уже замѣнившее понятіе народности понятіемъ національности, радовалось зрѣлищу яркой, наивной, лубочной Руси въ «Золотомъ Пѣтушкѣ». Это не былъ снобизмъ, это была искренняя дань народной Россіи, завершившаяся на послѣднемъ Шаляпинскомъ спектаклѣ бурей овацій и требованіемъ русскаго гимна. Англія умѣетъ цѣнить культуры народовъ, фольклоръ, и я понимаю негодованіе, охватившее соотечественниковъ Рёскина и Морриса при извѣстіи о гибели Лувена!

Я понимаю также и то, почему они такъ возмутились несоблюденіемъ Германіей обязательства по отношенію къ Бельгіи. Они привыкли цѣнить данное слово. Мнѣ вспоминается слѣдующій случай со мной.

Изъ-за суффражистокъ въ Національную галлерею пускали только съ рекомендаціей консульства. Заручившись такой рекомендаціей, я предсталъ передъ директоромъ галлереи. Онъ далъ мнѣ пропускъ, но я чувствовалъ, что этого для него недостаточно и, дѣйствительно, онъ вдругъ смущенно спросилъ меня: «Вы обѣщаетесь не причинять вреда картинамъ?» Я разсмѣялся. Но теперь я понимаю этотъ наивный вопросъ: англичанинъ знаетъ цѣну честнаго слова...

Въ вагонѣ, между Лондономъ и Діепомъ, сосѣдъ-французъ спросилъ меня, поѣду ли я на войну. На войну? Въ Лондонѣ

мнѣ казалась возможной лишь война на сценѣ, походъ царя Додона. Но въ Парижѣ говорили уже о настоящей войнѣ. Процессъ Кайо уже утратилъ остроту. Правда, въ день ея оправданія camelots du roi кричали на бульварахъ: «assasin-Caillaut», но интересы густыхъ, еле двигавшихся по улицамъ толпъ были направлены въ другую сторону — туда, гдѣ происходили манифестаціи рабочихъ противъ войны. Ибо рабочая федерація Сены дѣлала послѣднія усилія, чтобы повліять на правительство. Въ этой мирной войнѣ противъ войны палъ Жоресъ — черезъ два часа послѣ визита въ министерство. Эта смерть на славномъ посту, эта первая жертва еще не провозглашенной войны отняла послѣднюю надежду на миръ. И дѣйствительно — черезъ день германцы уже перешли французскую границу, и въ Парижѣ было введено осадное положеніе.

Жоресъ былъ убитъ въ тотъ моментъ, когда, утомленный отъ дневныхъ тревогъ, онъ съ улыбкой разсматривалъ фотографію новорожденной внучки своего товарища. Этотъ великій трибунъ любилъ не только политику, но и жизнь, любилъ въ человѣкѣ не только дальняго, но и близкаго. Онъ былъ настоящимъ французомъ, онъ былъ благороднѣйшимъ изъ всѣхъ французовъ — какъ Толстой былъ совѣстью всей Россіи. Карьеризмъ и интриганство французскаго парламентаризма не коснулись его при жизни, а его смерть сплотила всѣхъ, вплоть до его противниковъ, въ порывѣ лучшихъ чувствъ. Казалось, даже самая война облагородилась, унеся такую жертву — и пресловутая идея реванша была почти забыта во имя идеи національнаго достоинства, національной обороны. Я не знаю событія, равнаго по своей трагической красотѣ похоронамъ Жореса въ осадномъ Парижѣ...

Но Парижъ тѣмъ и великъ, что въ немъ всегда сосредоточены всѣ стороны человѣческаго духа, и малыя, и большія. По вечерамъ, когда небо жутко освѣщалось прожекторами, старики разсказывали объ ужасахъ осады 70-го года, пугали тѣмъ, какъ они ѣли крысъ. Днемъ толпы женщинъ панически дежурили у магазиновъ, запасаясь провизіей «на всякій случай», мальчишки били стекла въ нѣмецкихъ магазинахъ, а кокотки весело топтали дорогія вещи. Но я помню арестованнаго юношу рабочаго, который пытался говорить на улицѣ, что и нѣмцы — братья! Но я помню, съ какой мудрой твердостью провожали тѣ же старики и женщины уходящихъ солдатъ! Въ ревѣ толпъ, стоящихъ на перронѣ, не было рыданій — лишь тогда, когда поѣзда исчезали въ дымномъ туманѣ вокзала, матери, только что кричавшія имъ въ догонку «bon courage», давали волю безсильнымъ слезамъ...

Въ эти безумные дни — что дѣлали русскіе и каково было къ нимъ отношеніе? Быть-можетъ, впервые у большинства консьержекъ и лавочниковъ пробудилось уваженіе къ русскимъ — въ тѣхъ, кого раньше встрѣчали по костюму, а провожали по неоплаченнымъ счетамъ, увидѣли вдругъ представителей великой державы. Настолько великой, что не всѣ должны итти на войну, что есть неслыханная во Франціи льгота по семейному положенію. Но часто къ этому уваженію примѣшивалось и недоумѣніе: «какъ, вы — такой здоровый мужчина и не ѣдете въ Россію?» И ужъ совсѣмъ не могли понять, почему званіе эмигранта можетъ быть помѣхой званію солдата — во Франціи была дана политическая амнистія.

И вотъ представители великой державы шли въ посольскій дворъ — на «биржу», какъ его прозвали въ эти дни, ибо тамъ съ утра и до вечера толпились тысячи русскихъ. Здѣсь были богатыя дамы, офицеры, профессора, застрявшіе въ Парижѣ, мѣстные аборигены — эмигранты-интеллигенты и эмигранты-рабочіе.

Здѣсь съ утра и до вечера стояло нѣсколько «очередей» — мѣняющихъ деньги, получающихъ пособіе, спрашивающихъ о путяхъ въ Россію, спрашивающихъ «вообще» и, наконецъ, «записывающихся» на войну.

Эти послѣднія были наиболѣе интересны. Кто не живалъ въ парижской колоніи, тотъ не пойметъ, какой внутренній переворотъ нуженъ былъ ей для такого рѣшенія. Люди, долгіе годы проведшіе безъ живого дѣла, въ атмосферѣ безплодной «активной словесности» митинговъ, люди, казалось, навсегда лишившіеся способности къ дѣйственной жизни — вдругъ рѣшили взять ружье!

Напрасно русскіе гвардейскіе офицеры, застрявшіе въ Парижѣ изъ-за войны, старались объяснить окружавшимъ имъ еврейскимъ рабочимъ всѣ трудности диллетантскаго «корпуса волонтеровъ». И была не смѣшна, но трогательна эта настойчивость, съ которой парижскіе эмигранты отстаивали идею русскаго отряда. Это была новая Россія; а старая была тамъ, гдѣ консульскіе чиновники требовали при размѣнѣ денегъ прежде всего «ваши паспорта»...

Съ этой старой Россіей пришлось еще разъ столкнуться въ Лондонѣ, куда, въ надеждѣ перебраться домой, я поѣхалъ съ группой экскурсантовъ Московскаго бюро, застигнутой войной въ Парижѣ. Ихъ было 130 человѣкъ; не хватало денегъ и энергичные руководители группы рѣшили обратиться за помощью въ Британскую національную ассоціацію учителей. Президентъ и секретарь этой ассоціаціи тотчасъ же согласились дать экскурсантамъ 7 тысячъ рублей, но для очистки совѣсти предъ организаціей имъ нужно

было, чтобы русскій консулъ хотя бы словесно поручился за Общество Распространенія Техническихъ Знаній. Пошли къ нему. Консулъ, узнавъ отъ президента въ чемъ дѣло, совершенно растерялся — такъ неожиданно было для него, что англичане даютъ безъ расписки деньги какимъ-то русскимъ учителямъ. Тогда президентъ, повернувшись къ своему секретарю, сказалъ: «Ну, все равно — мы имъ дадимъ и безъ этого». Картина получилась символическая!

Такъ, благодаря британскому джентльменству, русскіе экскурсанты смогли тронуться въ путь. Въ Ньюкэстлѣ мѣстное населеніе устроило имъ трогательную встрѣчу, при чемъ весь учительскій персоналъ города былъ мобилизованъ для оказанія помощи русскимъ коллегамъ. И я думаю, никогда не порвутся человѣческія нити, связавшія британскаго педагога съ учителемъ глухого русскаго уголка...

Я остался въ Лондонѣ еще на нѣкоторое время и не жалѣю объ этомъ. Правда, въ Лондонѣ не было жуткихъ чаръ Парижа, не было атсмосферы трагедіи, но было свое, по иному интересное. Спокойно и дѣловито англичане готовились къ войнѣ, обсуждали войну. По улицамъ, ловко лавируя среди экипажей, мчались юные бойскоуты, проходили дѣти съ барабанами-жестянками; въ скверахъ и садахъ упражнялись молодцеватые волонтеры, для которыхъ война была чѣмъ-то въ родѣ праздничнаго завершенія спорта; въ паркахъ происходили митинги. Я помню воскресный день въ Гейдъ-Паркѣ — тысячи людей, густѣвшихъ группами около каждаго оратора. Вотъ духовный оркестръ Арміи Спасенія, вотъ проповѣдникъ Церковной партіи, говорящій не о мечѣ, но о Крестѣ; вотъ ораторъ-рабочій, протестующій противъ войнъ вообще. Но самое интересное — ораторши-женщины. Два митинга рядомъ, одинъ — подъ флагомъ Франціи; другой — подъ синимъ знаменемъ ново-зеландскихъ суффражистокъ. Маленькая нервная француженка призываетъ соотечественницъ и лондонскихъ женщинъ къ организаціи женскаго полка, «арміи Жанны д'Аркъ». «Будемъ требовать, чтобы насъ пустили итти рука объ руку съ нашими братьями», говоритъ она. «А что же будетъ съ нами и дѣтьми?» — спрашиваетъ какой-то французъ. — «Monsieur, la vie sentimentale est supprimée!», побѣдоносно возражаетъ ему новая Жанна д'Аркъ.

Совершенно въ иномъ тонѣ говоритъ новозеландская суффражистка, — опытный трибунъ, неумолкающій въ теченіе цѣлаго часа и ежеминутно награждаемый аплодисментами. Она говоритъ о томъ,

что въ часъ опасности должна быть забыта всякая распря между мужчиной и женщиной, что хотя женщины и не желаютъ войны, но онѣ должны прійти на помощь обществу и восполнить все то, что оставлено мужчиной — вплоть до полевыхъ работъ. И дѣйствительно, я чувствовалъ, что эта умная, крѣпкая женщина способна на всѣ тяготы жизни, что за ней грядетъ новое сознаніе, новая культура. Развѣ война — не банкротство нашей мужской цивилизаціи?

Оба митинга закончились исполненіемъ французскаго и англійскаго гимновъ и кликами въ честь Новой Зеландіи. Я вернулся домой съ чувствомъ какой-то большой радости — наперекоръ ужасамъ газетъ. А вечеромъ прочелъ въ одной изъ нихъ, что «англичанка предлагаетъ столъ и квартиру нѣмецкой военно-плѣнной, оставшейся безъ средствъ».

А вотъ что писала мнѣ черезъ нѣсколько дней изъ Парижа моя соотечественница:

«Война — позоръ для женщины; позоръ, что женщины, которымъ войны не нужны, которыя эту ненужность такъ чувствуютъ, еще не на высотѣ, достаточной для того, чтобы объяснить, помѣшать, остановить. Мы не можемъ больше ограничиваться тихимъ «bon courage» — мы не хотимъ только страдать, терпѣть, надѣяться, покоряться, ждать и плакать, мы хотимъ соглашаться лишь на тѣ страданія, которыя мы сами выбираемъ».

Развѣ это — не крупица «хорошаго», не залогъ будущаго мира? Война возможна только, пока женщина — сестра милосердія. Но грозенъ для Марса разрывъ съ Венерой, не желающей быть только Венерой!...

Парижъ, Лондонъ, Норвегія съ чудной дорогой отъ Бергена до Христіаніи, сѣверный Константинополь — Стокгольмъ — все осталось позади. Мы плыли Ботническимъ заливомъ къ Раумо — еще немного и мы будемъ на родинѣ. Но нѣтъ, бѣлый туманъ заставилъ насъ простоять нѣсколько часовъ на морѣ, оттянулъ встрѣчу съ родиной. Я не видѣлъ ее три мѣсяца, но казалось, что не видѣлъ три года. Что-то тамъ происходитъ? Если даже неправда, что Либава въ огнѣ, что Варшава взята, что страна — въ революціи, какъ писали нѣмцы, то, во всякомъ случаѣ, тамъ должно быть нѣчто новое, неожиданное...

И дѣйствительно, это новое и неожиданное поджидало насъ въ Россіи — «бутерброды русскимъ отъ города Выборга», всеобщая вѣжливость, отсутствіе пьяныхъ, какой-то бодрый подъемъ.

Со мной ѣхалъ офицеръ, выбравшійся изъ Парижа. Онъ сталъ разсказывать сѣвшимъ въ вагонъ выборгскимъ офицерамъ о Парижѣ и въ довольно иронических тонахъ изобразилъ боевой пылъ, охватившій тамъ русскихъ «жидковъ». Но какъ быстро остановили его собесѣдники-офицеры — «нѣтъ, это вы напрасно, евреи есть очень храбрые». Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что и Польша имѣетъ за собой «длинную и великую исторію». Это было новое сознаніе, новая Россія. Старая осталась тамъ, на палубѣ парохода, гдѣ русскіе путешественники, отъ нечего дѣлать, забавлялись еврейскими и армянскими анекдотами, не считаясь съ сидящими рядомъ еврейскими и армянскими запасными...

Но я все-таки не понималъ причины этого подъема, пока не услышалъ одинъ разговоръ въ вагонѣ III класса, между Петроградомъ и Москвой. Говорившіе вспоминали обиды, каждымъ изъ нихъ когда-либо испытанныя отъ нѣмцевъ — отъ управляющаго имѣніемъ, отъ фабричнаго мастера, отъ заносчивой бонны и т. д. Ясно было, что многое направлялось не по вѣрному адресу, но ясно было и другое, хорошее. Всѣ говорившіе понимали, что «это не то, что война съ японцемъ», что есть какая-то правая цѣль и для всѣхъ говорившихъ одолѣніе нѣмца было равносильнымъ одолѣнію золъ русской жизни — порывомъ къ чему-то лучшему, справедливому.

Эта новая, вѣжливая, трезвая и дѣйственная Россія рождается подъ грохотъ орудій, подъ стоны раненыхъ, подъ струи крови, подъ крики ненависти къ цѣлой націи. Но это — только послѣдній туманъ, отдѣляющій насъ отъ хорошаго, какъ тотъ бѣлый туманъ, что на нѣсколько часовъ задержалъ меня у самыхъ «хладныхъ финскихъ береговъ», подъ жалобный вой пароходной сирены. Туманъ разсѣется, будутъ обойдены опасныя шхеры и мы причалимъ къ берегу. Не растеряемъ же въ этомъ туманѣ, сбережемъ нашъ духовный багажъ — тамъ есть книги Гете, Жореса, Толстого.

Я. Тугендхольдъ.

СТРАСТНОЙ СОНЕТЪ.

Посвящается С. А. Лопашову.

Ты смерти ждешь, Мечта, въ мучительные дни...
Я плачу предъ тобой... ты на крестѣ распята...
Кровавое чело вѣнцомъ терновымъ сжато;
Подъ вѣчнымъ ужасомъ съ тобою мы одни.

Ко мнѣ скорбящій ликъ, свой кроткій ликъ склони!
Я вѣрный ученикъ, тебѣ внимавшій свято,—
Подобенъ жалобѣ, раздавшейся, когда-то,
Твой крикъ: „Или, Или, лама савахѳани?"

Копье сомнѣнія тебѣ наноситъ рану,
Но льется кровь твоя виномъ небесныхъ лозъ.
Я съ трепетомъ вкушать той чистой крови стану,—

И сердце робкою надеждою зажглось,—
И вѣрить хочется мнѣ чуду и обману,
Я жду, возстанешь ли изъ мертвыхъ, какъ Христосъ?

С. Головачевскій.

НЕВѢДОМЫЙ ГЕНІЙ.

По трупамъ кровавымъ, по грудамъ развалинъ,
Въ дыму, подъ раскаты орудій идетъ
Невѣдомый Геній, великъ и печаленъ,
Какъ Рокъ неизбѣжный, впередъ.

Кругомъ Его стоны, и плачъ, и проклятья;
Свой судъ нечестивый творятъ палачи,
Со скрежетомъ люди — недавніе братья —
Вонзаютъ другъ въ друга мечи.

Онъ дальше идетъ, непреклонно-суровый,
Готовя послѣднее слово Суда;
Въ рукахъ Его искрится факелъ багровый
И путь озаряетъ... Куда?

Куда приведетъ насъ невѣдомый Геній?
Къ какимъ, не открытымъ еще, берегамъ?
Какой для грядущихъ людскихъ поколѣній
Воздвигнетъ таинственный храмъ?

Возстанетъ ли послѣ кроваваго пира
Изъ праха и пепла, въ сіяньи мечты,
Свободное царство всемі876рнаго мира,
Гдѣ будетъ престолъ Красоты?

Создастъ ли Онъ міръ намъ чудесный и новый?
Достигнетъ ли съ нами желанныхъ высотъ?
Онъ молча идетъ, непреклонно-суровый,
Въ туманныя дали впередъ...

С. Головачевскій.

СОВРЕМЕННАЯ ДУША ФЛАНДРІИ.

Здоровая душа всякаго здороваго народа въ его творчески-религіозномъ чувствѣ, въ его искусствѣ, т.-е. въ сознанной потребности быть «праведнымъ» и въ то же время жить и наслаждаться всѣмъ, что доступно человѣку.

Въ XVI вѣкѣ Фландрія, сердце Бельгіи, вынесла всю жестокую тяжесть борьбы съ испанскимъ игомъ, при Филиппѣ II, порабощавшемъ не только умы и сердца, но и убивавшемъ въ людяхъ свѣтлое чувство стремленія пользоваться земными благами.

Борясь противъ Филиппа II, бельгійцы отстаивали не столько свободу отъ ненавистнаго ига, сколько сражались за свое физическое самоопредѣленіе, за свою свободу отъ навязываемой мечомъ морали принудительнаго, инквизиціоннаго аскетизма, отжившаго и пригоднаго для усталыхъ и побѣжденныхъ [1]. Фландрія же оказалась побѣдительницей.

Гуманный аскетизмъ съ девизомъ: «Кто можетъ вмѣстить, пусть вмѣститъ» хорошо былъ извѣстенъ бельгійцамъ XVI вѣка и задѣвалъ интимнѣйшія и глубочайшія струны фламандской души. Удалившіеся отъ свѣта затворники-художники, на грани XIV и XV вѣковъ, родоначальники старо-фламандской живописи: Ванъ-Эйкъ, Мемлингъ, Жераръ Давидъ, Роже Ванъ-деръ-Вейденъ, являлись представителями добровольнаго подвижничества, высокаго и благороднаго. Произведенія ихъ кисти были популярны.

Но истосковавшійся по свободѣ плоти фламандецъ XVI вѣка ждалъ уже новыхъ пророковъ: Рубенса, Жорданса, Брегеля съ ихъ опьянѣніемъ жизнью, культомъ тѣла, вакханаліей страстей и красокъ. И они, эти пророки, пришли и принесли съ собою наивную улыбку солнцу, ликующую безбоязненность плоти, стремленіе быть «праведнымъ» и въ то же время жить и наслаждаться...

---

[1] Не поступаетъ ли Вильгельмъ II въ XX вѣкѣ, подобно Филиппу II испанскому въ XVI, навязывая современному человѣчеству силою 28-мидюймовыя гаубицы, отжившій идеалъ героическаго милитаризма, претендующій быть мѣриломъ не только чести, но и совѣсти людской?

Вашъ взоръ постигъ и подсмотрѣлъ,
Межъ роскоши и межъ богатства,
Межъ ужасовъ и святотатства,
Всю красоту, всю прелесть тѣлъ.

На вашихъ радостныхъ полотнахъ
Нѣтъ женщинъ блѣдныхъ и худыхъ,
Какъ листья лилій водяныхъ,
Какъ лунный ликъ въ водахъ болотныхъ;

Нѣтъ ихъ больныхъ, усталыхъ глазъ,
Всегда задумчиво печальныхъ,
И — словно вздоховъ музыкальныхъ —
Склоненныхъ лицъ въ вечерній часъ;

Нѣтъ ихъ, простертой на диванахъ
Поддѣльной, лживой красоты
Въ шелкахъ, уборахъ изъ тафты
И въ кружевахъ благоуханныхъ.

Нѣтъ! вы не вѣдали румянъ,
Прикрасъ, обмановъ и глубоко
Во лжи сокрытаго порока,
Всего, чѣмъ вѣкъ нашъ гордъ и пьянъ!

У смѣло смятыхъ изголовій
Вы позволяли намъ взглянуть
На радостно нагую грудь, —
Въ полузадернутомъ альковѣ,

Гдѣ Афродита пастуховъ
И повседневныя Цитеры,
Стонали въ счастіи безъ мѣры,
Краснѣя отъ безстыдныхъ словъ!

И въ пышности средневѣковья,
Межъ золота и межъ порфиръ,
Всѣхъ вашихъ женщинъ пестрый міръ
Исполненъ силами здоровья!

Въ нихъ жиръ бѣлѣлъ, алѣла кровь,
Онѣ съ осанкой царской власти
Владѣли буйствомъ сладострастій
И радостью твоей, — любовь! [1]

---

[1] Изъ сборника «Видѣнія по пути» — «Les Apparus dans mes Chemins», poèmes, — стих. «Старые мастера» Эмиля Верхарна, пер. В. Брюсова.

Съ тѣхъ поръ, т.-е. съ расцвѣта, въ XVII вѣкѣ, фламандской живописи, возвышенный и мірской идеалъ ея не поколебленъ. Онъ воплотился и во фламандской скульптурѣ. Достаточно назвать хотя бы однихъ: Константина Мёнье и Жоржа Минна. Лучшіе представители бельгійской литературы XIX вѣка тоже остались ему вѣрны.

Такъ, геніальный Шарль-де-Костеръ [1] въ воскрешенной имъ національной легендѣ «Эйленспигелѣ», цѣннѣйшемъ произведеніи изящной словесности нашего времени, создалъ типъ спасителя Фландріи — символъ непреоборимой живучести своей богатой внутренними силами рассы, рвущейся къ свѣту и счастью на землѣ.

Благородный и гордый преемникъ де-Костера К. Лемонье, добившійся всемірнаго признанія за родной беллетристикой, въ слѣдующихъ словахъ формулировалъ свой идеалъ писателя:

«Придетъ время, когда всякій претендующій на общественное довѣріе и вниманіе долженъ будетъ доказать, что онъ самъ достоинъ имени человѣка» [2].

М. Метерлинкъ подарилъ родной Музѣ волшебный, тихій цвѣтокъ сближенія человѣческихъ душъ. Отъ этого тихаго, простого и мудраго цвѣтка тончайшими узорными путями тянутся искристыя волокна любви, тянутся отъ души къ душѣ, къ милліонамъ счастливыхъ и несчастныхъ, сильныхъ и слабыхъ, добрыхъ и злыхъ, гордыхъ и смиренныхъ, помогая ихъ самымъ могучимъ внутреннимъ порывомъ разрѣшаться въ глубинѣ совѣсти, безъ свидѣтелей, безъ жеста. Въ этой поэтической, задушевной, хотя немного туманной интуитивной связи писателя съ соціально-психологическимъ моментомъ переживаемой эпохи, съ обобществляющимся индивидуальнымъ «я», обобществляющимся въ интимнѣйшихъ своихъ моральныхъ проявленіяхъ — основа литературнаго значенія этого популярнѣйшаго въ Европѣ мыслителя-поэта.

Но ни въ комъ изъ бельгійскихъ писателей не выразились такъ полно и разносторонне современный духъ и плоть ихъ любимой ими героической страны, какъ въ Э. Верхарнѣ, общимъ голосомъ критики и почитателей названнаго «душой Фландріи». На этомъ «выразителѣ національнаго бельгійскаго духа» [3], гостившемъ въ прошломъ году въ Москвѣ, мы остановимся подробнѣе.

---

[1] «Charles De Coster» — 1827 — 1879 гг.

[2] Изъ рѣчи К. Лемонье на празднествѣ, происходившемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Брюсселѣ въ честь Э. Верхарна. Заимствуемъ приведенную выше цитату изъ газеты «Soir».

[3] Выраженіе бельгійскаго короля Альберта, присутствовавшаго на празднествѣ въ Брюсселѣ въ честь поэта.

I.

При самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ творчествомъ Э. Верхарна [1] — второй половины 80-хъ и начала 90-хъ годовъ — приковываетъ къ себѣ вниманіе не внѣшняя яркость и оригинальность, почти всегда присущія, по общему признанію критики, его поэтическимъ образамъ, а глубокая и острая нравственная мука нашего современника, создавшаго эти образы. Словно отъ какого-то громаднаго горя обезумѣлъ человѣкъ, близкій намъ по душевному строю, и самъ себя терзаетъ, нанося удары своему самому завѣтному.

О, возложите мнѣ на лобъ вѣнецъ терновый,
Пусть острые шипы вонзятся, какъ игла,
Пусть, мозгъ пронзая мой, горятъ мечтой багровой,
Въ его корняхъ кишатъ, клубясь видѣнья зла!...
Онъ будетъ дорогъ мнѣ въ моемъ безумьи мутномъ,
Какъ кустъ эбеновый, пылающій въ огнѣ,
Какъ языки огня, что схваченъ ураганомъ;
Мечты разбитыя воскреснутъ въ жгучемъ снѣ!...
Ты — скука знанія, осмѣянная нѣжность,
Бичъ угрызеній злыхъ, кровавыя мечты,
Вся горечь бѣшенства и вся страстей безбрежность...
Ты—зудъ отъ жала ихъ, когтей ихъ язвы ты!...
Ты—мой безумный вопль, вопль сдавленныхъ проклятій
Отвислымъ животамъ, ихъ шерсти золотой,
Богохуленье устъ, позоръ моихъ объятій,
Потокъ безсильныхъ слезъ подъ пыткой пролитой!...
Ты—всеобъемлющій, безрадостный, святой,
Мой царственный вѣнецъ ты освятишь, сгорая,
Мои уста, мой мозгъ, мой потускнѣлый взоръ,
Чело сонамбулы мечтою озаряя,
Ты освятишь мой бредъ, безумье и позоръ!... [2]

Горечью мечты разбитой, безсильемъ слезъ, подъ пыткою пролитыхъ, бредомъ и безумьемъ овѣяна для Верхарна этого періода вся природа. Миновало для него время бѣлыхъ и тихихъ надеждъ. Гаснутъ ли лѣтомъ въ деревнѣ, надъ зеркально-ясными прудами вечернія зори, онѣ кажутся ему распятыми на крестахъ и струящими,

---

[1] Э. Верхарнъ — Emile Verhaeren — род. — въ 1855 г. вблизи Антверпена.

[2] «La Couronne» — «Терновый вѣнецъ» — пер. Эллиса (Les Débacles). Изд. М. В. Веселовской «Молодая Бельгія» изъ сборн. ст. «Разгромъ».

капля за каплей, свою кровь въ болото, куда, быть-можетъ, пастухъ пригонитъ стадо или слетятся птицы...[1]

Бьютъ ли башенные часы полночь, бой ихъ представляется измученному воображенію трагедіей вѣчности, тяжелыми ударами своими обрушивающейся на мозгъ людской...[2]

Открывается ли предъ поэтомъ душа молчаливой дали, она надѣляется имъ глазами покойника и безмѣрно сжимаетъ сердце...[3]

Стелется ли предъ нимъ зимній, сумеречный туманъ, онъ несетъ съ собою меланхолію и скорбь, заволакивая мысли и сердце наблюдателя своими длинными погребальными саванами, холодными и угрюмыми. Въ частыя складки этихъ скорбныхъ савановъ вплетаются гонимыя печалью вѣтви, символы траура, и сухіе, вѣчно влекущіеся куда-то безпокойные листья. На горизонтѣ, далеко за туманами, среди глухихъ и страдающихъ отголосковъ жизни, звукъ усталаго церковнаго колокола то теряется и совсѣмъ затихаетъ, то снова жалуется и снова уходитъ умирать въ пустоту вечера, уходитъ одинокій, бѣдный и затерянный, точно воронъ, залетѣвшій подъ массивные, ветхіе своды средневѣковой арки и задремавшій тамъ подъ ихъ жуткой сѣнью. Пробудясь, воронъ стонетъ и рыдаетъ и тихо каркаетъ въ отвѣтъ робкому колоколу, каркаетъ — и вдругъ замолкаетъ: чудится ему, что въ церковной высокой башнѣ агонія навѣки потухла, что колоколъ умеръ...[4 и 5]

II.

Умерла наивная, нѣсколько языческая, полнокровная и спокойная вѣра Верхарна, вынесенная имъ изъ крестьянской патріархальной семьи, пошатнувшаяся впервые въ мрачныхъ, пугающихъ ребенка фарисейскихъ стѣнахъ іезуитскаго коллежа св. Варвары въ Гентѣ, умерла навсегда. Вмѣстѣ съ примитивной вѣрой рушилось и неразрывно связанное съ нею католически-фламандское практическое міросозерцаніе съ идеаломъ мирнаго, счастливаго существованія, идеаломъ, опредѣлявшимъ радостное отношеніе къ дѣйствительности и увлеченіе Верхарна «культомъ тѣла», «вакханаліей плоти», «опьяненіемъ жизнью» во вкусѣ фламандскихъ мастеровъ XVII вѣка, Рубенса, Жорданса и другихъ. Увлеченія эти отразились въ двухъ

1 Изъ сборника «Вечера». Стих. «Человѣчество». («Les Soirs», 1887; «Humanité»).

2 Изъ того же стихотв. «Humanité».

3 («Les Soirs», «Attirances», 1887) сборн. ст. «Вечера».

4 («Les bords de la Route») «Les Brumes», 1895.

5 Геніальнымъ предчувствіемъ великой трагедіи, переживаемой въ данный моментъ Бельгіей, кажутся намъ теперь эти стихи.

поэмахъ «Фламандцы» — Les Flamandes — и «Монахи» — Les Moines. Но уже въ Les Moines вырывается у Верхарна восклицанiе:

Только искусство на этой землѣ
Способно еще соблазнять и опьянять
Могучiй и одинокiй умъ.

Не вдаваясь въ сравнительный и детальный анализъ «Вечеровъ» и «Монаховъ», ограничимся лишь заявленiемъ, что скорбь по поводу трагической въ жизни изолированности человѣка, ищущаго гармонiи между смысломъ и красотой своей эпохи — основная нота, истинно-мiровой и въ то же время нацiональной, бельгiйско-фламандской поэзiи Верхарна, нота, звучащая во всѣ перiоды его творчества точно такъ же, какъ ясно звучитъ она сквозь цвѣтной смѣхъ Жорданса и переливающуюся красками вакханалiю страстей Рубенса. Только скорбь эта, соотвѣтственно моменту въ общественномъ настроенiи, къ перемѣнѣ котораго Верхарнъ удивительно чутокъ, драпируется у него, по обычаю старо-фламандскихъ живописцевъ, начиная съ Мемлинга, ванъ-Эйка и Бутса, въ ту или иную временную тогу, красочно-эффектную.

Здѣсь невольно приходятъ на память слова Верхарна объ англiйскомъ художникѣ Фернандѣ Кнопфѣ, — вполнѣ примѣнимыя къ нему самому:

«Возвышенная душа всегда одинока, всегда длительно и мистически сосредоточена. Иногда она лицемѣритъ веселостью и свѣтскостью, но сущность отъ этого не мѣняется» [1].

III.

Чѣмъ еще кромѣ фламандской наклонности къ мистикѣ, кромѣ индивидуально-психологическаго кризиса, переживаемаго, кстати сказать, въ извѣстномъ возмужаломъ возрастѣ, всякимъ самобытно думающимъ и чувствующимъ человѣкомъ, и тяжелаго физическаго заболѣванiя Верхарна; въ эту пору опредѣлялся выборъ имъ одноцвѣтной, особенно, мрачной тоги «Вечеровъ» — Les Soirs и «Разгрома» — Les Débâcles? Кризисомъ общественно-психологическимъ, отвѣтимъ мы, общимъ тогда для Францiи и Бельгiи (да и только ли для этихъ двухъ странъ?), вызваннымъ интеллектуальнымъ маразмомъ, послѣдовавшимъ за 1870—71 годами, за побѣдой Германiи надъ Францiей, побѣдой, приведшей къ окончательному и безпо-

[1] Цитату эту заимствуемъ изъ книги Валерiя Брюсова: Эмиль Верхарнъ, „Стихи о современности“.

воротному крушенію на долгое время широкихъ идеаловъ соціальной справедливости...

На литературномъ банкетѣ, устроенномъ въ 1883 г. журналомъ «Молодая Бельгія», Камиллъ Лемонье тщетно, какъ показало близкое будущее, несмотря на одобрительно-шумные аплодисменты Собранія, обращался къ болѣе молодымъ своимъ собратьямъ по перу, указывая на настойчивую необходимость не ограничиваться изображеніемъ тѣсной области своего внутренняго міра, краха своихъ личныхъ надеждъ и упованій, экзотическихъ впечатлѣній, оторванныхъ отъ реальной среды, а просвѣщать эту среду, поднимая умственный и нравственный уровень народа до высоты сознанія національной и соціальной задачи. Тщетно взывалъ К. Лемонье, находившійся подъ обаяніемъ новой теоріи научнаго натурализма. Вся бельгійская литература, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, неудержимо влеклась къ мрачнымъ, изверившимся въ себѣ настроеніямъ.

Такъ, Жоржъ Роденбахъ [1] искалъ послѣдняго убѣжища въ искусствѣ и призывалъ къ себѣ смерть-избавительницу.

Альбертъ Жиро [2], надменный и холодный виртуозъ формы, даетъ своей книгѣ характерное заглавіе «Вонъ изъ вѣка!» — Hors du Siècle, — презирая дѣйствительность, ища идеаловъ красоты въ XIV вѣкѣ.

Иванъ Жилькэнъ [3], бельгійскій Бодлэръ, товарищъ Верхарна по коллэжу св. Варвары, издалъ въ 1890 г. La Damnation de l'artiste — «Проклятіе художника», въ 1892 г. Les Ténèbres — «Мракъ», книги, пропитанныя демоническимъ отрицаніемъ, стремленіемъ уйти отъ земли куда-то выше.

Мягко-разочарованный и музыкальный Фернандъ Северенъ [4] искалъ «Счастливаго одиночества» — La Solitude heureuse — и не находилъ.

Андрэ Фонтэнасъ [5], исчерпавшій до дна на практикѣ теорію «опьянѣнія жизнью», разочаровался и впалъ въ безнадежность.

Погруженный въ ту пору въ жуткую мистику Метерлинкъ, переживалъ душевную драму, сходную въ своей сущности съ драмой Верхарна.

Ванъ-Лербергъ [6] писалъ своихъ тревожныхъ и мрачныхъ «Ищеекъ»—Les Fleureurs,—воплощая въ «Ищейкахъ» смерть.

---

1) Georges Rodenbach, ровесникъ и другъ Верхарна, род. въ 1855 г., авторъ «Мертваго Брюгге» и «Прялки тумановъ» — перев. М. В. Веселовской.

2 Albert Giraud—псевдонимъ; настоящ. фам. Keinberg, родился въ Лувенѣ въ 1860 г.

3 Iwan Gilkin родился въ Брюсселѣ въ 1858 г.

4 Fernand Severin родился въ 1867 г.

5 André Fontainas родился въ Брюсселѣ въ 1865 г., находился подъ вліяніемъ Маллармэ

6 Charles van-Lerberghe родился въ Гентѣ въ 1866 г.

Жоржъ Экоутъ [1] черными красками изображалъ ужасы нищеты и человѣческой придавленности. Сквозь сгущенныя краски у него просвѣчиваетъ порою полная безнадежность.

Изъ этой краткой характеристики тогдашнихъ литературныхъ теченій видно у какого огромнаго и чернаго «столба распутья міроваго» [2] стояла въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія фламандская душа...

Въ вечернемъ сумракѣ души опустошенной
Воздвиглись черныя видѣнья злыхъ боговъ [3],
Какъ глыбы мертвыя въ оправѣ изощренной
Каменьевъ дорогихъ и дьявольскихъ роговъ.
Селитра ихъ зрачковъ горитъ въ полночномъ мракѣ,
Какъ волчій, хищный глазъ, какъ мертвый взоръ луны,
Въ сердца вонзаются ихъ огненные знаки,
Они влекутъ мой духъ, ужасныхъ тайнъ полны!
Зла воплощеніе, лишь зло для зла питая,
Въ часъ звѣздной полночи, подъ властью черныхъ сновъ,
Они воздвиглися, какъ черный строй столповъ,
Лишь тѣни ужаса въ моей душѣ кидая.
И каждый жаждетъ стать единымъ властелиномъ,
Враждуя противъ всѣхъ... надъ нимъ желѣзный сводъ,
И каждый высится безмолвнымъ исполиномъ
И лезвее мечты губительной куетъ...
Здѣсь—боги ярости и бѣшенаго мщенья,
Здѣсь тотъ, чей острый зубъ пытаетъ, не спѣша,
Одинъ въ безмолвіи находитъ упоенье,
Тотъ разверзаетъ пасть, лишь пламенемъ дыша;
Владыки вѣчные души опустошенной!
Вы — боги давнихъ грозъ и отгремѣвшихъ бурь,
Вы — палачи души, навѣки пораженной,
Порвавшіе давно моихъ небесъ лазурь!
Вы—звѣри лютые, безчувственныя скалы,
Печальные, какъ ночь, нещадные всегда,
У вашихъ ногъ мой трупъ, мой разумъ обветшалый,
Весь сонмъ моихъ безумствъ, не вѣдавшихъ стыда!...
Сдавите жъ грудь мою, какъ жертва, я безгласенъ,
Пусть щупальцы страстей мнѣ душу оплетутъ,
Подъ вашей тяжестью мой жалкій стонъ напрасенъ,
Когда желѣзныхъ бурь уста мой слѣдъ сметутъ!...

---

[1] Georges Eckhoud родился въ Антверпенѣ въ 1864 г.

[2] Выраженіе изъ стих. Верхарна «Трибунъ». Пер. В. Брюсова.

[3] Изъ «Les flambeaux noirs» («Черные факелы»). Пер. Эллиса. — «Les Dieux» (Боги). «Молодая Бельгія». Изд. М. В. Веселовской.

IV.

Предъ Верхарномъ этого періода открывалась печальная дорога покорности судьбѣ католическихъ мистиковъ, въ родѣ его друга Жоржа Роденбаха, дорога, ведшая къ неизбѣжной смерти таланта. Опасность такого пути понималъ Верхарнъ, знавшій еще въ коллежѣ св. Варвары грустную участь людей, предавшихся подобной мистикѣ. Увлечься модной въ то время теоріей научнаго натурализма онъ тоже не могъ, слишкомъ онъ поэтъ и экстатическій лирикъ для этой теоріи, требовавшей отъ художника-писателя качествъ строгаго и точнаго классификатора-ученаго, которыми обладалъ, напримѣръ, въ высокой степени Эмиль Зола. Къ тому же и суть этой новой тогда теоріи, сливавшей въ одно цѣлое понятія истины и красоты, не могла удовлетворять Верхарна. Инстинктъ художника подсказывалъ ему, что красоту нужно искать не въ истинѣ, а въ реальности, живой, измѣнчивой. Но какъ найти ее, эту красоту, въ окружающей дѣйствительности, когда та же дѣйствительность, набрасывая кровавую безотрадную тѣнь на самую безобидную и дорогую для поэта-лирика область, область пейзажа, отвергалась и мыслью и эстетическимъ чувствомъ, все еще питавшимися одряхлѣвшими корнями рухнувшаго, принятаго на вѣру, традиціоннаго міровоззрѣнія?

Въ этихъ мятущихся поискахъ красоты въ реальности драма Верхарна, роднящая его съ творческимъ духомъ всѣхъ культурныхъ народовъ и, въ частности, съ русской душой. Итакъ, повторяемъ, Верхарну предстояло найти гармонію между смысломъ и красотой своей эпохи, т.-е., понявъ и сознательно принявъ дѣйствительность, выработать новое міросозерцаніе и возродиться. Задача трудная и, помимо своей трудности, требовавшая отъ мудреца, пожелавшаго ее разрѣшить, ухода въ современную пустыню, особенную, шумную и кипучую страстями. Тамъ, въ этой оригинальной пустынѣ, не затихавшей ни днемъ, ни ночью, можно, живя въ полномъ внутреннемъ уединеніи, безъ помѣхи погружаться до темнаго дна своего «я» и проникать до самыхъ потаенныхъ источниковъ извѣрившейся въ своихъ силахъ, въ непосильной борьбѣ съ міромъ, отдѣльной людской особи. Тамъ же можно, оставаясь одинокимъ, наблюдать со стороны лихорадочную дѣятельность огромнаго людского муравейника и, благодаря этимъ наблюденіямъ издали, невольно воодушевляться надеждой на коллективную, слитую человѣческую индивидуальность, на ея мощь и все выносящую силу.

V.

И Верхарнъ нашелъ эту оригинальную и цѣлительную пустыню... въ столицѣ Англіи, поселившись на нѣкоторое время въ Лондонѣ. Вначалѣ, чужой огромный городъ дѣйствовалъ на поэта угнетающе, обостряя въ немъ ощущенія міровой скорби и внутренней безнадежности. Наконецъ, Лондонъ пахнулъ на него мощнымъ крыломъ «Духа Вѣка». И тотъ Духъ представился ему въ образахъ гигантовъ городовъ съ коллективной, слитой человѣческой индивидуальностью, могучей и всепобѣждающей. Коллективная индивидуальность эта идетъ насмѣну отдѣльнымъ особямъ людскимъ и деревнямъ, тихимъ и милымъ сердцу художника «уже покинутымъ навѣки божествомъ»...

... О города,
Какъ стражи, ставшіе по странамъ, на полянахъ,
Вмѣстили въ свой затворъ достаточно труда,
И свѣта новаго, и силъ багряныхъ,
Чтобъ опьянить безуміемъ святымъ
Умы, живущіе тревогой неизмѣнной,
Разжечь ихъ жаръ и дать упорство имъ... [1]

Мыслью, воображеніемъ и внѣшней стороной чувства, склонной плѣняться буйнымъ размахомъ организаторской и созидательной роли крупнаго капитала въ современномъ обществѣ, Верхарнъ — на сторонѣ «Духа Вѣка», интимнѣйшими же симпатіями своими связанъ съ примитивной деревней, съ воспѣтыми имъ просторомъ и тишиной «живой дали полей». Съ тревогой спрашиваетъ онъ себя, что ожидаетъ въ будущемъ поля, «заклятыя отъ всѣхъ безумствъ и лживыхъ сновъ»? что ждетъ

Сады, открытые для радостныхъ трудовъ,
Сіяньемъ дѣвственнымъ наполненныя чаши?
Васъ обрѣтемъ ли вновь, и съ вами лучъ разсвѣтный.
И вѣтеръ, и дожди и кроткія стада,
Весь этотъ старый міръ, знакомый и завѣтный,
Который взяли въ плѣнъ и скрыли города?

И тутъ же на послѣдній вопросъ высказываетъ такое предположеніе:

Иль вы останетесь земли послѣднимъ раемъ,
Уже покинутымъ навѣки божествомъ,

[1] Изъ сборн. «Лики Жизни» — «Les Visages de la Vie», пер. В. Брюсова, стих. «Города и Поле».

Гдѣ будетъ сладостно, лучомъ зари ласкаемъ,
Мечтать въ вечерній часъ мудрецъ предъ тихимъ сномъ?...

Здѣсь невольно приходятъ на память всѣмъ извѣстныя слова Пушкина:

Не для корысти, не для битвъ,—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ...

Бельгійскій поэтъ, мы думаемъ, тоже повторилъ бы ихъ охотно, если бы въ наше время они не являлись уже благороднымъ анахронизмомъ. «Духъ Вѣка», заключающій въ себѣ «моментъ вѣчности», признающій лишь «корыстныхъ» и «борцовъ», не признающій ни «правды», ни «справедливости», ни «долга», ни «права», заставилъ его сказать другое:

...Жизнь кипитъ исполнена сознаньемъ,
Что радость въ буйствѣ силъ, въ ихъ полнотѣ.
Права и долгъ — лишь бѣглыя мечтанья,
Что на пути надеждъ плѣняютъ молодежь [1].

И онъ въ цѣломъ рядѣ стихотвореній поэтизируетъ не знающую преградъ стремительность силъ, дѣйствующихъ въ капиталистическомъ обществѣ. Плѣняется безудержной властностью образа «Банкира», повелителя вселенной, увлекается стихійнымъ всемогуществомъ «Золота», покорившаго міръ...

Но въ позднѣйшихъ своихъ стихотворныхъ сборникахъ, Верхарнъ точнѣе формулировалъ свое новое міросозерцаніе.

Его идеалъ — въ психо-физіологическомъ состояніи высокаго душевнаго подъема, въ экстазѣ, превращающемся въ подвигъ, внутренно освобождающій и приводящій къ согласію съ самимъ собою [2]...

И трудолюбиво-миролюбивая Бельгія, осуществивъ на практикѣ въ геройской борьбѣ съ жесточайшимъ врагомъ этотъ идеалъ «выразителя своего національнаго духа, тѣмъ самымъ намѣтила пути къ новымъ идеаламъ: къ новой лучшей «правдѣ», къ новой, лучшей «справедливости».

В. Н. Карякинъ.

10-го ноября, 1914 г.
Москва.

---

1 Изъ того же ст. «Города и Поле», а въ томъ же переводѣ.
2 Сборники: «La Multiple Splendeur et «Les Forces tumultueuses».

ИМПЕРІЯ ГАБСБУРГОВЪ И НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ.

«Отъ разлагающагося трупа вѣнской правительственной системы на насъ вѣетъ зачумленнымъ воздухомъ»,—такъ говорилъ 65 лѣтъ тому назадъ знаменитый венгерскій патріотъ Кошутъ, поднимая въ Пресбургѣ знамя востанія противъ меттерниховскаго режима полицейской монархіи Габсбурговъ.

Эти историческія слова вдругъ совершенно нежданно получили въ наши дни новую убійственную силу и роковой смыслъ. «Зачумленнымъ воздухомъ» пахнуло на этотъ разъ изъ Вѣны на всю Европу и хищная политика новой «балканской державы» зажгла всемірный пожаръ. Преступное посягательство Вѣнскаго имперскаго правительства на геройскую Сербію и европейскій миръ, предпринятое подъ знаменемъ агрессивнаго нѣмецкаго націонализма, еще разъ обнажило во всей наготѣ тотъ зараженный очагъ, раскинувшійся въ центрѣ Европы, который на офиціальномъ языкѣ называется дуалистической имперіей Габсбурговъ.

Трудно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ что-либо болѣе уродливое, чѣмъ этотъ безобразный наростъ на политическомъ тѣлѣ Европы, механически образовавшійся изъ какихъ-то историческихъ «остатковъ» и «обрѣзковъ» народностей, единственной общей связью между которыми до сихъ поръ является о б щ і й г н е т ъ вѣками тяготѣющей надъ ними «вѣнской правительственной системой» австрійскаго дома.

Австро-Венгерская имперія, дѣйствительно, по своему смѣшанному много- и мелкоплеменному составу населенія представляетъ изъ себя какое-то шитое бѣлыми нитками изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ одѣяло, пестрое и нескладное, всегда готовое расползтись по всѣмъ швамъ. Нѣмцы (11 милл.), мадьяры (8 милл.), чехи (5,9 милл.), поляки (4 милл.), украинцы-русины (3,7 милл.), румыны (3 милл.), хорваты (1,7 милл.), евреи (1,2 милл.), сло-

венцы (1 милл.), сербы (1 милл.) и, наконецъ, итальянцы (750 т.) — такова эта своеобразная смѣсь языковъ, вѣроисповѣданій (католики, православные, протестанты, іудеи, мусульмане), культуръ, разбросанныхъ по обширной неуклюжей территоріи имперіи. Таково это историческое австрійское «наслѣдство». Такова эта «истинно-нѣмецкая» габсбургская монархія.

И этой смѣшанности и сборному характеру населенія «лоскутной» имперіи, какъ нельзя лучше, соотвѣтствуетъ рѣзкая неправильность ломаной линіи ея политическихъ границъ, замыкающихъ въ себѣ разнообразный конгломератъ земель «австрійскаго наслѣдства», не разъ перекидывавшаго свои владѣнія черезъ головы другихъ народовъ, то въ Италію, то въ Испанію, то въ Нидерланды и т. д. Врѣзываясь своими владѣніями на западѣ въ итальянскую территорію (южный Тироль), на сѣверѣ — въ самое сердце Германіи и польско-украинскую народность, на югѣ — вдоль адріатическаго побережья и въ глубь балканскихъ народовъ и, наконецъ, на востокѣ — въ Румынію, Австрія, такъ сказать, по живому тѣлу рѣжетъ своими политическими границами то нѣмецкія, то славянскія, то итальянскія народности. На протяженіи всей своей пограничной линіи и еще разъ внутреннимъ кольцомъ венгерскихъ владѣній она превращаетъ имперскую государственную территорію въ сплошную рану, вѣчно ноющее больное мѣсто.

Настойчивыми усиліями королей «собирателей» вся эта масса земель и національностей, которыя австрійскому дому удалось «урвать» то тамъ, то здѣсь среди волненій еще неустроенной, едва выходившей изъ средневѣковой раздробленности Европы, была наскоро сбита, въ концѣ-концовъ, въ нѣчто общее, что только въ 1806 г. получило свое «собственное» имя Австрійской имперіи. Однако, эта механическая смѣсь народовъ, грозившая не разъ монархіи Габсбурговъ совершеннымъ распадомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ послужила и утвержденію политической олигархіи Вѣнскаго правительства.

Австрійскій абсолютизмъ, подъ знаменемъ котораго совершился процессъ «объединенія» въ значительной мѣрѣ чуждыхъ другъ другу народностей, — союзниковъ по несчастью своихъ историческихъ судебъ, — долженъ былъ найти особенно благопріятную почву для своего развитія, именно, въ этой смѣшанной средѣ разноязычнаго состава земель австрійской короны. Государство «стараго порядка», выросшее въ Европѣ на почвѣ сословнаго раздѣленія народовъ и поставившее руководящимъ началомъ своей внутренней политики классическій девизъ: «раздѣляй и властвуй», это старое полицейское государство должно было особенно

пышно расцвѣсти подъ сѣнью династіи Габсбурговъ, гдѣ соціальная рознь усугублялась еще болѣе національнымъ и вѣроисповѣднымъ раздѣленіемъ Австрійской имперіи. И, дѣйствительно, политика разжиганія національныхъ ненавистей, временная уступка одной народности, чтобы поразить самостоятельность другихъ и властвовать надъ всѣми,—эта угнетательная политика красной нитью проходитъ черезъ всю исторію Австро-Венгерской монархіи до нашихъ дней. Уже Фердинандъ I (1556 г.) можетъ считаться въ указанномъ смыслѣ основателемъ этой «австрійской» политики. Воинственный католицизмъ, покровительство іезуитамъ, введеніе цензуры—вотъ орудія, съ помощью которыхъ утверждалось уже тогда «величіе» и «мощь» бывшаго маркграфства австрійскаго и габсбургскихъ герцоговъ, головы которыхъ уже съ XIII вѣка начала украшать «корона германскихъ императоровъ». И необходимые результаты этой политики не замедлили сказаться при ближайшихъ же преемникахъ Фердинанда—Рудольфѣ II и эрцгерцогѣ Фердинандѣ, гоненія которыхъ умѣли вызвать образованіе союза протестантской обороны, возстаніе Венгріи и обращеніе ея за помощью къ Турецкому правительству.

Положеніе еще болѣе обостряется при Фердинандѣ штирійскомъ, который своими притѣсненіями вызвалъ революцію 1619 г., положившую начало 30-лѣтней войнѣ. Отмѣна феодальныхъ вольностей, преслѣдованія чеховъ—таковы главнѣйшія дѣянія этого «объединителя». При Леопольдѣ I (1657—1705 гг.) та же картина — новыя гоненія на протестантовъ, новыя возстанія, разгромъ Венгріи и война «за испанское наслѣдство» габсбургской династіи. И только угроза полнаго развала государства охлаждала энергію австрійскаго дома въ борьбѣ за его печальное европейское «наслѣдство». Но и «свѣтлый промежутокъ» расцвѣта просвѣщеннаго абсолютизма при Іосифѣ II не могъ принести «успокоенія» несчастной странѣ. Преемникамъ Іосифа безъ особаго труда удалось ликвидировать «реформы» либеральнаго деспота, въ концѣ-концовъ, укрѣпившаго въ имперіи государственный абсолютизмъ съ его характерными признаками централизаціей и бюрократизмомъ. Впрочемъ и «просвѣщенное» реформаторство Іосифа не порвало традицій австрійской политики, поскольку новыя ограниченія политическихъ «вольностей» чеховъ, венгровъ (въ правахъ сеймовъ) и въ Нидерландахъ, объявленіе нѣмецкаго языка государственнымъ и т. п. мѣры продолжали культивировать все ту же внутреннюю рознь и всеобщее озлобленіе.

Но никогда, быть-можетъ, эта исконная политика Габсбурговъ не выступала съ такой яркостью и цинической откровенностью, какъ

въ эпоху Франца II и Меттерниха, когда Австрія приняла на себя, въ лицѣ «добраго генія» общеевропейской реакціи — Меттерниха, роль европейскаго «жандарма», по искорененію въ Европѣ «заразы» французской революціи и всяческой внутренней «крамолы». Истинная «душа» священнаго союза, превратившагося въ ловкихъ и неразборчивыхъ рукахъ австрійскаго «премьера» въ заговоръ династовъ противъ ихъ народовъ, Меттернихъ является живымъ и совершеннымъ воплощеніемъ политики «разлагающагося трупа вѣнской правительственной системы». Только Австрія и могла выставить такую характерную историческую фигуру, этого Бисмарка — наизнаку, какъ Меттернихъ.

Политика Вѣнскаго правительства получила въ его особѣ свое классическое и законченное выраженіе. Исконный консерватизмъ «нѣмецкой» габсбургской династіи, вѣчно лавировавшей между сталкивающимися національными стремленіями населяющихъ Австрію народностей и строившей на нихъ свое господствующее положеніе, вылился на этотъ разъ въ яркія, реакціонныя формы. Охрана во что бы то ни стало «существующаго порядка» сопротивленіе всякимъ «преобразованіямъ» — этотъ меттерниховскій лозунгъ долженъ былъ еще болѣе усилить дѣйствіе основныхъ началъ политики «раздѣляй и властвуй», не только путемъ обостренія внутренней національной борьбы въ имперіи, но и безцеремоннаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь другихъ независимыхъ государствъ...

Углубляя національный антагонизмъ между нѣмцами и славянами въ собственной Австріи, Вѣнское правительство въ то же время усиленно раздувало вражду между Австріей и мадьярами Венгріи, гдѣ національная борьба къ тому же еще болѣе осложнилась внутренней распрей между господствующей народностью и сербами, хорватами и румынами. Но, не довольствуясь проведеніемъ политики «раздѣленія» у себя дома, Австрійское правительство вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно сопротивлялось объединительному національному движенію, какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи, стремясь поддержать политическій status quo въ этихъ нестройныхъ и раздробленныхъ земляхъ. Соединенными силами «священнаго союза», главныя нити котораго держалъ въ своихъ рукахъ Меттернихъ, оно дерзко врывалось со своими карательными экспедиціями и реставраторскими стремленіями во внутреннюю жизнь народовъ Испаніи, Италіи, Португаліи, Греціи, всюду стараясь задушить голоса исторіи: освободительное движеніе, охватившее всю Европу. Конечно, наиболѣе рѣзкое проявленіе эта политика нашла внутри Австрійской имперіи. Ея сущность съ рѣдкой откровенностью формулировалъ самъ австрійскій

императоръ Францъ II, прямо заявившій: «Мои народы чужды другъ другу, но тѣмъ лучше, ибо я посылаю венгровъ въ Италію, а итальянцевъ въ Венгрію, каждый стережетъ своего сосѣда. Они не понимаютъ другъ друга и другъ друга ненавидятъ, но отъ ихъ взаимной антипатіи рождается порядокъ» (!), т.-е. торжество австрійскаго дома и его угнетательной политики. И это натравливаніе одного народа на другой, «сосѣда»-нѣмца на «сосѣда»-чеха, и того и другого на ихъ общаго «сосѣда»-мадьяра — составляетъ весь секретъ «національной» истинно-нѣмецкой политики Габсбургской имперіи. Поэтому смѣняющіяся гоненія то противъ той, то другой народности на почвѣ ея родной культуры (языка, вѣры) является излюбленнымъ пріемомъ Вѣнскаго правительства. Неудивительно, что «школьная» политика всегда занимала среди этихъ пріемовъ самое видное мѣсто. Школьный клерикализмъ, стѣсненія свободы преподаванія, особенно въ связи съ вопросомъ о материнскомъ языкѣ, гоненія на университетскую науку — все это пускается въ ходъ немедленно, когда нужно еще и еще разъ толкнуть одного «сосѣда» на другого.

И никому иному, какъ, именно, все тому же императору Францу принадлежатъ классическія слова: «Ученыхъ мнѣ не надо, мнѣ нужны только вѣрные подданные. Кто мнѣ служитъ, тотъ долженъ понимать, что я приказываю. Кому это не по силамъ или у кого новыя идеи, пусть лучше убирается, иначе я самъ его прогоню».

Но когда эта политика человѣко-ненавистничества давала свои естественные и зрѣлые плоды, вспышки возстанія и революціонныя потрясенія, тогда изъ рядовъ того же правительства всегда раздавались характерныя рѣчи съ открытыми обвиненіями какихъ-то таинственныхъ «инородцевъ» во внутренней смутѣ. Достаточно вспомнить знаменитый манифестъ 21-го мая 1848 г., гдѣ отъ имени императора было объявлено слѣдующее: «Происшествія въ Вѣнѣ 15-го мая привели меня къ печальному убѣжденію, что анархическая фракція, опираясь на совращаемый преимущественно инородцами академическій легіонъ... вознамѣрилась лишить меня свободы дѣйствія» и т. д. Ничего иного, конечно, и не могла придумать въ свое оправданіе эта «національная» власть «инородческой» имперіи, которая умѣла отводить вопросъ о своей собственной отвѣтственности за государственную смуту «съ больной головы на здоровую», какъ говорится.

Впрочемъ, если Вѣнское правительство, несмотря на то, что нѣмецкая народность была въ меньшинствѣ въ имперіи — ex officio и числилось національно-нѣмецкимъ правительствомъ

Австрійской монархіи, признавая нѣмецкій языкъ государственнымъ языкомъ, а цислентійскихъ нѣмцевъ «господствующей» націей, то было бы большой ошибкой приписывать на основаніи этого Габсбургскому правительству національный характеръ.

Еще Мицкевичъ очень удачно замѣтилъ, что обыкновенно объ Австріи имѣютъ ложное представленіе въ этомъ смыслѣ. «На дѣлѣ она никогда не была ни нѣмецкимъ, ни венгерскимъ, ни славянскимъ государствомъ, а только кликой, объединившей всѣхъ тѣхъ, кто поставилъ себѣ цѣлью высасывать жизненные соки изъ столькихъ обширныхъ и густо-населенныхъ земель». И, дѣйствительно, нѣмецкое происхожденіе Вѣнскаго правительства нисколько не мѣшаетъ ему на-ряду съ чехами, мадьярами и прочими народностями имперіи давить въ своихъ собственныхъ интересахъ также и «своихъ» нѣмцевъ всякій разъ, когда этого требуетъ внутренняя конъюнктура государства. Эта католическая «нѣмецкая» держава, исключенная Пруссіей изъ протестантскаго союза истинно-нѣмецкихъ государствъ объединенной Германской имперіи, рожденной въ 1848 г., по существу,— въ силу своего сборнаго состава — не имѣетъ и не можетъ имѣть настоящаго національнаго лица. Вмѣсто него мы видимъ предъ собой характерную физіономію, искаженную безобразной гримасой націонализма династическаго, если можно такъ выразиться, габсбургскаго, единственнаго націонализма, всегда процвѣтавшаго въ «меттерниховской» имперіи и въ жертву которому систематически приносилось и до сихъ поръ приносится благосостояніе столькихъ народовъ, и, наконецъ, самый общеевропейскій миръ! Глубоко правъ былъ поэтому Мерингъ, когда говорилъ, что у австрійскаго подданнаго «нѣтъ отечества»: онъ знаетъ только тяготѣющее надъ нимъ и чуждое ему «государство» Вѣнскаго правительства. Да и что это за государство! «Австрія — не монархія, а олигархія худшаго сорта», — вотъ самая вѣрная оцѣнка имперіи Габсбурговъ, сдѣланная еще Наполеономъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, слѣпая безпросвѣтно-реакціонная политика Меттерниха должна была вызвать всеобщій взрывъ народнаго протеста, и въ Австріи разразилась революція 1848 года.

«Ложное государственное искусство», говорилъ Кошутъ въ своей пламенной рѣчи, послужившей прелюдіей къ широкому освободительному движенію въ странѣ, «раздѣлило народы Австріи; теперь они должны братски объединиться и увеличить свои силы союзомъ». Таковъ былъ лозунгъ того конституціоннаго движенія, которое въ «мартовскіе дни» отозвалось движеніемъ въ Вѣнѣ и по всей имперіи. Народное движеніе, какъ

мы видимъ, сразу выдвинуло какъ разъ противоположный габсбургской политикѣ принципъ свободнаго внутренняго развитія народностей Австріи. Не натравливаніе одного «сосѣда» на другого, не ихъ «взаимная ненависть», а «братскій союзъ» на началахъ правового государства — вотъ что должно и могло только спасти Австрію отъ окончательнаго разложенія. «Долой Меттерниха!», — таковъ былъ воодушевленный лозунгъ, прокатившійся по имперіи въ знаменитый и роковой 1848 годъ. Въ этомъ лозунгѣ было сказано все: «истинный источникъ всѣхъ замѣшательствъ лежитъ въ противоестественной вѣнской правительственной системѣ», — такъ перевелъ его на общепонятный языкъ великій патріотъ Венгріи, который тутъ же и добавилъ, что дни австрійскаго абсолютизма уже были сочтены. И дѣйствительно, Меттернихъ палъ и бѣжалъ, и уже вопросомъ времени было коренное преобразованіе Австріи на конституціонныхъ началахъ. Однако, если Меттернихъ, полагавшій въ своемъ глубокомысліи, что освободительное движеніе народовъ имперіи есть дѣло «жидовъ, поляковъ, итальянцевъ» и проч. инородцевъ, и палъ, то режимъ меттерниховской Австріи все же пережилъ старую монархію, и своимъ трупнымъ ядомъ сумѣлъ отравить обновленный строй государства.

Уже прослѣдовавшая по пятамъ мартовской революціи новая вспышка реакціи, сопровождавшаяся усиленіемъ Венгріи и Чехіи, осадой Вѣны, привела въ ближайшіе годы къ тяжелымъ эксцессамъ, выразившимся въ покушеніи въ 1853 году на жизнь самого короля, — покушеніи, послѣдовавшемъ вслѣдъ за отмѣной конституціи. Но дѣло свободы и умиротворенія страны, помимо прямыхъ посягательствъ на него со стороны реакціонныхъ элементовъ, попало въ тяжелое положеніе, благодаря той національной розни, которая глубоко отравляетъ до сихъ поръ весь организмъ двуединой имперіи. Многовѣковая школа «національной» политики Габсбурговъ не прошла безслѣдно для народностей, ее населяющихъ. Она и при измѣнившихся условіяхъ давала въ руки «конституціоннаго» правительства Австріи нужные ей элементы сосѣдскаго антагонизма, изъ которыхъ можно было и далѣе плести ту же сѣть внутренней имперской политики. Взаимная борьба народностей, которой всегда умѣло пользоваться Вѣнское правительство, и при новомъ режимѣ, еще болѣе усилившемъ національныя стремленія народовъ Австро-Венгріи, нейтрализовала послѣднее, гарантируя ему властное положеніе въ странѣ. Дѣло государственнаго строительства медленно и нестройно подвигалось впередъ, срываясь на каждомъ шагу единичными выступленіями разъединенныхъ народовъ Австріи. Примѣръ указать не-

трудно: федеральная конституція 60-хъ годовъ оказалась, въ концѣ-концовъ, сорванной нѣмцами, какъ унитарная 61-го года — мадьярами. Центральному правительству оставалось только умѣло лавировать между этими «приливами» и «отливами» разыгравшихся націоналистическихъ чувствъ и пожинать плоды своей габсбургской политики.

И, дѣйствительно, трудно указать иную страну, конституціонная исторія которой была бы преисполнена такой ожесточенной борьбы, столь губительной для страны, чѣмъ Австрія. Борьба за языкъ въ парламентѣ внесла уже первую рознь въ политическую жизнь обновленной страны. А далѣе — не менѣе острая борьба за тотъ же языкъ въ государственныхъ учрежденіяхъ, школѣ, то-и-дѣло низвергала одинъ кабинетъ министровъ за другимъ (напримѣръ, исторія кабинета Бодени и его преемниковъ), зажигая цѣлый пожаръ національныхъ ненавистей между нѣмцами, чехами, мадьярами, славянами. Бойкотъ парламента (чехами), грандіозныя парламентскія обструкціи (1897 г.), настоящіе парламентскіе погромы, когда вдребезги разносились министерскія скамьи и президентскія кресла (1903 г.), кровавыя столкновенія, объявленіе «осаднаго положенія», — вотъ характерный фонъ, на которомъ разыгрывается драма государственной жизни имперіи Габсбурговъ. И хотя отдѣльнымъ народностямъ въ этой борьбѣ удалось вырвать себѣ не мало существенныхъ уступокъ, но все же, несмотря на эти уступки, національный вопросъ въ Австріи не сходитъ со сцены и не теряетъ своей остроты. И клики: «за Санъ ляха!», «единая Сербія!», «единая Хорватія» и т. д. продолжаютъ потрясать политическія сферы имперіи. И въ этой раскаленной атмосферѣ разгораются непримиримыя теченія пангерманизма, панславизма, антисемитизма и прочихъ націоналистическихъ «измовъ», которые сводятъ почти на нѣтъ творческую культурную и соціальную работу народнаго представительства страны, все болѣе и болѣе запутывая клубокъ взаимоотношеній народовъ Австро-Венгріи. А среди этого то вспыхивающаго, то потухающаго пожара Вѣнское правительство продолжаетъ «таскать каштаны изъ огня» и продвигать свою агрессивную политику вглубь славянскихъ земель, куда направило оно свои хищные взоры, съ тѣхъ поръ, какъ Бисмаркъ отвелъ ихъ разъ и навсегда отъ Германской имперіи, во главѣ которой когда-то мечтали встать Габсбурги. Здѣсь и должны мы искать источника новаго преступнаго посягательства Австріи на Сербію въ наши безумно тревожные дни.

Такимъ образомъ, несмотря на свое кажущееся обновленіе, Австрійская имперія продолжаетъ нести въ себѣ неизлѣчимый недугъ, который превращаетъ ее въ какой-то живой трупъ, вѣчно смердящій,

вѣ гноящуюся язву на тѣлѣ Европы. И совершенно очевидно, что вѣ предѣлахѣ «Габсбургской» имперіи сѣ ея «истинно-нѣмецкой» политикой національный вопросѣ вѣ Австріи неразрѣшимѣ. Но, говоря о неизлѣчимомѣ недугѣ имперіи Габсбурговѣ, мы имѣемѣ вѣ виду не народы, ее населяющіе, которые жили, несмотря ни на что, а ту заряженную облекающую ихѣ оболочку, которая называется Австро-Венгерской имперіей габсбургскаго дома.

И до тѣхѣ порѣ, пока эта оболочка, воплощающая вѣ себѣ кажущееся единство имперіи, которому Венгрія уже нанесла страшный ударѣ вѣ 1866 году, будетѣ существоватѣ и не исчезнетѣ и угроза европейскому миру.

И, можетѣ-бытѣ, именно, подѣ сѣнью этой угрозы, вѣ надеждѣ на вооруженный нейтралитетѣ разобщенныхѣ вѣ своихѣ интересахѣ великихѣ державѣ, Вѣнское правительство и дерзнуло на свой преступно-дерзкій шагѣ. Но судѣ исторіи приближается. Приближается кѣ своему разрѣшенію и національный вопросѣ Австро-Венгріи, для которой онѣ — по существу — сводится кѣ ликвидаціи самой имперіи Габсбурговѣ, утвердившей свою силу на слабости угнетенныхѣ и разобщенныхѣ ея усиліями народностей, загнанныхѣ подѣ ударами судьбы подѣ властѣ нѣмецкой династіи.

И не подлежитѣ уже болѣе сомнѣнію вѣ какомѣ направленіи, во имя какихѣ началѣ долженѣ совершитѣся этотѣ великій судѣ. Эти начала уже заявлены громко предѣ лицомѣ всей Россіи и всего цивилизованнаго міра, они провозглашены вѣ историческихѣ «возваніяхѣ» Верховнаго Главнокомандующаго славной русской арміи — это начало «свободы языка, вѣры и самоуправленія!» Это тѣ самыя начала, которыя всегда являлисѣ «завѣтной мечтой», народныхѣ вожделѣній и «лучшими идеалами» угнетенныхѣ народностей Европы. Это тѣ начала, безѣ которыхѣ не можетѣ нормально развиватѣся государство, включающее вѣ своихѣ предѣлахѣ разноязычные и разноплеменные народные элементы. И освобожденные народы не забудутѣ этихѣ обращенныхѣ кѣ нимѣ призывовѣ, которые несутѣ имѣ не только вѣстѣ о «братскомѣ примиреніи сѣ великой Россіей», но и вѣстѣ о близкомѣ ихѣ національномѣ возрожденіи подѣ сѣнью великой державы вѣ союзѣ сѣ великимѣ народомѣ.

Б. Сыромятниковѣ.

